

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (06) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора:

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчув, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Ожорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://voprnalit.elpub.ru>

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (06) 2022

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor:

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing Editor:

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orbitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://voprnalit.elpub.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурцев А. А., Бурцева М. А.</i> Художественное творчество В. Егорова-Тумарчи.....	5
<i>Дарбасова С. Д.</i> К вопросу о периодизации истории критической мысли по творчеству А. Е. Кулаковского.....	17
<i>Ефремова Н. А., Григорьева И. М.</i> О переводе сказок В. Гауфа на якутский язык («Маленький Мук», «Сказка о калифе-аисте», «Карлик Нос»).....	26
<i>Зулумян Б. С.</i> Роль пассионариев в истории национальной культуры: от Месропа Маштоца (V в.) к Хачатуру Абовяну (XIX в.).....	37

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Сивцева-Максимова П. В.</i> Г. М. Васильев, литературовед и литературный критик.....	45
<i>Васильев Г. М.</i> А. Е. Кулаковский и аллитерационная система в якутской поэзии (Из книги Васильев Г. М. Якутское стихосложение. Часть вторая. Развитие якутского стихосложение. Глава первая. – Якутск, 1965. – С. 57-73).....	56

ТЕКСТОЛОГИЯ, СТИХОВЕДЕНИЕ

<i>Орехов Б. В.</i> Башкирский стих в системе сравнительного тюркского стиховедения.....	69
--	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Дарбасова С. Д., Ильина Нь. И.</i> Состоялся симпозиум «Алексей Елисеевич Кулаковский – духовный лидер Якутии», посвященный 145-летию А. Е. Кулаковского и 110-летию послания “Якутской интеллигенции”.....	80
<i>Иманова С. И.</i> О Р. Г. Кулиевой.....	83

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Burtsev A. A., Burtseva M. A.</i> The creative work of Vasily Egorov-Tumarcha.....	5
<i>Darbasova S. D.</i> On the periodization of the history of critical thought on the works by A. E. Kulakovsky... 17	17
<i>Efremova N.A., Grigorieva I.M.</i> On the translation of Wilhelm Hauff's fairy tales into Yakut ("The Story of Little Muck", "Caliph Stork", "Little Long-Nose").....	26
<i>Zulumyan B. S.</i> The role of passionaries in the history of national culture: from Mesrop Mashtots (5th century) to Khachatur Abovyan (19th century).....	37

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Sivtseva-Maksimova P. V.</i> G. M. Vasilyev, literary scholar and critic.....	45
<i>Vasilyev G. M.</i> A. E. Kulakovsky and the alliteration system in Yakut poetry (From the book Vasilyev G. M. Yakut versification. Part Two. The development of Yakut versification. Chapter one. – Yakutsk, 1965. – pp. 57-73).....	56

TEXTUAL CRITICISM, POETRY RESEARCH

<i>Orekhov B. V.</i> Bashkir verse in the system of comparative Turkic verse studies.....	69
---	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Darbasova S. D., Ilyina N. I.</i> The symposium "Alexey Eliseevich Kulakovsky – spiritual leader of Yakutia" was held, dedicated to the 145th anniversary of A. E. Kulakovsky and the 110th anniversary of the message of the "Yakut intelligentsia".....	80
<i>Imanova S. I.</i> About R. G. Kulieva.....	83

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-3 Егоров-Тумарча

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

Художественное творчество В. Егорова-Тумарчи

СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия, Якутск

Аннотация. На долю народного писателя Якутии Василия Назаровича Егорова-Тумарчи выпала насыщенная удивительными событиями, интересная судьба, о которой он поведал в автобиографическом произведении «Дух предков» («Өбүгэ тыына»), состоящем из двух книг: «Ожулуңцы» («Одьулууннар», 2010), «Веление рока» («Халбас харата», 2015).

Что касается собственно художественного творчества, то оно до сих пор изучено еще недостаточно. В монографии Е. Г. Винокурова раскрыты жизненный путь, взгляды и общественная деятельность писателя [2]. Современная критика располагает также рядом юбилейных статей, рецензий и воспоминаний, которые содержат справедливые суждения о значении творчества писателя, о его вкладе в развитие индустриальной темы в национальной литературе [1]. Много внимания уделяется публицистическим произведениям автора, в которых затрагиваются проблемы народного хозяйства, образования и культуры [3]. Но все же работ, посвященных анализу собственно мастерства писателя, принципов создания художественных образов, стиля и языка, почти нет. Наша задача – попытаться восполнить этот пробел, и на материале художественных произведений Тумарчи, прежде всего романов «Проклятый камень», «Возвышение», «Нить жизни», раскрыть его мастерство как художника слова.

Ключевые слова: индустриальная тема, сюжетостроение, «малый роман», дилогия, воспитательный жанр, «производственный» роман, «центростремительная» композиция, характерология, поэтика.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philology, Professor M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

The creative work of Vasily Egorov-Tumarcha

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. People's writer of Yakutia Vasily Nazarovich Egorov – Tumarcha had an interesting fate, full of amazing events, about which he told in his autobiographical work "The Spirit of the Ancestors" ("*Obuge tyyna*"), consisting of two books: "Ozhuluntsy" ("*Oduluunnar*", 2010) and "The Decree of Rock" ("*Khalbas Harata*", 2015).

As for his creative work, it has not been studied enough yet. The monograph by Vinokurov reveals the life path, views and social activities of the writer. Modern criticism also has a number of anniversary articles, reviews and memoirs that contain fair judgments about the significance of the writer's work, about his contribution to the development of the industrial theme in the national literature. Much attention is paid to the author's journalistic works, which touch upon the problems of the national economy, education and culture. However, there are almost no works devoted to the analysis of the writer's own skill, the principles of creating artistic images, style and language. Our task is to try to fill this gap and on the material of Tumarcha's works of art, primarily the novels "The Cursed Stone", "Rise", "The Thread of Life", to reveal his skill as an artist of the word.

Keywords: industrial theme, plot construction, "small novel", dilogy, educational genre, "production" novel, "centripetal" composition, characterology, poetics.

Через все творчество В. Егорова-Тумарчи, геолога по образованию, проходит прекрасно знакомая ему тема тяжелого труда и непритязательного быта разведчиков недр. Об этом хорошо сказал его собрат по перу и профессии Владимир Федоров: «В его произведениях – живая тайга и настоящие горы, их обитатели, подсмотренные не в зоопарке, а встреченные на глухих тропах и в дальних маршрутах. Ему не надо придумывать, как пробивается поисковый шурф или моется лотком золото, как ведет себя раненый медведь и как тонут лошади на переправах горных рек – он сотни раз сам был тому свидетелем и испытал, как принято говорить, на собственной шкуре и счастье открытий, и горечь поражений, и ледяное дыхание близких бед» [6, с. 3-4].

Вообще эта тема поисков и освоения золотых месторождений, полная суровых испытаний и смертельной опасности, и в то же время овеянная мужественной романтикой, имеет свою историю. В зарубежной литературе она раскрывается в рассказах и романах В. Ирвинга, Ф. Брет-Гарта, Д. Лондона, Р. Хаггарда. В русской литературе у ее истоков стоял Д. Н. Мамин-Сибиряк, по праву считавший своей заслугой «открытие Урала мировой литературе». Если в его романах «Приваловские миллионы» (1883), «Золото» (1892) и других произведениях преобладал сатирический пафос, направленный против мира безудержного стяжательства и социального хищничества, то в советской литературе, например, в приключенческой повести В. С. Клепова «Тайна золотой долины» (1958), доминировала тенденциозная неоромантика в духе социалистического реализма.

В этом плане произведения якутского писателя В. Н. Егорова-Тумарчи ближе по своей проблематике к творчеству российского писателя Ю. В. Сергеева, тоже геолога по образованию, ряд лет добывавшего золото на Алдане. Работавший сначала рядовым бурильщиком, а потом ставший руководителем старательской артели «Прогресс», он хорошо знал суровые «труды и дни» золотоискателей, и в повести «Самородок» (1984), романах «Становой хребет» (1987), «Княжий остров» (2004) правдиво и очень достоверно воспроизвел тяжелый труд старателей-кустарей, их негибачемые характеры и открытые души.

Уже в своем первом опубликованном произведении – рассказе «Вдруг» – Тумарча продемонстрировал мастерство сюжетостроения, портретистики и использования образов природы. Рассказ имеет острую фабулу, построенную на реальном событии смертельной схватки двух геологов, начальника партии Моисеева и рабочего Саши, с огромным медведем, который на узкой таежной тропе внезапно нападает на них. Трехчастная композиция рассказа состоит из завязки действия, кульминации и развязки. Начинается повествование с небольшой экспозиции, которая содержит лаконичное описание места действия («Икки өттө үрдүк хайа эркиннээх, сырдык уулаах, чарылас сүүрүктээх таас үрэфи өрө тутан икки киһи иһэр»), а также такие же краткие портреты героев («Биирдэрэ, үрдүк унуохтаах үскэл көрүннээх киһи уна илиитигэр көрүүхтэн сүүргү уһун уктаах улахан өтүэйни таннары тайахтанан тиэтэйэ-саарайа киэн-киэнник атыллалатыр... Иккиһэ, улахан рюкзагы тэскэччи сүкпүт кыра хатыныр киһи, аргыһыттан хаалымаары, сүүрүү былаастаах хаамынан иһэр»). Далее уставшие геологи решили сделать привал: Моисеев сел на камень и стал наносить на карту точки маршрута, Саша, пользуясь моментом, начал лакомиться обильно растущей вокруг спелой голубикой. Завязкой действия служит эпизод, когда Моисеев, неожиданно увидев, что в двадцати шагах от его помощника огромный медведь тоже поедает голубику, быстро схватил карабин и выстрелил в направлении зверя, который громко взвизгнул и, кувыркнувшись, умчался в гору. Саша тоже издал отчаянный крик и моментально оказался рядом с начальником. Успокоившись, они продолжили путь. Действие достигает кульминации, когда внезапно из-под кучи кедрового стланика выскочил медведь и с грозным рыком набросился на шедшего впереди Моисеева. Увидев, что зверь подмял его старшего товарища под себя, Саша подскочил к нему, схватил за ствол отлетевший в сторону карабин и изо всех сил ударил прикладом прямо по голове медведя. Тот издал громкий нечленораздельный звук, схватился за голову и убежал. Позднее, рассказывая коллегам об этом случае, Моисеев говорил: «Если не Саша, я бы тогда погиб. Благодаря его смелости и быстрой реакции, я почти не пострадал» («Сашам суоҕа буоллар, өлөр этим. Кини хоһуун, түргэн туттуулаах буолан, бөрүкү эчэйбэтэҕим даҕаны»).

Жанр следующего произведения Тумарчи, «Проклятого камня», критики трактуют по-разному: чаще всего его называют повестью, иногда относят к роману. При этом главными критериями считают количественные показатели – размер текста и количество действующих лиц. Но для определения жанровой специфики произведения необходимо учитывать еще два признака: родовую принадлежность и «объем сюжета». Если роман отличается стремлением к драматичности и в то же время замкнутости сюжетного действия, то повесть тяготеет к эпичности, хроникальному построению сюжета и композиции. В романе происходит основательная, многократная «проверка» героев в разных ситуациях, поэтому объем и охват событий предельно широкий. В повести изображается ряд событий из жизни героя, которые служат основанием для его оценки, в отличие от рассказа, где герой проходит однократное «испытание».

Что касается «Проклятого камня», то в этом произведении отразились не только расстрел рабочих в Бодайбо в 1912 г. и события первой мировой войны, но, и коренные преобразования в советский период, когда вместо усилий старателей-одиночек началось промышленное освоение недровых богатств Якутии. То есть, по охвату жизненного

материала «Проклятый камень» не укладывается в рамки повести, но в то же время его жанровое содержание и «объем сюжета» недостаточны для традиционного романа. Поэтому жанровую специфику этого произведения целесообразно определить как «малый роман» [4, с. 815].

Как и рассказ «Вдруг», «Проклятый камень» тоже имеет реальную основу. Во время работы в Верхне-Индигорской геологоразведочной экспедиции Тумарча, читая старые отчеты, наткнулся на сведения о том, что золото на Колыме обнаружили бежавшие из Бодайбо старатели Бари Шафигуллин (в романе – Бориска) и Сафей Гайнуллин (Сафейка). В другом источнике, книге геолога Е. К. Устиева «У истоков золотой реки», упоминалось, что первым нашел золотой слиток охотник-якут Иннокентий Аммосов.

В «Проклятом камне» тоже прослеживается отчетливый сюжет, состоящий из двух фабульных линий: одна из них как раз строится вокруг фигуры Леонтия Аммосова, по прозвищу Лекей, другая повествует о трагической судьбе Бориски и его друга Сафейки. Завязкой действия служит случайная находка Лекеем в речке Сиридикен на удивление тяжелого «дивного красноватого камня величиной с кулак» («ытыс саҕа дыкти таас күн чабылыгар уоттуну кыһыл өгүнэн толбоннуран көһүннэ»).

В дальнейшем камень оказался в распоряжении приказчика купца Розенфельда, который выложил за него в представлении Лекея огромное богатство: «довольно большой тюк черного сукна, две огромные плитки чая, несколько связок табака и три больших кусища сахара» («Остуолга обургу ыга эриллит хара сукунаны, икки «Дорообо» чэйи, хас да баайы сэбирдэх табаҕы, мээрэйи умса уурбут курдук гынан баран, уһуктаах үс улахан куһуок саахары уурталаатылар»). Этот эпизод напоминает аналогичную ситуацию в романе Н. Якутского «Искатели алмазов», где старый рыбак Бёкэ находит в речке Ирелях крупный алмаз, который достается купцу Кокореву за «три фунта табака».

Бориска, сопровождавший приказчика в качестве переводчика, тоже крайне заинтересовался камнем и попросил Лекея показать место, где он нашел его. Так начинается «фаза партнерства» общей четырехфазной модели [5, с. 39] сюжетной организации произведения Тумарчи. За «фазу обособления» можно принять пунктирно намеченную предыдущую историю героев до их встречи и знакомства. Попав в погоне за фартом на Колыму, старатели не только столкнулись с невероятными трудностями, но и ощутили теплое, человеческое отношение к ним местных жителей.

Мастерским созданием писателя явился образ Лекея, обрисованный им с явной симпатией и глубоким психологизмом. Этот простой охотник в редкие минуты отдыха склонен «предаваться размышлениям» («киһи күннээҕи үлэ-хамнас түбүгүттэн ортобуна хаһан эмэ быыстанан син ону-маны үөтэн, ырыналаан саныыр түбэлтэлэрдээх буолааччы»). Ему доступно восприятие красоты окружающей природы: «Лекей подъехал к броду через Сиридикен, где он нашел золото, к закату солнца. В этот раз почему-то знакомое место показалось ему более привлекательным и красивым...» («Күн дьааһыгырыта Лөкөй Сиридикээннэ, урут көмүс булбут оломугар, кэллэ. Хайдах эрэ бу сирэ кини хараҕар кэрэтийэн көһүннэ...»). Лекей остановил коня и как замороженный оглядел высокие горы и речку.

Он близко к сердцу принимает рассказ Бориски о расстреле рабочих в Бодайбо. Ему ужасно стыдно, что его друзья столько времени потеряли даром, зрягнули спины, долбили камни и твердую, как железо, землю. От этих мыслей «Лекея прошиб пот, и он поспешно вытер рукавом лоб. Мысленно он продолжал ругать себя и сидел, низко опустив голову, не смея взглянуть в глаза своим новым знакомым» («Лөкөй кыбыһынна. Мэктиэтигэр сүүһүн көлөһүнэ бычыгыраан тахсыбытын ытыһын тилэбинэн туора соттон кэбистэ. Мух-мах баран, дьонун хараҕын таба көрбөккө олордо»). Он не просто винит себя в их бедах, пытается помочь им, снабжает мясом. Когда к старателям привалил фарт, Лекей искренне обрадовался. «Ну-у, вот это новость так новость... Счастье полной чашей привалило!» («Но-о, дьэ бу сонун... Дьэ, доҕор, дьолгут тосхойбут!»), – воскликнул он, когда Бориска сообщил, что такого богатого золота они нигде не встречали.

Образ Бориски тоже отличается психологической глубиной и человечностью. Не случайно основным средством раскрытия его характера служит внутренний монолог. При всей внешней суровости, он очень трогательно относится к Сафейке, который стал для него ближе и роднее брата. Провожая его в поселок за припасами на зиму, он «как будто предчувствует, что им не суждено больше встретиться» («Аны хахан да көрсүбэттии букатыннаахтык арахсалларын билбит курдук, чэгиэн бэйэлэрэ дьигиһийэн ыгыта тутуһан титирэстээн ыллылар»). После ухода друга Бориска почти физически ощутил одиночество. В его голову полезли разные мысли: «Что они будут делать с этим богатством? К чему оно? Какой от него прок?..» («Оччотугар бу байан тугу туһаналлар? Көмүстэрэ туохха да көдүүһэ суох буолсу буолбат дуо?»). Прежняя заманчивая мысль о богатстве, вдруг открывшаяся другой стороной, повергла его в смятение, и он ставит нелицеприятный самодиагноз: «Выходит, они напрасно терпели лишения, преодолевали трудности, грызли мерзлую землю? Выходит, так... Да, странно. Это что, их уже успела захватить колдовская сила золота? Стало быть, они, как и множество людей на протяжении столетий, заражены страшной, ненасытной жадой золотоискательства. Видимо, так.» («Кинилэр бачча уһуннук эрэйи-кыһалҕаны кэргэнниһэн бу тон буору хаһыспытара соччо сыала, суолтата суох буолан тахсар дии... Дьэ, дьиибэ. Ити аата кинилэр бу күндү тааһы көрдөөһүн абыгар ылларбыт буоллахтара. Былыр былыргыттан үгүс дойдуларга таһыынчанан дьон кыттыспыт кырыктаах кыдыктарыгар кыпчыттардахтара. Чахчыта оннук»).

Когда в развитии сюжета наступает «лиминальная фаза испытания смертью», Бориска снова демонстрирует человечность. Он отвечает Лекею добром на добро и, указав место, где он схоронил добытое с таким трудом золото, говорит ему: «И в жизни человеческой встречаются перекаты. Чем черт не шутит, может и со мной всякое стрястись. Вот и хочу я, чтобы после меня остался на земле мой след, осталась частичка моей души. Не хочу, чтобы она ушла вместе со мной в небытие. Прошу, пойми меня правильно и распорядись им по своему усмотрению» («Киһи олоҕо эндирдээх. Баҕар миигин кытта эһин-дьүһүн түбэлтэ буолан хаалыан сөп. Оччотугар мин тыным-быарым толуга кэннибэр хаалар кэриһим кэриэтэ ол кистэлэним буолар. Онтукам бэйэбин кытта биллибэккэ симэлийэн хаалыан баҕарбаппын. Ону өйдөө уонна бэйэн билэргинэн дьаһайаар»).

Финальным этапом фабульной организации «малого романа» «Проклятый камень» служит «фаза преображения», которое испытывает Лекей. В конце концов он принимает на себя ответственность за то, что своей случайной находкой «заколдованного сатанинского камня» разворошил «людскую неумную жадность, распалил ненасытную алчность. От безмерного азарта смерть случилась, от ненасытности жизнь человеческая прервалась» («Онтукам абааһы инмит аптаах таас эбит, кыдык инмит кырыктаах кылаат эбит. Ону билиминэбин дьонно бизрэн инсэлэрин көбүтэн, оботторун күөдүтэн олус үлүһүйэннэр өлүү таһыста»). Подобно старому Седюку из повести Н. Якутского «Золотой ручей», он решает «очиститься от тяжкого греха» и попытаться уничтожить все следы старателей, чтобы блеск золота больше не затмевал сознание людей.

Свидетельством возросшего мастерства Тумарчи как художника слова явились романы «Возвышение» («Өрүһүнүү», 1985) и «Нить жизни» («Олох ситимэ», 1994). Они составили единую дилогию, посвященную трудовым будням и личностным взаимоотношениям большого коллектива разведчиков недр.

Первый роман, повествующий о тернистом пути становления характера и роста самосознания молодого геолога Кузьмы Тараярова, имеет признаки воспитательного жанра. Сирота, воспитанный в детдоме, испытавший многие тяготы жизни, с помощью добрых людей преодолевает все трудности, в том числе собственные слабости, и становится настоящим профессионалом. Вторая часть дилогии, в которой преобладает индустриальная проблематика, приобретает черты «производственного» романа.

В «Нити жизни», как и в «Возвышении», на фоне трудовых процессов писатель не только изображает судьбы героев, но и раскрывает их моральные качества. В результате «производственный» жанр перерастает в нравственно-психологическое повествование. Кроме того, как справедливо заметили критики, оба романа дилогии содержат автобиографические мотивы.

В этих произведениях Тумарча снова продемонстрировал мастерство сюжетосложения и композиции. Кузьму, опустившегося на дно жизни, спасает сердобольная старушка Дебдей, ставшая его ангелом хранителем. Он в свою очередь не только помогает по хозяйству, но и всячески заботится о ней. Благодаря случаю, который мог лишить его последней опоры в жизни, но неожиданно оборачивается счастливой стороной, Кузьма знакомится с геологом Вадимом Ионовичем Котляровым. Он помогает ему устроиться на работу на должность техника в геологоразведочную экспедицию. Жена Котлярова Зоя Петровна тоже близко к сердцу принимает трудную судьбу Кузьмы и быстро находит общий язык с Дебдей.

Композиция романа «Возвышение» носит «центростремительный» характер: история главного героя раскрывается не последовательно, эпизод за эпизодом, событие за событием, то есть «центробежно», а внимание сосредоточивается на самых решающих, поворотных моментах в его жизни. Затем следует «фигура умолчания», и только после этого посредством авторских комментариев или воспоминаний героя восстанавливаются подробности. Так, после эпизода с неудачной продажей унтов, когда вконец расстроенный Кузьма, обнаружив пустой кошелек, «пластом лежал на кровати и, как рыба, выброшенная на песок, жадно хватал воздух широко открытым ртом» («Кууһума... кумахха бырабыллыбыт балыкты, салгыны хабыалы сытта»), в развитии действия происходит счастливый поворот в судьбе героя.

Последующие несколько лет в жизни Кузьмы, вместившие его испытания во время работы в геологоразведочной партии под руководством Котлярова, учебу в Якутском государственном университете и начало его трудовой биографии, переданы посредством его рефлексий-воспоминаний во время полета над хребтом Черского к месту назначения. Более подробно раскрыты эпизоды самостоятельной работы Кузьмы Тараярова в Верхне-Хангильской геологоразведочной экспедиции, встречи с Кларой Унаровой, их чистой любви.

В романе «Возвышение» упоминаются два персонажа – дочь Дебдей Марина и главный геолог Хангильской экспедиции Богданенко, – с которыми непосредственно будет связана личностная и профессиональная судьба Кузьмы Тараярова в романе «Нить жизни».

Действие этого романа, как, впрочем, и первой части дилогии, разворачивается вокруг образа Кузьмы Тараярова, то есть носит моноцентрический характер. По-прежнему оно строится на принципе испытания героя. Хотя он очень старательно и ответственно относится к своим профессиональным обязанностям, выполняет все задания и становится полноправным членом коллектива, сразу же сталкивается с предвзятым отношением к себе со стороны Богданенко.

Зато в личной жизни Кузьмы все складывается благополучно. После длительного полевого сезона происходит долгожданная встреча с женой и сыном. Он настолько трогательно и нежно относится к новорожденному, не может наглядеться на него, что Клара как-то в шутку сказала, что даже начинает «ревновать» к маленькому Кузику («Оҕобун наһаа да таптыгыҥ. Мин бирээмэ күнүүлүөх курдукпун»).

Между тем Марина, увидев фотографию Кузьмы, которую ей отправила Дебдей, поразились его сходству с Николаем, ее первым возлюбленным, погибшим на фронте. Хотя в Якутском роддоме, куда она поступила, акушерка по имени Нюргуйна сообщила, что у нее родился мертвый ребенок, в материнское сердце закралось сомнение в том, порвалась ли тогда «нить жизни» ее сына. Когда она обратилась в детский приют, ей

сообщили, что действительно в июне 1943 года сестра-акушерка городской больницы Нюргюяна Кононова передала туда мальчика по имени Кузьма Тараяров. Марина узнала адрес Нюргюяны, но оказалось, что ее уже не было в живых. Перед отъездом на Север, где она умерла, Нюргюяна оставила своей сестре адресованные Марине и Кузьме письма с признанием вины и объяснением своего поступка.

Автор очень подробно и психологически глубоко передал переживания Марины, когда шаг за шагом приоткрывалась завеса над ее полной лишений и невзгод судьбой. Узнав из письма матери, что она отправила фотографию своего «приемного сына» («Ким буолуой, отгон ииппит уолум Кууһума хаартыскатын ыппытым. Онно туох баарый?»), Марина сначала ничего не поняла, потом вдруг осознала, кем ей приходится Кузьма, и испытала «потрясение»: «Онтон эмискэ сүрэбэ биирдэ «парк» гына түспүтэ. Чабылдьаннаы соботохто күлүм гыммыт удаһыннаах санааттан, дөйүөрбүт курдук, олоубут сиригэр харабаланан хаалбыта». А в первый раз увидев Кузьму, она «внезапно громко вскрикнула и тут же обеими руками прикрыла рот» («...онтон эмискэ тугу эрэ көрбүттүү үөһүн таттаран хаһытаан иһэн айабын саба тутунна»). Когда Кузьма спросил, где бабушка Дебдей, Марина ничего не ответила и только смотрела на него «полными слез немигающими глазами, на которые пала тень то ли радости, то ли грусти» («...үөрүү, эмиэ да кутурбан күлүгэ түспүт тынаабыт сииктээх харахтарынан чыпчылыыбакка көрөр»).

Не менее сложные переживания испытал Кузьма, хотя он заранее был подготовлен Кларой, которая попросила его прочитать письмо Нюргюяны. Состояние не знавшего материнской любви героя, находящегося в момент встречи с матерью во власти «горьких, печальных чувств» («сүрдээх курас, кутурбаннаах санааба куустаран»), автор передал посредством суггестивного приема – песни о матери в исполнении известной певицы Ольги Ивановой. Эта песня всегда вызывала в нем неприятные ассоциации.

Очень эмоционально восприняла метаморфозу с Кузьмой бабушка Дебдей, хотя Марина с помощью письма Нюргюяны тоже попыталась подготовить ее заранее. Она вспомнила, как обнаружив лежащего в канаве незнакомого парня, вдруг ощутила, что «когда-то уже видела его, и ее сердце как-то странно заныло» («туох эрэ умнуллубат сылаас изйиини санатан, сүрэбэ нүөлүйбэхтээн ылбыта»). Дебдей решила, что «ангел-хранитель внука в трудную минуту привел его к ней»: «Оокком, ахтар айыһыттаах буоллаба... Өлөр-хаалар күнүгэр мин дьизбин сирдээн биэрдэбэ...». Утешая Марину, она говорит, что в их трагедии «виновата война»: «Буруйдаах оччотообу ыар, ыгым кэм... Сэрии».

Отличительной чертой романов Тумарчи, особенно «Нити жизни», является их «многолюдность», многонаселенность. Характерология писателя включает представителей разных слоев общества, разных национальностей и поколений. Каждый из героев имеет свое лицо, свой характер, будь то каюр Мамай, пекарь Платон, бывшая учительница Фаина или однокурсник Кузьмы Олег Николаев, которому предложили стать «внештатным агентом компетентных органов». Среди них встречаются отдельные безнравственные типы вроде шофера Семенова, временщиков-браконьеров или так называемого «делового человека» в лице главного геолога Богданенко, исповедующего «жесткий» стиль руководства. Он предубежден не только против Кузьмы Тараярова, но и вообще считает, что «из якутов не могут выйти настоящие геологи» («уопсайынан мин бу сахалартан дьиннээх геологтар тахсыахтара дии санаабаппын»). Но подавляющее большинство героев отличает ответственность и преданность долгу, честность и порядочность, лучшие человеческие качества. В этом отношении выделяются наставник Кузьмы Вадим Ионович Котляров и его жена Зоя Петровна, его студенческий друг Митя Туяров и его жена Надя, старший геолог Петр Трофимович Шатров, вместе с которым Кузьма ведет кружок в школе, и целый ряд других персонажей.

Свидетельством писательского мастерства Тумарчи служит разнообразная система приемов и средств создания образа. Уже в рассказе «Вдруг» проявилось умение писателя несколькими штрихами создать портрет персонажа. В последующих произведениях внешний облик героя создается посредством портретной детали. Например, в романе «Возвышение» характерологическую функцию в образе Кузьмы выполняют его глаза. Зоя Петровна обратила внимание, что в них «светился ум и ... затаилась тень какой-то грусти» («кини өйдөөх харахтарыгар туох эрэ санаарҕабыл курус күлүктэрэ көстөллөрө»). «Ясный взгляд больших небесно-голубых глаз» самой Зои Петровны «излучал доброту и еще что-то неуловимое, волшебное-прекрасное»: «Ыраас халлаан сыдыаайыны, толбоннура көбөрүмтүйбүт сырдык, киэн харахтар Кууһума хоччорхой, көһүүн дууһатыгар туох эрэ кыайан этиллибэт үтүнү, кэрэни изйбиттэрэ». В портрете ее мужа Вадима Ионовича «приятная улыбочивость его немного косящих карих глаз выдавала природную доброту души, мягкость и благожелательность». При первом знакомстве с Кларой Кузьму привлекли «большие черные глаза, в которых явственно плясали озорные огоньки» («ыйаастыгас собус тэбэнэттээх хара харахтарынан чобулуччу көрөн туран...»). Кларе же «нравились его глаза, светящиеся умом» («симэлийбэт курус санаа күлүктээх, өйдөөх харахтарын одуулаһарын сөбүлүүрө»). В романе «Нить жизни» автор делает обобщающее заключение: «Правду говорят, что душа человека выражается в его глазах» («киһи дууһата хараҕар көстөр дииллэрэ кырдык быһыылаах»).

Другой характерологической деталью в романе «Возвышение» служит голос героини. В первый же день знакомства с Кларой «несколько протяжный и нежный голос девушки зазвучал в сердце Кузьмы прекрасной музыкой» («эдэр кыыс сэмэй, нарын куолаһа Кууһума этин сааһын ортотунан киридэ»). Во время вечерней прогулки «Клара тихо запела высоким грудным голосом» его самую любимую песню, и «Кузьма, словно опасаясь, что смолкнет, растает в воздухе тихое журчание милого голоса, слушал молча, замедлив шаги»: «Онтон Клара аргыйый синньигэс, оҕолуу куолаһынан ыллаан барда... Кууһума хаамытын бытаардан, кыыс кэрэ, симик куолаһа, аны уостан, симэлийэн хаалыа диэбит курдук, сэрэнэн, саната суох иһиллиир».

Наряду с портретной деталью, важную функцию в произведениях Тумарчи выполняет предметная деталь. В «Проклятом камне» это слиток золота, найденный Лекеем и ставший «яблоком раздора» среди старателей. В романе «Возвышение» не менее существенное значение в развитии сюжетной линии принадлежат таким деталям, как злополучные унты и фотография Кузьмы. В «Нити жизни» кусок руды с богатым содержанием полиметаллов сыграл роковую роль в судьбе главного героя.

Автор умело использует для раскрытия взаимоотношений героев такие формы эпистолярной литературы, как письма и дневники. Письма Нюргуяны Кононовой позволили восстановить родственные связи между тремя поколениями Омуктовых-Тараяровых. В переписке Кузьмы и Клары раскрывается их психологический портрет: душевная близость, взаимная любовь, теплые, доверительные отношения. Дневники Кузьмы помогают проследить его профессиональный рост, взаимоотношения с коллегами, повседневные дела и бытовые заботы.

Эффективным средством раскрытия личности героя служит такой художественный прием, как внутренний монолог. Наиболее подвержен рефлексии Кузьма Тараяров. На первых порах его одолевают настолько горестные мысли и чувства от осознания своего сиротства и фатального одиночества, что порой он думает: «Лучше бы ему не родиться на этот белый свет» («Бу кэриэтин, үрүҥ күн сырдыгын көрбөтөҕө буоллар ордук буолуо эбит»). Апогеем его обиды и отчаяния «за горькую свою судьбину» становится эпизод, когда он из-за несчастных унтов ушел от Дебдей и стоял один у кинотеатра, «потом был оттеснен людской лавиной за край тротуара, как никому не нужный сор, и ему некуда было деться, негде прислонить голову». «Вдруг его, как клешами, сдавил непонятный, безжалостный страх и, как молния, резанула ясная, отчетливая мысль,

что он одинок, безнадежно одинок в этом огромном мире...» («Кинини, эмискэ, туохтан эрэ куттаммыт санаа саба кууста. Олобун устатыгар аан маннай, мүлчүрүйбэт тыйыс дьылбаламмытын өйдөөн этэ саласта...»).

Самооценка Кузьмы изменилась после знакомства с Котляровыми и встречи с Кларой, что нашло отражение в его размышлениях: «Теперь он не одинок, теперь у него, как и у всех, есть близкие и родные люди, готовые разделить с ним и радости, и горести. Его ждут, за него переживают, желают ему добра и счастья». Своеобразной точкой отсчета в его духовном обновлении стало осознание того, что «он, оказывается, не знал жизнь. Теперь он убедился, что в жизни прежде всего нужно осознать свое поведение... Чтобы тебя уважали, чтобы относились к тебе как к человеку, нужно самому стать человеком, уметь ценить добро, понимать людей» («Бачча сааһыгар диэри олобу билбэтэ баар эбит ээ. Олох диэн бастатан туран бэйэ сигилитин, кэмэлдьитин билинии... Киһитийдэххэ дьон да киһилии сыһыаннаһаллар. Дьон үтүөтүн-өнөтүн өйдүүр, дьон ойун-санаатын таба сыаналыыр баар эбит – санаа сатабыла диэн»).

Богатой духовной жизнью живут также самые близкие люди Кузьмы – его мать Марина, жена Клара. Марина, судьба которой была опалена войной, думает, что «горе сближает людей, делает их чище, отзывчивей, душевней». Клара хочет развиваться, мечтает стать врачом. Она посещает вечернюю школу, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам в университет. Потом берет отпуск, едет в Якутск и поступает на подготовительные курсы. Кузьма ее всячески поддерживает.

К типу интеллектуальных героев, имеющих свою точку зрения на многие вопросы, связанные не только с производством, но и с политикой, культурой, образованием, воспитанием, относятся геологи Вадим Котляров и Петр Шатров. Первый из них убеждает жену, педагога по специальности, что «ребенок, воспитанный в оранжерейных условиях, вырастает изнеженным, слабым, пасующим перед трудностями жизни», что «тепличное воспитание невозможно, ибо и хорошее, и плохое в жизни всегда и всюду сопровождают друг друга». Он же думает про себя, что «в последнее время многое, происходящее в стране, начинает настораживать: «...кэлин сылларга киһи дьксинэрэ элбээн барда. Былааммыт баһарбай, санаабыт сатархай буолан иһэргэ дылы».

Шатров, руководитель геологического кружка, призывает изучать историю родного края и рекомендует школьникам прочитать книгу С. Мостахова «Сподвижники путешественников и исследователей» о помощи местного населения в изучении Сибири. Выступая в очередной раз перед ними, он признает своей принципиальной ошибкой то, что, прожив большую часть своей жизни в Якутии, не овладел якутским языком. По его мнению, язык коренного народа следует включить в школьную программу.

Среди персонажей из народа тоже встречаются люди, которые задумываются об острых вопросах. Так, простой оленевод Петр Быканов озабочен хищническим, потребительским отношением к природе в процессе освоения недровых богатств Якутии. У него претензии не только к промышленным предприятиям, но и к властям за их «прохладное, равнодушное отношение к экологии, волокиту, сваливание ответственности друг на друга, невыполнимые постановления и никчемные меры» («Барыта ээл-дээл, көрбөтөҕө-билбэтэ буолуу, бэйэ-бэйэҕэ найылаһы, көлбөрүтүһүү... Туолбат уураахтар, көрүннүк дыһаллар»). Он же выражает неприятие так называемых «ученых, которые только тем и занимаются, что дискредитируют и уничтожают друг друга» («Остуоруктар, бөлүһөктэр буолаахтаан... Үөрэхтээбимсийэн быһа сытыйан, бэйэ-бэйэлэрин сизээр сурахтара эрэ иһиллэр дии»).

Порой создается впечатление, что писатель вкладывает собственные идеи в уста некоторых своих героев, и они становятся рупорами авторских мыслей и чувств. В связи с этим в его романах возникает образ автора, который раскрывается в его лирико-публицистических отступлениях. В частности, в уста Марины вложена гневная филиппика о войне, которая продолжает беречь незаживающие раны людей:

«Оо!.. Сэри, сэри... Билингэ диэри эн кырыस्ताах хара-дъай оботун дэгий тынгыраба ханан эмэ киирэн дьон-сэргэ сүрүбэр оспот бааһы хаалларан сорго-мунга анаабыта абатыан!..»).

От лица самого автора звучит взволнованный панегирик родному народу, прошедшему через сложнейшие испытания: «Сытар ынабы туруорбат сымнабас, күөх оту тосту үктээбэт көрсүө, саргылаах санаалаах, сайдам сайабаас сахам дьоно барахсан, ким баарый эһиэхэ тэннэһиэх, уу харахтаабы утары көрбөтөх уһун муннаах, күөмчүгэ-кыһарбаһа кырыгырбатах киэн көбүстээх?! Эһиги бааргыт эрэйи-муну энэргитинэн тэлбит эр сүрэхтээхтэр, бытархан тымныыны сылаас тыыннытынан сылыппыт, саталлаах мындыр Саха Дьоно!»).

Преданность автора любимому делу, теплое отношение к коллегам по профессии сквозит в небольшом вставном очерке о геологе, который к осени смертельно устает от бесконечных маршрутов и заявляет, что «это его последний сезон, но весной преобразается и снова рвется в поле. И так происходит из года в год» («Дьэ, итинник сылтан-сыл ситимнэнэн бара турар, билиитин-көрүүтүн, бары дьобурун хонууга анаабыт айылба оҕотун эрирдээх олоҕо»).

В арсенал художественных средств писателя входят литературные реминисценции и песни, посредством которых характеризуется состояние героев. Кузьма в самый сложный момент жизни, когда он осознал безысходность своего положения и полную беспомощность, вспомнил запутанную жизнь Григория Мелехова, но тут же упрекнул себя в том, что захотел поставить себя в один ряд с героем «Тихого Дона». Клару, которая во время учебы в училище была комсоргом группы, подруги, считавшие себя «тремя мушкетерами», называли не иначе, как д'Артаньяном, и тем самым выражали свои дружеские отношения. Или промывальщица Фаина, которая своим упоминанием Алитета, персонажа романа Т. Семушкина, демонстрировала готовность выполнить задание Кузьмы о взятии пробы.

Что касается функции песен, то они тоже способствуют раскрытию взаимоотношений героев. Так, в частности, любимая песня Кузьмы «Как прекрасна весна в моей стороне», спетая Klarой в первый вечер знакомства, подчеркнула их романтический настрой. Якутская песня «Сардана», исполненная Вадимом Котляровым на свадьбе Кузьмы и Клары, вкупе с известной песней, ставшей гимном геологов, создала атмосферу теплоты и душевности. Наоборот, песня о матери, прозвучавшая по радио во время встречи Кузьмы с матерью, как было уже отмечено, вызвала у него грустные воспоминания. А песня-тойук Дебдей, посвященная Хангильской земле, выдает ее радость при виде счастливой семейной жизни ее внука.

Финал романа «Нить жизни» носит открытый характер. Главный герой Кузьма Тараяров прошел основательную проверку своим отношением к труду, женщинам, детям, природе и вышел на широкую дорогу жизни уверенный и закаленный. Его «нить жизни» оказалась очень прочной.

Художественные произведения Тумарчи наглядно показали его прекрасное знание истории, традиционной культуры разных народов и родного языка. В «Проклятом камне» он со знанием дела описал шаманское камлание: «Шаман неистово подпрыгивал, голосил, бешено колотил свой огромный дюнгюр. Низкий рокочущий звук дюнгюра временами прерывался отрывистой дробью. Шаман прикивал к дюнгюру ухом, как бы прислушиваясь в чародейские звуки, понятные ему одному...» («Кини иннигэр кыһынны харанга киэһэ кыракый балаһан иһигэр, лык курдук мустубут дьон ортотугар Тысхаан ойуун кыран дьүһүлэнэ турара бу баарды көһүннэ...»). В этом же романе его герой Бориска не только продемонстрировал знакомство с основными этапами истории золота, но и с легендами, преданиями о таинственной власти «желтого дьявола».

В романе «Возвышение» нагромождения голых каменных гор, окружавших Хангыл, напомнили Кузьме Тараярову описание нижнего мира в олонхо. Он же рассказал

любопытному Петру Быканову легенду об открытии минерала антимонит, а также трагические истории, сопровождавшие поиски алмазных месторождений.

Излюбленным приемом писателя является использование пословиц и поговорок. Они служат, прежде всего, экономным средством описания конкретной ситуации. В романе «Проклятый камень» действие шамана, вылечившего больного, определяется лаконичной поговоркой: «Как из глаз соринку вынул» («...харахтан сыһы ылбыт курдук»). Когда Бориска предложил Лекею воспользоваться спрятанным им золотом, тот ответил, что не понимает, почему «он должен собрать белок со сваленного им дерева» («...эн маннай охторбут тиитин тиинин тоҕо мин итигэстиэхтээхпин сатаан өйдөөбөккө олоробун»). Он же в эпилоге романа при виде мощной техники, вскрывающей землю, думает: «... сила народа – сила ледохода» («норуот күүһэ – көмүөл күүһэ»).

В романах «Возвышение» и «Нить жизни» пословицы и поговорки служат, главным образом, в характерологических целях. В первом из них Кузьма признается Олегу Николаеву, что в своем падении вниз по наклонной, словно собачья голова скатилась с серебряного блюда («ыт баһа көмүс кытахтан төкүнүйбүтүгэр дылы»), виноват он сам. Тот соглашается, что жизнь сильно его потрепала («... дьэ чэхчы халбас харатын миинэн олорор кэриэтэ олохтоох киһи эбикин»). Когда на пути Кузьмы встретились добрые люди, и судьба ему улыбнулась, автор приводит пословицу: «Счастье парня таится во всех четырех сторонах света» («Уол оҕо дьоло сир түөрт өртүгэр диэн итини этэн эрдэхтэр»). Во втором романе Кузьма так оценивает в дневнике свою судьбу: «Чудом ухватившись за спасительную нить жизни, с помощью добрых людей удалось стать человеком» («... сап саҕаттан салҕанан, ситии саҕаттан сиэтиллэн, үчүгэй дьон өнөтүнэн, киһи-хара буолар суолга үктэннэҕим буолуо»).

Для характеристики антагониста Кузьмы главного геолога Богданенко писатель тоже использует фразеологические выражения. Например, когда он выполнил свою угрозу и объявил Кузьме выговор, его злопамятность подчеркивается поговоркой «Он слов на ветер не бросает» («Итинник дьыалаҕа Богданенко бэйэтин тылыгар турумтуо этэ»). Характеризуя стиль его работы, автор упоминает медведя, который неожиданно столкнувшись с человеком, чтобы ошеломить его, брызжет ему в лицо слюной («эһэ салахайынан сирэйгэ ыһарын курдук, хабарҕалаан салыннарар идэлээх»). Наконец, когда он раздумывает, как присвоить себе чужие заслуги, то вспоминает пословицу: «Когда работа, лучше много людей, когда еда, лучше мало людей» («Этэргэ дылы үлэбэ үгүс, аска аҕыйах киһи үчүгэй»).

Таким образом, анализ проблематики, характерологии и поэтики романов В. Н. Егорова - Тумарчи дает основание заключить, что именно они занимают центральное место в творческом наследии писателя.

Л и т е р а т у р а

1. Васильева Д. Е. Айар илбис аргыстанан. – Дьокуускай, 2003 – 128 с. Ойуку. Туруулаһар Тумарча // Чолбон. – 2006. – № 2. – С. 61-65; Васильева Д. Е. Нравственное воспитание молодежи в произведениях В. Н. Егорова-Тумарча // Наука и образование. – 2011. – №3; Михайлов В. Д. Киһи өрүһүллүүтэ // Хотугу сулус. – 1986. – № 8.

2. Винокуров Е. Г. Тумарча – Геолог. Суруйааччы, Уопсастыбанньык. – Дьокуускай: Бичик, 2020.

3. Осипов И. «Публицистика күүскэ сайдыан наада» // Чолбон. – 2011. – №2. – С. 81-86; Кириллин Н. Д. Сахалар сир баайын арыыйыга оруолларын сорох өрүттэрэ // Федерализм и недра. – Якутск: Бичик, 2012; Попов Б. Н. - Барылбан. Киһи киһиэхэ сыһыана. – Дьокуускай: Бичик, 2009 – 94 с.; Романов Г. И. Воззрения писателя Тумарча о связи и взаимоотношениях власти и народа // Языческое и политическое мировоззрение коренных народов Якутии. Ч.2. – Якутск, 2010. – С. 224-232.

4. О целесообразности выделения «малого романа» как самостоятельного жанра писал В. В. Кожин. См.: Краткая литературная энциклопедия. Т.5. – М., 1968.

5. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М.: Академия, 2009. – 336 с.

6. Федоров Вл. Верный азимут // Тумарча. Проклятый камень: Повесть, роман / Пер. с якутского В. П. Шапошникова. – Якутск: Бичик, 2000.

References

1. Vasil'eva D. E. Ajar ilbis argystanan. – D'okuuskaj, 2003 – 128 s. Ojuku. Turuulahar Tumarcha // Cholbon. – 2006. – № 2. – S. 61-65; Vasil'eva D. E. Nравственное воспитание молодежи v proizvedeniyah V. N. Egorova-Tumarcha // Nauka i obrazovanie. – 2011. – №3; Mihajlov V. D. Kihy օryhyllyyte // Hotugu sulus. – 1986. – № 8.
2. Vinokurov E. G. Tumarcha – Geolog. Surujaachchy, Uopsastybann'yk. – D'okuuskaj: Bichik, 2020.
3. Osipov I. «Publicistika kyyske sajdyan naada» // Cholbon. – 2011. – №2. – S. 81-86; Kirillin N. D. Sahalar sir baajyn aryjyuga oruollaryn soroh օryttre // Federalizm i nedra. – Yakutsk: Bichik, 2012; Popov B. N. - Baryljan. Kihy kihiekhe syhyana. – D'okuuskaj: Bichik, 2009 – 94 s.; Romanov G. I. Vozzreniya pisatelya Tumarcha o svyazi i vzaimootnosheniyah vlasti i naroda // Yazycheskoe i politicheskoe mirovozzrenie korennyh narodov Yakutii. Ch.2. – Yakutsk, 2010. – S. 224-232.
4. O celesoobraznosti vydeleniya «malogo romana» kak samostoyatel'nogo zhanra pisal V. V. Kozhinov. Sm.: Kratkaya literaturnaya enciklopediya. T.5. – M., 1968.
5. Tyupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta. – M.: Akademiya, 2009. – 336 s.
6. Fedorov Vl. Vernyj azimut // Tumarcha. Proklyatyj kamen': Povest', roman / Per. s yakutskogo V. P. Shaposhnikova. – Yakutsk: Bichik, 2000.

С. Д. Дарбасова

К вопросу о периодизации истории критической мысли по творчеству А. Е. Кулаковского

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. А. Е. Кулаковский (1877-1926) – родоначальник якутской литературы, стоящий в одном ряду с выдающимися представителями других народов, пассионариев, оставивших свой неизгладимый след в истории родного народа – еще при жизни стал средоточием духовной жизни якутов. Народ называл его «ырыаһыт» (певец), так как не было у якутов понятия «поэт». Он был первым поэтом, выразившим в художественном слове ценностно-смысловые понятия ментальности якута, всю систему ценностей и полноту мировосприятия родного народа.

Поэзия Кулаковского стала предметом обсуждения с самого появления его первых стихотворений, а на страницах газет и журналов начинающие критики зарождающейся якутской литературы вели горячие споры о творениях первопоэта. Однако этот сложный период становления якутской критики стал начальным этапом осмысления и оценки творчества основоположника якутской литературы. Исследователи творчества Кулаковского не раз касались вопроса периодизации отношения критики к его творчеству, отмечая тот факт, что история критики о Кулаковском есть немаловажная часть истории якутской литературы. В статье акцент сделан на начальный этап развития критики.

Ключевые слова: первопоэт, дореволюционные писатели, периодизация, литературная критика, культурно-политическая обстановка, институт критики.

S. D. Darbasova

On the periodization of the history of critical thought on the works by A. E. Kulakovsky

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. A. E. Kulakovsky (1877-1926) – the founder of Yakut literature, standing on a par with outstanding representatives of other peoples, passionaries who left their indelible mark in the history of their people – during his lifetime became the focus of the spiritual life of the Yakuts. The people called him *ырыаһыт* ("singer"), since the Yakuts did not have the concept of "poet". He was the first poet who expressed in an artistic word the value-semantic concepts of Yakut mentality, the whole system of values and the completeness of the worldview of his native people.

ДАРБАСОВА Светлана Дмитриевна – к. пед. н., старший научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: dars07@mail.ru

DARBASOVA Svetlana Dmitrievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Kulakovsky's poetry has been the subject of discussion since the very appearance of his first poems, and on the pages of newspapers and magazines, novice critics of the nascent Yakut literature conducted heated debates about the works of the first poet. However, this difficult period of formation of Yakut criticism became the initial stage of understanding and evaluating the work of the founder of Yakut literature. Researchers of Kulakovsky's work have repeatedly touched upon the issue of periodization of the attitude of criticism to his work, noting the fact that the history of criticism about Kulakovsky is an important part of the history of Yakut literature. The article focuses on the initial stage of the development of criticism.

Keywords: first poet, pre-revolutionary writers, periodization, literary criticism, cultural and political situation, institute of criticism.

Введение

Рожденная в недрах богатого народного фольклора самых северных тюрков поэзия А. Е. Кулаковского, глубина философских вопросов, поставленных им начале XX в., непреходящая ценность его культурологических идей, универсальность познаний во многих направлениях науки осмысливаются сегодня как важнейшие духовно-нравственные истоки культуры якутского народа. Жил и творил он в конце XIX-начале XX вв., когда Якутия представляла собой отсталую окраину Российской империи с населением около 260 тыс. человек, куда в течение многих лет отправлялись в ссылку политические заключенные. Среди них было немало исследователей, занимавшихся изучением языка, быта и нравов якутского народа. Можно отметить В. Л. Серошевского (1858-1945), автора этнографического труда «Якуты», В. Ф. Трощанского (1843-1898), автора работы «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов», Э. К. Пекарского (1858-1934), автора словаря якутского языка. Многие из политических ссыльных были участниками Якутской (Сибиряковской) экспедиции (1884-1896), организованной Сибирским отделением РГО, в задачи которой входил сбор достоверных сведений в отношении геологии, географии, статистики, экономики, истории, этнографии и т. д. Этнографические работы Трощанского анализируются в современных исследованиях, в частности, П. В. Сивцева-Максимова пишет: «Ранее не изученные или малоизученные тексты Трощанского могут выступать ... новым значительным сопоставительным материалом в исследованиях трудов Кулаковского по якутскому языку, фольклору, этнографии» [23, с. 86].

С появлением первых стихотворений А. Е. Кулаковского на якутском языке начинается процесс зарождения якутской литературы, и вместе с тем появляются первые критические высказывания по поводу так называемых «дореволюционных писателей» (А. Е. Кулаковский, А. И. Софронов, Н. Д. Неустроев). Так, критическая литература о «наследии первопоэта» – это весь сложный путь развития якутской литературной критики [20, с. 63]. В начальный период развития якутской критики в 1920-1930-е гг. в оценке поэтических произведений Кулаковского наблюдается частая смена взглядов, которая была обусловлена культурно-политической обстановкой в Якутии и целом в стране. Наблюдается следование ориентирам организации РАПП, принципам вульгарного социологизма и тоталитарной идеологии. Молодая якутская критика проходила едва ли не самый трудный период своего развития – этап становления института критики [11; 12; 16; 17; 18].

Исходя из анализа критического материала, посвященного творчеству А. Е. Кулаковского в период зарождения якутской литературной критики, можно сделать вывод о неразрывной связи критики с общественной жизнью, политикой и идеологией, которая имеет ярко выраженный характер именно на раннем этапе развития литературы и критики. В этот период якутская литературная критика имела больше «прикладное значение», занимаясь общей оценкой художественного произведения, выявления его сильных и слабых сторон, поощрения или осуждения автора [5, с. 3]. Однако к концу 1920-х гг. наблюдается расширение самого понятия о критике, появляются работы, в которых оценка строится уже на истолковании произведения как художественного целого, что лежит в основе концепции критического реализма.

Систематизация первых критических отзывов, рецензий и статей, а также ранее не выявленных материалов периодической печати в аспекте исследования заставляет нас обратиться к вопросу периодизации отношения критики к творчеству А. Е. Кулаковского. Особенно интересуют 1920-1930-е гг., т. к. именно в этот период институт критики как регулятор литературного процесса находился на стадии формирования, и именно тогда создавалась плотная сеть новых институциональных механизмов, в которых позже осуществится окончательная трансформация якутской критики из института общественного мнения в регулятор литературного процесса. История развития якутской литературной критики 1920-1930-х гг. представляет собой уникальный и динамический процесс с присущими только ей самобытными чертами как один из самых значительных периодов развития молодой якутской литературы, что подтверждается материалами библиографических источников [1; 22].

Впервые о необходимости периодизации отношений к творчеству дореволюционных писателей на материалах критико-литературоведческого характера высказал известный якутский литературовед и литературный критик Г. К. Боесков в монографии по творчеству Н. Д. Неустроева, одного из первых якутских писателей [4, с. 3]. Исследователь сгруппировал критический материал исходя из концептуальных взглядов авторов и обозначил три группы. К первой группе относятся работы, рассматривающие «идейную позицию и творческую деятельность в грубо извращенном свете». Вторую группу составляют статьи, в которых «наряду с признанием высокого мастерства писателя, даны его общественно-политическим взглядам явно отрицательные оценки» и к третьей группе принадлежат статьи тех авторов, которые «искренне стремились конкретно разобраться в действительно сильных и слабых сторонах общественно-литературной деятельности писателя, на этой основе делать соответствующие выводы и обобщения» [4, с. 5]. В работе указаны причины подобных явлений, а именно «в то время, как критика, особенно критика 30-х гг., призвала освещать только проблемы современности, многие якутские литераторы в силу возможностей самого реалистического метода могли изобразить в формах искусства только тот мир, который поддавался их эстетическому осмыслению, мир национального бытия, но с позиций нового победившего мироощущения. Это некоторым казалось отставанием, хотя оно было необходимым и закономерным этапом роста молодой литературы» [4, с. 12].

Но только в начале 2000-х гг. появилась работа, в котором впервые была предпринята попытка периодизации истории отношений к творчеству Кулаковского. Видный якутский и российский ученый Н. Н. Тобуроков в учебном пособии «Өксөкүлээх Өлөксөй олоҕун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии» (“Изучение жизни и творчества Алексея Кулаковского-Ексекуляха в высших учебных заведениях”, 2001) выделяет пять периодов, отражающих основные вехи отношения критики к наследию поэта [25]. Исследователь рассматривает период с 1920-го по начало 2000-х гг. по принципу основных изменений в общественно-политической жизни Якутии:

Первый период – 1920-1928 гг. – до постановления ЦК партии «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 г., восторженное, почтительное отношение

при жизни поэта. До 1926 г. включительно было издано более 50-ти статей, освещающих жизнь и творчество А. Е. Кулаковского. Этот факт говорит о нарастающем интересе литераторов к творчеству первого поэта, о его значении и роли в развитии якутской литературы;

Второй период – 1929-1937 гг. – обвинение поэта в буржуазном национализме, но признание его вклада в развитие литературы и науки;

Третий период – 1938-1944 гг. – запрет на освещение творчества А. Е. Кулаковского, борьба Г. П. Башарина за реабилитацию дореволюционных писателей до принятия Постановления бюро обкома партии о признании заслуг Кулаковского, Софронова и Неустроева;

Четвертый период – 1944-1956 гг. – признание А. Е. Кулаковского основоположником якутской литературы, заканчивающийся посмертной реабилитацией П. А. Ойунского в 1956 г. Выход книги Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя»;

Пятый период – 1957 г. – по настоящее время. – начало объективного исследования наследия А. Е. Кулаковского [25, с. 53].

До появления в 2008 г. монографии Л. Р. Кулаковской «Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время» периодизация Н. Н. Тобурокова не вызывала споров. Людмила Реасовна, внучка писателя, называет историю отношения критики к творчеству поэта «политическими схватками, чернильнопролитными и страстными, правдоискательскими и кляузными». Отметим, что научная биография увидела свет в результате 30-летней работы автора в фондах архивов Якутска, Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга. Кулаковская предложила новую периодизацию оценки критики творчества А. Е. Кулаковского, состоящую из восьми этапов. В результате детализации и уточнений хронологического и фактографического материала Л. Р. Кулаковская предлагает пересмотреть предложенные Н. Н. Тобуровым первый и пятый периоды с учетом вновь найденных материалов. Исследователь отмечает сугубо классовое восприятие якутской критикой литературного наследия Кулаковского вплоть до начала 1960-х гг., когда было положено начало научному изучению наследия классиков якутской литературы в рамках существующей идеологии.

Первый период – от момента появления первых критических работ в начале 1920-х гг. до появления статьи А. А. Иванова-Кюндэ «Мистицизм, фатализм и символизм в произведениях якутских писателей» в газете «Автономная Якутия» в марте 1926 г. [15]. В этот период отношение зарождающейся якутской литературной критики к творчеству А. Е. Кулаковского было демократическим по своей направленности, носило больше литературоведческий, чем критический характер [10, с. 26].

Первое упоминание о А. Е. Кулаковском как о поэте принадлежит перу видного на тот период общественного деятеля В. В. Никифорова-Кюлюмнюр. В 1923 г. на страницах журнала «Жизнь национальностей» была напечатана его статья «Литературное творчество якутов». В обзоре якутской литературы, находящейся в самом начале своего развития, автор упоминает Кулаковского как «певца былой лучшей жизни якутского народа, его стойкой борьбы с суровым климатом», признавая его вторым даровитым поэтом после автора пьесы на якутском языке «Манчаары түөкүн» (1905) (Разбойник Манчары) [14]. Здесь стоит отметить, что автором упомянутой первой пьесы на якутском языке является сам автор, таким образом Никифоров считает себя зачинателем якутской литературы. Однако стихотворение «Байанай алгыһа» (Заклинание Байаная) Кулаковского было написано в 1900 г., но издана намного позже пьесы Кюлюмнюра. Статья была издана в Москве и не имела широкого распространения в Якутии.

В указанный период в 1925 г. в Якутске произошло первое культурное событие, посвященное А. Е. Кулаковскому. Общественность отмечала 25-летний юбилей литературной и научной деятельности А. Е. Кулаковского. Впервые инициативу проявило культурно-просветительское общество «Саха омук», но речь шла о 35-лети творческой

деятельности классика. Якутский краевой отдел Русского географического общества поддержал инициативу, признавая вклад А. Е. Кулаковского в развитии науки в Якутии. На каком-то этапе приготовления к торжеству было решено отметить не 35-летие, а 25-летие литературной и исследовательской работы, т.е. со времени создания первого стихотворения на якутском языке «Заклинания Байаная». В этот юбилейный год на страницах газет «Автономная Якутия» и «Кыым» было напечатано более десяти статей о творчестве Кулаковского. Среди них можно отметить статьи и заметки В. Журавлева о необходимости издания произведений А. Е. Кулаковского; А. Игнатьева о деятельности литературоведческой комиссии и издании Сборника стихотворений и песен поэта в двух книгах; М. Кымского (Бубякин М.) о языке поэзии Кулаковского, А. Тириягинцева (Степанов А.) о стихотворениях «Тыа дьахтара» (Сельская женщина) и «Борокуот аал» (Пароход) и др. [6; 7; 13; 24].

Второй период – 1926-1937 гг. В это десятилетие, начавшееся с момента появления вышеназванной статьи Кюндэ, начинаются репрессии в поисках «врагов народа». Этому периоду свойственно сугубо классовое восприятие якутской критикой литературного наследия первых писателей [10, с. 28].

С середины 1920-х гг. начинается эпоха РАПП, в котором состояло более 4 тысяч членов. К 1930 г. все остальные литературные группировки были практически разгромлены, и РАПП усилила директивный тон. Например, резолюция от 4 мая 1931 г. призывала всех пролетарских писателей «заняться художественным показом героев пятилетки» и доложить об исполнении этого призыва-распоряжения в течение двух недель. Следуя резолюциям и постановлениям ЦК РКП (б) и под влиянием РАПП, якутская литературная критика становится проводником его методологических принципов. Критические работы большинства якутских авторов, посвященных художественному творчеству первого поэта, носят «нигилистический» характер.

В этот период один из первых критиков, посвятивших свои работы анализу поэтического творчества А. Е. Кулаковского, В. Н. Леонтьев, выпускник юридического факультета Томского университета, член первого научного общества «Саха кэскилэ» в статье "Вопросы литературные" впервые в истории якутской критики предпринял попытку научного обозрения молодой якутской литературы [19].

Ценность работы заключается не только в объективной передаче содержания зарождающейся литературы, но и в определении ее характера с учетом культурно-исторического времени. Особенностью дореволюционной якутской литературы Леонтьев считает ее самобытность, т. к. она выросла на основе народных песен и преданий и отмечает влияние русской классической литературы на становление реалистического жанра в литературе. В противовес молодым критикам, считавшим что новая литература должна строиться на принципах классовости, критик утверждал, что новая литература должна развиваться постепенно, без кардинального вытеснения старых порядков новыми и следовать принципам реализма критического от «жизни к искусству», а не наоборот. Дальнейшее развитие якутской литературной критики В. Н. Леонтьев понимал правильно: он требовал учета исторических условий и задач общества при характеристике современного состояния литературы и критики, но при этом не скидывать с багажа высокопрофессиональные образцы дореволюционной литературы [21, с. 157-162].

Третий период – 1938-1943 гг., от Постановления обкома ВКП(б) в марте и сентябре 1938 г. об объявлении Кулаковского, Софронова и Неустроева врагами народа и начала изъятия их книг до обсуждения в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 16 августа 1943 г. творчества дореволюционных писателей по представленной Г. П. Башариным в октябре 1942 г. в Якутский обком ВКП(б), Наркомпрос и Совнарком работы «Черновые наброски о Кулаковском, Софронове, Неустроеве» [10, с. 40].

Это время «сражения» Г. П. Башарина и тех, кто поддерживает его деятельность в деле восстановления имени классиков с партийным аппаратом республики. Якутская

интеллигенция, многие из которых работали на ответственных постах руководства республикой, начала наступающее движение в лице наркома просвещения ЯАССР В. Н. Чемезова, заместителя уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Якутской АССР В. Н. Васильева, заместителя председателя Совнаркома ЯАССР И. Е. Винокурова, начальника управления по делам искусств при Совнаркоме ЯАССР С. С. Сюльского и др.

В это время многие писатели и критики отказываются от «старых» позиций в оценке творчества Кулаковского, в том числе Н. Е. Мординов и В. М. Новиков. В монографии впервые опубликовано открытое письмо Н. Е. Мординова, долгое время считавшееся утерянным. Письмо адресовано участникам Совещания якутских писателей в 1939 г., где он говорит о необходимости восстановления имен дореволюционных писателей: «Нигде в Советском Союзе, кроме как у нас, нет такого явления, чтобы безо всякого взяли да отбросили всю национальную литературу за 32 года ее истории... Наличие прогрессивных моментов и высокого художественного мастерства в творчестве названных писателей неоспоримо. Мы можем, должны, не имеем права отказываться от критического использования их наследства. Мне уже приходилось жестоко расплачиваться за подобное предложение...» [10, с. 41]. Но в отношении к творчеству А. Е. Кулаковского все еще строится на партийной идеологии и материалах, отражая политическую обстановку в стране.

Четвертый период – 1944-1950 гг., от постановления обкома ВКП(б) «О литературном наследстве якутских писателей Кулаковского, Софронова и Неустроева» в 1944 г. до начала обсуждения комиссией по теории литературы и критики при Союзе писателей СССР книги Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)». В это время было положено начало научному изучению наследия классиков якутской литературы в рамках существующей идеологии [2].

В результате деятельности Г. П. Башарина и стоического сопротивления «литературных» патриотов в 1944 г. была создана редакционная комиссия по изданию художественных произведений классиков якутской литературы, которая незамедлительно приступила к работе по подготовке избранных произведений А. Е. Кулаковского. В 1946 г. сборник был издан. В это время начинают издаваться и научные труды, в частности Сборник статей и материалов А. Е. Кулаковского по якутскому языку, подготовленный Н. С. Григорьевым, с научными комментариями Е. И. Убрятовой.

Пятый период – 1951-1956 гг., от начала обсуждений работы Н. П. Канаева, Г. П. Тихонова и Г. А. Ефремова «О творчестве Кулаковского, Софронова, Неустроева в книге Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» (1949) до XX съезда КПСС. 1952-1953 гг. на страницах республиканской периодической печати было опубликовано более 150 статей о наследстве первых писателей. Критика превратилась в орудие политической борьбы.

В феврале 1952 г. вышло Постановление бюро Якутского обкома ВКП(б) «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы». Книги Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», изданные произведения классиков были изъяты из пользования. «Начался политический и моральный террор деятелей якутской культуры и искусства, научных работников, руководителей партийных и советских органов, в свое время ратовавших за объективное отношение к литературному наследию и поддерживавших концепцию Г. П. Башарина» – так характеризует этот период Л. Р. Кулаковская [10, с. 67].

Шестой период – 1956-1989 гг., от XX съезда КПСС до публикации статьи А. А. Петросян «Споры о наследстве» (1961). В 1957-1961 гг. доминирует оправдательный характер в отношении к А. Е. Кулаковскому. Ученые и литераторы требуют пересмотра принятых постановлений, оправдывая "некоторые реакционные места в творчестве невладеющим им основ марксизма-ленинизма". Противоположная пропартийная группа,

оправдывая свои позиции "наличием реакционных мест в творчестве Кулаковского", сделала уступку в виде разрешения на издание некоторых его произведений [10, с. 68].

В конце 1950-х гг. на защиту наследия первых писателей пришли новые силы в лице студентов московских вузов Е. Е. Алексеева, В. Н. Иванова, П. Е. Ефремова. Не будет преувеличением сказать, что начав свою деятельность в период литературно-политических баталий, они посвятили всю свою жизнь изучению жизни и наследия дореволюционных писателей. В этот период споры о наследстве идут на уровне центральных гуманитарных институтов и Союза писателей СССР, появляются статьи известных российских литературоведов. Г. С. Сыромятников назвал это время «особым периодом» развития якутской литературной критики вследствие заинтересованности крупных советских литературоведов того времени как А. А. Петросян, И. С. Черноуцан, Г. И. Ломидзе, Б. С. Рюриков, А. Л. Дымшиц, М. Н. Пархоменко и В. В. Новиков [8].

Седьмой период – 1962-1989 гг., от Постановления бюро обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы» в феврале 1962 г. до Постановления бюро Якутского обкома КПСС от 10 мая 1989 г. «Об отмене постановления бюро Якутского обкома ВКП(б) от 6 февраля 1952 г. «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы» [10, с. 70].

Широкий резонанс получила статья Е. Е. Алексеева «История докумуоннарын чизинэйдик туһаныха» (1962), в котором автор вскрыл факты фальсификации архивных документов о жизни и деятельности А. Е. Кулаковского. Была создана специальная комиссия Якутского обкома КПСС, которая вынудила Канаева, Тихонова и Ефремова написать объяснительные записки в обком КПСС.

Начинают печататься произведения А. Е. Кулаковского, идет работа по переводам на русский язык. Выходит в свет книга Е. Е. Алексеева «Өксөкүлээх Өлөксөй» (1966). Начинается объективное научное изучение жизни и наследия А. Е. Кулаковского.

Восьмой период – 1989 г. – по настоящее время. От отмены Якутским обкомом КПСС Постановления 1952 г. «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы» до официального признания действительной роли места А. Е. Кулаковского в культурной жизни народа [10, с. 77].

Такова вкратце периодизация истории критической мысли в отношении к литературному наследию А. Е. Кулаковского, предложенные Н. Н. Тобуроковым и Л. Р. Кулаковской.

Таким образом, якутская критика начального периода, переживая невиданный творческий подъем, стараясь превратить критику в средство организации литературного процесса, позволила творчеству первого поэта занять свое место, позицию, в литературном пространстве. Это был первый этап осмысления глубокого по своей сути творческого наследия А. Е. Кулаковского. Работы критиков этого периода имеют тесную связь с жизнью, с политическими, культурными и эстетическими идеями эпохи. С точки зрения современных общественных и художественных задач молодые литераторы интерпретировали классическое наследие дореволюционных писателей, переходя в своих работах от собственно литературных проблем к социально-общественным и политическим проблемам. Процесс так называемого «огосударствления» литературы и попытки превращения критики в способ организации литературного «дела» имел постепенный характер, но его убыстрение в истории якутской критики наблюдается к концу 1920-х гг. Остается отметить, что своеобразие исторического развития молодой якутской литературы и критики – это ускоренный путь развития на начальном этапе своего становления, что требует отдельного рассмотрения с учетом политических, культурных и эстетических идей эпохи.

Л и т е р а т у р а

1. Алексей Елисеевич Кулаковский (Өксөкүлээх Өлөксөй) (1877-1926): (биобиблиографический указатель) / Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия), Лит. фонд РС(Я) им. А. Е. Кулаковского; [сост.: В. Н. Павлова, Я. А. Захарова, Л. Р. Кулаковская ; консультант М. Г. Самыгина; науч. консультант Е. Е. Алексеев]. – Якутск : НБ РС(Я), 1997. – 93, [3] с.
2. Башарин Г. П. Три якутских реалиста-просветителя. – Якутск: респ. общество “Книга”, 1994. – 148 с.
3. Билюкина А. А. Из истории литературно-художественной мысли Якутии XX в.- Якутск: изд-во ЯГУ, 2002. – 97 с.
4. Боескоров Г. К. Творчество Н. Д. Неустроева. – Якутск: кн. изд-во, 1967. – С.12.
5. Дьячковская М., Романова Л. Введение // Литература Якутии XX века: Ист.-лит. очерки. – Якутск, 2005. – С. 3-10.
6. Журавлев В. О художественной литературе в Якутии. // Автономная Якутия. – 1925. – 22.09.
7. Игнатьев А. Деятельность литературоведческой комиссии // Автономная Якутия – 1925. – 23.04.
8. История якутской литературы: середина XIX – начало XX в. – Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993. – 204 с.
9. К изучению истории якутской критики (1920-1960) / Сб.: Вопросы филологии. – Якутск, 1970.
10. Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука, 2008.- 296 с.
11. Кулачиков С. Буржуазно-националистические тенденции в современной якутской литературе. // Автономная Якутия. – 1931, 16.02.
12. Күндэ. Саха сириг уус-уран литературатын уонна искусствотун тустарынан: Тезистэр // Кыһыл ыллык. – 1931. - № 1-2. – С. 106-113.
13. Кымский М. Болезни якутского литературного языка. // Автономная Якутия. – 192. – 19.05.
14. Кюльмнюр. Литературное творчество якутов // Илин. – 1991.- №2. – С. 10-11.
15. Кюндэ. Фатализм, мистицизм и символизм в произведениях якутских писателей. // Автономная Якутия. – 1926, 17.03.
16. Кюндэ. Заметки на статью Леонтьева “Вопросы литературные”. // Автономная литература. – 1927, – 29.07.
17. Кюндэ. Якутская художественная литература за 10 лет. // Автономная Якутия. – 1928, – 29.06, 30.06.
18. Леонтьев В.Н. Критические заметки о творчестве А. Е. Кулаковского. 1925. Архив ЯНЦ РАН, Ф. 5, Оп. 2; Л. 162. лл. 3-4.
19. Леонтьев В. Н. Вопросы литературные. // Автономная Якутия. – 1927, № 161, 162.
20. Покатилова Н. В. От устной традиции к письменной в ранней литературе / Н.В. Покатилова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 248 с.
21. Протодияконов В. Н. «Айар тыл уоттанн!!! Тыл илбинэ төлөннөнүн!!!». Кэм-Литература-Төрүт үгэс туһунан санаалар. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 304 с.
22. Саха литературнай кириитикэтин историята: 1917-1945 сс.: хрестоматия / Сост.: Л. П. Григорьева. – Дьокуускай: ХИФУ бэчээтин дьиэтэ, 2017. – 422 с.
23. Сивцева-Максимова П. В. Источниковедческий анализ работ В. Ф. Трошанского по этнографии якутов в контексте исследований наследия А. Е. Кулаковского / П. В. Сивцева-Максимова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2021. – № 1(81). – С. 78-88. – DOI 10.25587/p9328-4396-3862-t. – EDN GCGGQV.
24. Тирягинцев А. Борогонская улусная конференция. // Автономная Якутия. – 1925. – 5.02.
25. Тобуроков Н. Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии. – Дьокуускай: Кудук, 2001.

References

1. Aleksej Eliseevich Kulakovskij (Өксөкүлөкх Өлөксөй) (1877-1926): (bibliograficheskiy ukazatel') / *Nac. b-ka Resp. Saha (Yakutiya), Lit. fond RS(Ya) im. A. E. Kulakovskogo*; [sost.: V. N. Pavlova, Ya. A. Zaharova, L. R. Kulakovskaya; konsul'tant M. G. Samygina; nauch. konsul'tant E. E. Alekseev]. – Yakutsk : NB RS(Ya), 1997. – 93, [3] s.
2. Basharin G. P. *Tri yakutskih realista-prosvetitel'ya*. – Yakutsk: resp. obshchestvo “Kniga”, 1994. – 148 s.
3. Bilyukina A. A. *Iz istorii literaturno-hudozhestvennoj mysli Yakutii XX v.* – Yakutsk: izd-vo YaGU, 2002. – 97 s.
4. Boeskorov G. K. *Tvorchestvo N. D. Neustroeva*. – Yakutsk: kn. izd-vo, 1967. – S.12.
5. D'yachkovskaya M., Romanova L. *Vvedenie // Literatura Yakutii XX veka: Ist.-lit. ocherki*. – Yakutsk, 2005. – S. 3-10.
6. Zhuravlev V. *O hudozhestvennoj literature v Yakutii*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 1925. – 22.09.
7. Ignat'ev A. *Deyatel'nost' literaturovedcheskoj komissii // Avtonomnaya Yakutiya* – 1925. – 23.04.
8. *Istoriya yakutskoj literatury: seredina XIX – nachalo XX v.* – Yakutsk: Yakutskij nauchnyj centr SO RAN, 1993. – 204 s.
9. *K izuchenii istorii yakutskoj kritiki (1920-1960) / Sb.: Voprosy filologii*. – Yakutsk, 1970.
10. Kulakovskaya L. R. *Nauchnaya biografiya A. E. Kulakovskogo: lichnost' poeta i ego vremya*. – Novosibirsk: Nauka, 2008.- 296 s.
11. Kulachikov S. *Burzhuazno-nacionalisticheskie tendencii v sovremennoj yakutskoj literature*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 1931, 16.02.
12. Kynde. *Saha sirin uus-uran literaturatyn uonna iskusstvotyn tustarynan: Tezister // Kyhyl yllyk*. – 1931. – № 1-2. – S. 106-113.
13. Kymiskij M. *Bolezni yakutskogo literturnogo yazyka*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 192. – 19.05.
14. Kyulumnyur. *Literaturnoe tvorchestvo yakutov // Ilin*. – 1991.- №2. – S. 10-11.
15. Kyunde. *Fatalizm, misticizm i simvolizm v proizeniyah yakutskih pisatelej*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 1926, 17.03.
16. Kyunde. *Zametki na stat'yu Leont'eva “Voprosy literaturnye”*. // *Avtonomnaya literatura*. – 1927, – 29.07.
17. Kyunde. *Yakutskaya hudozhestvennaya literatura za 10 let*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 1928, – 29.06, 30.06.
18. Leont'ev V.N. *Kriticheskie zametki o tvorchestve A. E. Kulakovskogo. 1925*. Arhiv YaNC RAN, F. 5, Op. 2; L. 162. ll. 3-4.
19. Leont'ev V. N. *Voprosy literturnye*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 1927, № 161, 162.
20. Pokatilova N. V. *Ot ustnoj tradicii k pis'mennoj v rannej literature / N. V. Pokatilova*. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 248 s.
21. Protod'yakonov V. N. «Ajar tyl uottannyn!!! Tyl ilbihe tölönnönnyn!!!». *Kem-Literatura-Töröyt yges tuhunan sanaalar*. – D'okuuskaj: Bichik, 2009. – 304 c.
22. *Saha literaturnaj kiriitketin istoriyata: 1917-1945 ss.: hrestomatiya / Sost.: L. P. Grigor'eva*. – D'okuuskaj: HIFU becheetin d'iete, 2017. – 422 s.
23. Sivceva-Maksimova P. V. *Istochnikovedcheskiy analiz rabot V. F. Troshchanskogo po etnografii yakutov v kontekste issledovaniy naslediya A. E. Kulakovskogo / P. V. Sivceva-Maksimova // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*. – 2021. – № 1(81). – S. 78-88. – DOI 10.25587/p9328-4396-3862-t. – EDN GCGGQV.
24. Tiryagin'cev A. *Borogonskaya ulusnaya konferenciya*. // *Avtonomnaya Yakutiya*. – 1925. – 5.02.
25. Toburokov N. N. *Өксөкүлөкх Өлөксөй олоғун уонна аҕар ылетин үрдүк чөрөкх кыһатыгар чөрөтти*. – D'okuuskaj: Kuduk, 2001.

УДК 347.78.034' 821=811.512.157

*Н. А. Ефремова, И. М. Григорьева***О переводе сказок В. Гауфа на якутский язык
(«Маленький Мук», «Сказка о калифе-аисте», «Карлик Нос»)**

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Проведен сопоставительный анализ переводов русских и якутских текстов сказок немецкого писателя Вильгельма Гауфа. Материалом для текстологического анализа послужили переводы на русский язык Н. Касаткиной и И. Татариновой, а также переводы на якутский язык, подготовленные Н. Н. Павловым-Тыасыт (1937 г.), И. Д. Винокуровым-Чагылган (1938 г.) и Н. А. Ефремовой-Снегирь (2022 г.). Ранее переводы детской художественной литературы на якутский язык не подвергались специальному исследованию: о них мало написано. Переводы сказок Гауфа «Кырачаан Муук» (Н. Павлов-Тыасыт), «Эһир-халиип туһунан ыскааска» (И. Винокуров-Чагылган), «Чаадай Бас», «Эһир-калииф туһунан остуоруйа», «Бээгэй Мурун» (Н. Ефремова-Снегирь) пополняют якутскую детскую литературу и привлекают внимание юных читателей. В статье речь пойдет о полноте и качестве художественного перевода и о мастерстве переводчиков, которые смогли воссоздать весь немецкий дух этих волшебных сказок на своем родном языке через русский перевод, используя все средства, чтобы достигнуть эффекта воздействия на читателя. Использован комплексный метод исследования: сопоставительный анализ русских и якутских переводов, лингвистическое описание переводных текстов с примерами на якутском языке. Авторы приходят к выводу, что интерес к художественному переводу детских сказок не угасает, кроме того время требует обновления ранее опубликованных переводов. Также переводчики – это посредники между разными культурами, интерпретаторы, мастера слова, постигающие идейно-художественной эстетичности знанием двух языков: языка переводимого и языка переводящего.

Ключевые слова: художественный перевод, литературная сказка, переводчик, оригинал, текст, художественная выразительность, русский перевод, якутский перевод, сюжет, писатель, мастерство переводчика.

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of the Yakut Language Stylistics and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ГРИГОРЬЕВА Юлия Максимовна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: grigorieval9861907@gmail.com

GRIGORIEVA Iyilia Maksimovna – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. A. Efremova, I. M. Grigorieva

On the translation of Wilhelm Hauff's fairy tales into Yakut ("The Story of Little Muck", "Caliph Stork", "Little Long-Nose")

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. A comparative analysis of the Russian and Yakut translated texts of fairy tales by the German writer Wilhelm Hauff was carried out: the translations into Russian by Kasatkina and Tatarinova, as well as translations into the Yakut language by Pavlov – Tyasyt (1937), Vinokurov – Chagylgan (1938), and Efremova – Snegir (2022). Previously, translations of children's fiction into the Yakut language were not subjected to special research: little has been written about them. Translations of the Hauff's fairy tales "Kyrachaan Muuk" (Pavlov – Tyasyt), "Ehir-khaliip tuhunan iskaaska" (Vinokurov – Chagylgan), "Chaadai Bas", "Ehir-kaliif tuhunan ostuoruya", "Beegey Murun" (Efremova – Snegir) replenish the Yakut children's literature and attract the attention of young readers. The article will focus on the completeness and quality of literary translation and the skill of translators who were able to recreate the whole German spirit of these fairy tales in their native language through Russian translation, using all means to achieve the effect of influencing the reader. A comprehensive research method was used: a comparative analysis of Russian and Yakut translations, a linguistic description of translated texts with examples in the Yakut language. The authors come to the conclusion that interest in the literary translation of children's fairy tales is not fading; moreover, time requires updating previously published translations. Also, translators are intermediaries between different cultures, interpreters, masters of the word, comprehending ideological and artistic aesthetics by knowing two languages: the language of the target and the language of the translator.

Keywords: literary translation, literary fairy tale, translator, original, text, artistic expressiveness, Russian translation, Yakut translation, plot, writer, translator's skill.

Введение

«Переводчики – почтовые лошади просвещения», – говорил А. С. Пушкин в своих мемуарах. Действительно, переводчиками становятся те, которые желают и стремятся дать свет своему народу, повысить уровень грамотности, образованности, культуры в целом. Художественный перевод является серьезным толчком развития не только литературы, но и всего языка народа. «История литературных языков знает немало случаев, когда у их истоков стояли переводные сочинения. Более того, зарождению, становлению и развитию многих литературных языков постоянно сопутствовали переводы и в различные периоды развития литературных языков имели на них порой решающее влияние», – пишет в своих трудах академик П. А. Слепцов [10, с. 501].

Обмен художественными ценностями между якутской литературой и другими братскими литературами, приобрел широкий размах с 30-х гг. XX в. [1, с. 226]. Основателем школы художественного перевода стал основоположник якутской советской литературы, поэт-революционер, крупный государственный деятель, ученый-лингвист П. А. Ойунский.

Именно в 30-е гг. прошлого столетия большое внимание начало уделяться переводам детской литературы с русского на якутский язык. Юные читатели Якутии получили возможность познакомиться на родном языке со многими рассказами А. П. Чехова,

Л. Н. Толстого, баснями И. А. Крылова, отрывком из «Детства Темы» Н. Г. Гарина. Были переведены на якутский язык русские народные сказки, сказки народов СССР, сказки зарубежных писателей – Андерсена, Гауфа, братьев Гримм, Кипплинга, Перро и классические произведения зарубежной детской литературы «Гулливер у лилипутов» Д. Свифта, «Таинственный остров» Жюль Верна, «Гаврош» и «Козетта» В. Гюго [12, с. 23].

Сказки как особый жанр фольклорного и литературного произведений всегда завораживали не только юных читателей, но и взрослых, в частности, переводчиков и писателей. Переводами сказок занимались такие известные писатели как Н. Н. Павлов-Тысаты, И. Д. Винокуров-Чагылган, А. Г. Кудрин-Абагинский, С. А. Саввин-Кюн Джирибинэ, Г. И. Макаров-Джон Джанглы, Н. Г. Золотарев-Николай Якутский, Д. К. Сивцев-Суорун Омоллоон, Сем. П. и Софр. П. Даниловы, С. И. Тимофеев, П. Д. Аввакумов; переводчики Г. С. Тарский, П. Д. Григорьев, В. Г. Чиряев, С. Ф. Софронов-Феоктист Софронов, С. П. Охлопкова, П. Н. Дмитриев, В. С. Федоров, Д. В. Кириллин и др.

Особенности сказок Гауфа и их переводы на русский язык

К сожалению, мы мало знаем о биографии и творчестве немецкого писателя В. Гауфа. Вильгельм Гауф родился в юго-западной части Германии в городе Штутгарте, в столице Швабии в самом начале XIX в. Из этих мест были Фридрих Шиллер, К. Шубарт, Людвиг Уланд. В этом году исполняется 220 лет со дня рождения великого писателя, который за столь короткое время смог написать замечательные литературные произведения, ставшие шедевром мировой классики. Учился он в монастырской школе, затем в Тюбингенском университете. Там благодаря яркому темпераменту, стал вожаком буршей – членов студенческой корпорации, известных своими дуэлями и веселыми проделками. Критики и литературоведы считают В. Гауфа писателем-романтиком: известны его романы «Мимили», «Лихтенштейн», «Мемуары Сатаны», однако мировую славу принесли ему не романы, а новеллы и сказки.

Три сказки В. Гауфа объединены общим заглавием «Сказки для сыновей и дочерей знатных сословий» (нем. Märchen-Almanach auf das Jahr 1826, 1827, 1838 für Söhne und Töchter gebildeter Stände) и состоят из трех циклов: первый – «Караван», в который вошли сказки о калифе-аисте и Маленьком Муке. В «Караване» преобладает восточный колорит. Второй цикл называется «Александрийский шейх и его невольники» с известной сказкой о Карлике Носе, а третий получил название «Харчевня в Шпессарте» со знаменитой сказочной историей «Холодное сердце» и преобладанием произведений с немецким сюжетом [7, с. 168].

Сказки В. Гауфа отличается особая многоцветность... Основное внимание писатель уделяет сюжету, отличающемуся массой неожиданных поворотов, «вмешательством чудесного и волшебного в обыденную жизнь» [7, с. 169].

Вот как характеризует сказки Гауфа русский писатель Вениамин Каверин: «В его сказках нет лирико-философской интонации Андерсена. От него далека изящная простота гениальных сказок Перро. Русская народная сказка поэтична. Она связана с былиной. Отсутствие психологической глубины само по себе характерно для всех видов этого жанра. Но от сказок Гауфа я бы сказал, было бы несправедливо требовать любой глубины, в том числе психологической. Ведь она подчас обходится даже без имени героя, ограничиваясь только сообщением о его профессии. Было бы грубой ошибкой предполагать, что эта особенность подсказана вдохновением. Не такова теоретическая концепция автора» [6, с. 9]. Далее: «Он никогда не опускается до упрощений, последовательно ведет читателя впереди выше, как бы заставляя его стремиться туда, где он – читатель – еще не был» [6, с. 14].

Филолог, литературовед И. В. Кабанова пишет: «Гауф-сказочник двигался к освоению реального мира, и его сказки выражают основную линию литературного развития той эпохи. Гауф приблизил романтическую литературную сказку к сказке

народной. Сказки Гауфа пленяют воображение вереницей пестрых, зримых картин. В ярких образах умелый рассказчик сплетает воедино реальность и выдумку. Занимательный сюжет, невероятные приключения героев, ненавязчивая мораль давно сделали сказки В. Гауфа излюбленным чтением детей и взрослых» [3, с. 159].

За переводы сказок В. Гауфа с немецкого языка на русский взялись более двадцати советских переводчиков: М. Ступинской, А. Тихонов, М. Салье, Н. Касаткина, И. Татарина, Т. Габбе, А. Любарская, М. Салье, Н. Полевой, А. Веркин, Н. Преображенская, А. Введенский, В. Найден, А. Альникин, С. Апт, Л. Вест, Н. Тарловский, М. Коренева, Л. Яхнин, В. Гетцель, И. Королев, В. Найден, А. Печерская, Н. Гернет, Б. Прозорова, Ю. Коринец, О. Расщепкина, Г. Джаладян, А. Ломаев и др. Книги под названием «Маленький Мук», «Рассказ о калифе-аисте», «Карлик Нос» выходили миллионным тиражом по несколько раз и имели большой спрос среди советских школьников.

Основываясь на текст русского перевода, в 1937 г. был переведен на якутский язык «Маленький Мук» («Кырачаан Муук») Н. Н. Павловым-Тыасытом, за ним последовал перевод «Сказки о калифе-аисте» («Эһир-халиип туһунан ыскааска») И. Д. Винокурова-Чагылгана. Ранние переводы напечатаны на новгородском алфавите. Спустя более 80 лет в этом году в свет вышел новый перевод сказок В. Гауфа на более современный якутский язык «Чаадай Бас», «Эһир-калийф туһунан остуорууйа», «Бээгэй Мурун» доцента Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова Надежды Снегирь. Русским оригиналом послужили переводы Н. Д. Касаткиной и И. С. Татариновой. Таким образом, надо сказать, что якутский перевод основывается не на оригинале самих сказок, а на русский перевод. И мы будем анализировать «двойной» перевод, т.е. перевод «через русский язык».

Перевод Николая Павлова-Тыасыт

Н. Н. Павлов-Тыасыт был одним из первых прозаиков, литературных критиков и переводчиков того времени. Окончил литературный факультет Московского института истории, литературы и философии. Н. Н. Павлов по приглашению самого П. А. Ойунского работал литературным сотрудником в научно-исследовательском Институте языка и литературы; вместе с И. К. Поповым подготовили «Русско-якутский словарь». В 1933 г. в газете «Кыым» опубликовал статью под названием «Принципы перевода», которая не теряет своей актуальности и перед современными лингвистами, переводчиками.

В 1937 г. он перевел знаменитую сказку В. Гауфа «Маленький Мук», которая вышла отдельной книгой под названием «Кыгасаан Муук» [2] для детского чтения в Московском и Ленинградском издательствах при ВЛКСМ. Мы не можем определить на чей перевод опирается перевод Н. Н. Павлова, т. к. в тот момент авторов, переведивших на русский язык «Маленького Мука», было несколько.

Чем же привлек внимание переводчика Маленький Мук? Цитируем: «В “Рассказе о Маленьком Муке” воспитательный, поучительный момент был более важен. Гауф в этой сказке говорит о силе человеческого достоинства, о праве каждого на справедливое к себе отношение. Маленький Мук обделен природой, но его неказистое тело и нелепый наряд скрывают добрую и твердую душу. Маленький Мук – герой-простак, особый сказочный герой, который постоянно попадает впросак, но в конце концов чистая душа берет верх в схватке со злом» [3, с. 158].

Далее поговорим о качестве перевода. Переводчику удалось «поймать мысль» автора (здесь: русского перевода) и передать содержание оригинала на своем родном языке в укороченной форме. Н. Н. Павлов сам выступает рассказчиком, маневрируя лексическим богатством родного языка. В его тексте нет развернутых описаний, эпитетов, метафор и пр. Перевод состоит из простых лаконичных предложений. Одним словом, данный перевод представляет хороший подстрочник. Однако узус не нарушен, что подтверждается следующим примером: «*Никиэйэ куоракка кырачаан Муук аҕатынаан*

олорбута эбитэ үһү. Атаҕа, илиитэ быыкайкаайык этилэр. Оттон бэйэтэ буоллаҕына, кырачаан да кырачаан. Уулуссанан бардаҕына, куһаҕан быһыылаах уолаттар экирэтэ сылдьан элэк гыналлара: “Көрүҥ, эрэ көрүҥ, кыратыан! Көрүҥ эрэ, көрүҥ, дьүһүнүөн!”» [2, с. 5]; «Ол сылдьан куоскалар мэниктээн баппатахтара; Эмээхсин туйо мөбөр; Кырачаан Муук санааҕа түһэн баран күрээн хаалыан баҕарда» [2, с. 11].*

Есть моменты подстрочного перевода (кальки)*: «**куһаҕан быһыылаах** вместо: **оройунан көрбүт мэник бэдиктэр**».

Движения главного героя переданы детально четко. Здесь переводчик умело использует видовые формы глагола, которые живо описывают действия персонажа: «Муук ону ол диэбэтэ; сон тэллэбин сарбыйан кэбистэ, чаалматынан баһын эриннэ, курун быһыгар кынчаалын анньынна, илиитигэр мас ылла уонна ыллыы-ыллыы куораттан тахсан бара турда» [2, с. 6]; «Иккитэ ыстанаат игнэн охтон түстэ. Ойон туран сүүрдэ, үстэ ойоот эппэннэн сылайан барда» [2, с. 20].

Национально-самобытная специфика языка наблюдается при описании поведения домашних питомцев: «Дьыэлээх хотун кэлэригэр куоскалар бэйэлэрин сыттыктарыгар баар буолбуттара уонна иһити кинилэр үнтүрүппэтэхтэрин курдук көннүүөрэн көхсүлэрин курдугунатан олонхолуу сыппыттара» [2, с. 11]. Для сахаязычного читателя «кошка не мурлыкает, а поет олонхо» (букв. пер. с якутского).

Многочисленные повторы создают сказочно-аллегорический стиль: « - Биһигини эмтии оҕус! – диэн хаһыытастылар миниистирдэр. – Суох, биһигини, - дэстилэр хоруол уолаттара. – Суох биһигини, суох биһигини, – диэн айманнылар хоруол кыргыттара; Хоруол муннун кытары, уолаттара муннуларын кытары, кыргыттара муннуларын кытары, миниистирдэрэ муннуларын кытары – бука бары оһуоллуу уһун кулгаахтарын кытары хаалбыттара эбитэ үһү» [2, с. 27].

Использование фразеологизмов в нужных местах придало тексту художественную изобразительность: «Муук кинилэртэн хаалбата, кутурук уопсан истэ» [2, с. 8]; «Кырачаан Муук сүрүбэ айаҕар табыста, оннооҕор хаана кубарыс гынна» [2, с. 12]. «Эбирийэх бэтэрээ өттүгэр, билбэт куоратын улахан болуоссатын хабайар хаба ортотугар баар буола түстэ» [2, с. 14]; «Мин куораппыттан киэр буол, икки харахпар көстүмэ! – диэтэ хоруол» [2, с. 21].

Использование поэтических тропов (синекдоха) также благотворно повлиял на качество перевода: «Көрөр харахтаах, истэр кулгаахтаах бары эйигин элэк оноһуннун, - диэт Муук тилэбэр үс төгүл холоруктаата да сүүрэн хаалла» [2, с. 26].

Накал эмоций передан синтаксическим средством – использованием сложно-сочиненных синтаксических конструкций: «Аһы олорон бэйэ-бэйэлэрин көрбүттэрэ добоор: дьэ дьүһүн-сигили* буолбуттар ээ – уһунтан уһун кулгаах ууммут, уһун мурун субуруйан түспүт» [2, с. 24]. Обращаем внимание на парное слово *дьүһүн-сигили*. На наш взгляд, вместо второго компонента *сигили* уместно было бы использовать слово *бодо*; *дьүһүн-бодо* ‘страшный вид, подобный на непонятного зверя’.

Имена собственные и реалии переведены способом транслитерации: *Никиэйэ, Муук; чаалма, халаат, кынчаал, түүппүлэ, эриэхэ, хоруол, миниистир*.

Перевод И. Д. Винокурова-Чагылгана

И. Д. Винокуров-Чагылган – писатель, поэт, переводчик, автор популярной песни «Хаһыйар», ставшей гимном времен Великой Отечественной войны. Его переводы отличаются своей отточенностью и художественным мастерством. Он перевел произведения А. Пушкина, М. Горького, М. Лермонтова, Л. Толстого, Т. Шевченко, В. Маяковского, А. Суркова, Э. Багрицкого, С. Маршака, К. Чуковского.

В 1938 г. он перевел «Сказку о калифе-аисте» («Эһир-халиип туһунан ыскааска»). В этой сказке преобладает гауфский восточный колорит. Справедливо отметить, что художественные переводы Чагылгана послужили примером подражания для начинающих

переводчиков того времени. Перевод был включен в сборник рассказов для детей [11], опубликованный в 2008 г. в Национальном книжном издательстве «Бичик». Проведя лингвистический анализ текста данного перевода, остановимся на более важных моментах:

Собственные имена переданы способом фонетизации, иными словами «объякучены»: *Хасиит, Мансуур, Сэлиим, Каснуур, Миисыра, Лууса, Миэккэ, Мэдиинэ, Багдаат, Индийэ*. Вместо ударного гласного использованы долгие гласные якутского языка.

Реалии также транскрибированы: *халиип* ‘халиф’, *бэсиир* ‘визирь’, *чөмчүүк* ‘жемчуг’, *барабаан* ‘барабан’, *урүүмкэ* ‘рюмка’, *мутабуур* ‘мутабор’. Некоторые имеют дополнения: *мэчиэт тангара дьизэт* ‘мечеть’, *күөпэ чэй* ‘кофе’, *дамааскай кынчаал* ‘дамацкий кинжал’. Часть реалий оставлены без изменений: *негр, флейта, колоннада*.

Заемствованные слова подверглись удачной транслитерации: *дыбарыас, дьыбаан, бэһиэлэй, чааскы, торгуомсук, табаар, хоруонка, боросуок, кырыыса, түүппүлэ, халаат, эрэсээнкэ, бэспизинник, былааччыа*.

Некоторым словам нашлись равные замены (в основном это имена существительные): *эһир* ‘аист’, *хаххан* ‘сова’, *уһун умнастаах хамса* ‘курительная трубка кальяна’, *суруктаах лиис кумаабы* ‘письмо на пергаменте’, *арыалдьыт* ‘свита’, *колдовство* ‘ап-чарай’.

Использованы эмоциональные слова: *дыбилгэт, ап-чарай, дьөлө сытый, акаары собус тыл, дэриэспэ*.

Экспрессивные деепричастия, глаголы: *тумустарын хабырбаты-хабырбата суо бэйэлээхтик туттан, хааман доодонноһо, сирийэн көрөн баран, амсайа түс, алларастаһа түстүлэр, ыһытыты түстэ, ынчыктаан-бэтиэхтээн барда, мунгатыар, ытаан мунганара, дуораннаппыта, абылаабыта, удумабалаан, буугунаатабына, хаадылыырын*.

Образные слова при описании походки, движений птиц: *көтөн налыһан, күөккэй, моонньун күөгэлдьиттэ, тыраналаан үнкүүлээтэ, дьурайан туран, тонхолдьустулар, көтөн күөсүһэ, мэрэлийбит хараба, таммах уулар субуруннуу, моонньун куоһаппыта, дьороччу тэбинэн, дайбанныра*.

Язык жестов переведен удачно, нашелся равный эквивалент: *Бэсиир илиитин түөһүгэр кириэстии туттан баран бокулуоннаата, ... диэтэ Сэлиим синньигэс биилигэр диэри сүгүрүйэ-сүгүрүйэ, ... илин диэки хайыһан баран, тахсан эрэ күнгэ үстэ төхтүрүйэн сүгүрүйэн баран...*

Узус (речевой обычай) якутского языка не нарушен: *санаата бэркэ көннүөрбүт, тамабын илитэ-илитэ, сана аллайа түстэ, боросуогун сынгырыһаат, холлоох собуштук чугаһаан баран, тыын ылан баран, инсэлэрин баттата, аанһа илдьиритэн ыстаабакка, санааларын аралдьытынар, сэниэм быһынна, төлө мөбөн, уйа-хайа суох айманара, санааба түстэ, өй булуна, санаатын убарытан, тылыгар киллэрэ сатаабыта, кыккыраччы аккаастаан кэбиспитэ, батыһыннаран истэ, ас арааһа тардыллыбыт, күөмэйдэрэ хайдыабынан хаһытаатылар, харахтары уута сарт гына түһэр, күн ыаһабын ыталлара, хаадылыырын ууратара*.

Использованы устойчивые сочетания, эпитеты в аллитерированной форме: *кулгаах тааскар, кэдэйэр иэнгэр; көтөр кынаттаах, тынар тыыннаах; дьурантай кыыл; холуоннанан хотонон; санаалара санныйан; өлөр өстөөбүм, аптаах абааһы; кырампыпытын кыттыаннаах; төбөтүттэн төрдүгэр диэри; харабым харалжанын тухары*.

Переводы Н. А. Ефремовой-Снегирь

Поэт и переводчик Я. А. Хелемский верно подметил: «Как все на свете, переводы стареют. Сегодняшняя интерпретация завтра может оказаться негодной. Каждый век воспринимает слово по-своему. И на смену нынешнему переложению, которое вам кажется безупречным, придет новое, которое совпадает с представлениями и запросами будущих читателей» [9, с. 580].

В этом году к юбилею В. Гауфа Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) выпустила электронную книгу «В. Гауф. Остуоруйалар» в переводе Н. А. Ефремовой-Снегирь, доцента кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Здесь включены новые переводы трех сказок «Маленький Мук», «Калиф-аист», «Карлик Нос». Предисловие к книге написала известная якутская переводчица А. Е. Шапошникова. Вот что пишет она: «Главными достоинствами переводов Снегирь можно считать полноту текста и обширное многогранное использование лексического запаса якутского языка. Так, переводчик смог «оживить» архаизмы, слова, вышедшие из активного словарного запаса современных читателей “бээгэй”, “чаадай”, “нэктэл”, “кулут”, “эһир”, “тороху”, “кэриим”, “луохтуур”, “ап-чарай”, “үөтгүрэх”, “дьаарханар”, “чүүччэйэр”. Более того автор дает комментарии трудным, непонятным словам в виде сносок. Удался перевод названий сказок (имен главных героев): «Чаадай Бас» ‘Маленький Мук’, «Бээгэй Мурун» ‘Карлик Нос’. Благодаря хорошему знанию родного языка и высокой культуре речи, она смогла достичь главной цели художественного перевода – творческого подхода» [5, с. 4].

Качественный перевод возможен лишь в том случае, если переводчик является сам творческой личностью. В этом случае перевод производится на основе глубокого проникновения в систему культурных взглядов и художественных методов автора, используя при этом все доступные методы трансформации образов с языка оригинала на переводимый язык [8, с. 47].

Напомним, что перевод Н. А. Ефремовой-Снегирь подготовлен на материале книги «Вильгельм Гауф. Маленький Мук», опубликованного в 2000 г. в Московском издательстве «Стрекоза» в переводе с немецкого Н. Касаткиной и И. Татариновой [4].

Рассмотрим примеры перевода, так называемого языка жестов: знак удовольствия от вкусной еды: «Минньигэһиргэтэн харабын быһа симнэ уонна таналайын чангырҕатаат...» [5, с. 61]; ‘... он зажмурил глаза от наслаждения, несколько раз прищелкнул языком’ [4, с. 105]; знак благодарности человеку высокого ранга (этикет общения при дворе): «Уол сана аат ылан уонна тойон үтүө тылын истэн, махтанан сүгүрүс гыммыта» [5, с. 62]; ‘Карлик Нос поклонился герцогу до земли и поблагодарил его за милость’ [4, с. 108]; мольба, просьба о проявлении милости к слуге: «Тойонуом, - диэн тобуктуу түспүтэ уол ээйдээх... герцог уһун ырбаахытын тэллэбиттэн тутуспутунан көрдөһө-ааттаһа сыппыта» [5, с. 67]; ‘Господин! – закричал Яков, падая на колени... жалобно закричал карлик, хватая князя за полы платья’ [4, с. 119]; унижение: «... герцог уордайбытын омуногар уолу атабынан тэппитэ» [5, с. 67]; ‘... закричал герцог и отпихнул карлика ногой’ [4, с. 119].

Далее в виде таблицы приводим примеры сравнений фрагменты переводов двух авторов, в которых присутствуют стиль и манера общения (обращения, слова, выражающие этикет вежливости при разговоре с халифом) между разными сословиями древнего Востока:

Перевод И. Чагылгана	Перевод Н. Снегирь
«Чем озабочен ты, великий визирь? Почему на лице твоём такая печаль?» [4, с. 38].	
«Тоҕо бу курдук, бэсиир, санаарҕаабыт курдук буоллун?» [11, с. 115].	«Туохтан манньк саппабырдын, улуу визириэм?» [5, с. 28].
«Всемиловитейший господин и повелитель» [4, с. 41].	
«Үтүө санаалаах тойонуом» [11, с. 116].	«Күн тойонуом» [5, с. 28].

«Да исполнится воля твоя, о господин!» [4, с. 42]	
«Эн тылын хоту буоллун, үтүө тойо- нум! – диэтэ Сэлиим ...» [11, с. 116].	«Селим быстыа дуу, ойдуо дуу, сөһүргэстээт сөбүлэхэригэр тийбитэ» [5, с. 30].
«Прикажи меня повесить, господин, если это не по-латыни!» [4, с. 42]	
«Оо, тойоноом, сымыйанан эппит буоллахпына, ыйаан өлөрдүннэр – ла- тыынны сурук эбит!» [11, с. 116].	«Миигин ыйыырга соруудахтаа. Өскөтүн латыынны сурук буолбатагына» [5, с. 30].
«Клянусь бородой, всемиловейший государь...» [4, с. 46]	
«Бытыкпын сакалаакка уу- руом этэ...» [11, с. 117].	«Уһун бытыкпынан андабайабын, күн тойоноом...» [5, с. 31].
«Вы льстите мне, о мой властелин! – сказал визирь и поклонился» [4, с. 47]	
«Сүгүрүйэн туран махтанабын, - диэн баран Мансоор...» [11, с. 118].	«Махтанабын, тойоноом, - ди- эбитэ визиирэ» [5, с. 32].
«Мое почтение, любезнейшая Длинноножка! - Мое почтение, ду- шенька Щелкунья! – Покорнейше благодарю ...» [4, с. 48]	
«Үтүө сарсыарда, Дьурантайым барахсан! Даа, баһыба, Харакуорсункам барахсан! Баһыба, ... » [11, с. 118-119].	- «Үтүө күн буоллун, күндү Уһун Атах дьүөгэм! - Үтүө сарсыарда, Чангырбай! - Махтал, күндү дьүөгэм» [5, с. 32].
«Клянусь бородой пророка ... это будет плохая шутка, если мне придется навсегда остаться аистом» [4, с. 50]	
«Миэккэнэн, Мэдиинэнэн андабайа- бын, сааспыт тухары бу курдук эһир буолан хааллахпытына, бэрт куһаҕан устуука буолуо...» [11, с. 119].	«Бороруок бытыгынан андабайабын, - аа- хайбатахты күлэрин быһыгар сөнөдүйдэ калиф. Токуйдаан да көр, үйэбит тухары хайдах эһир буолуохпутуй?» [5, с. 33].
«Да здоровствует Мизра, властелин Багдада!» [4, с. 53]	
«Биһиги баһылыкпыт Миисыра туругурдун!» [11, с. 120].	«Уруй буоллун Мизрааба! Багдаад сага тойоногар» [5, с. 34].
«Добро пожаловать, дорогие аисты! Как я рада видеть вас» [4, с. 57]	
«Оо, үтүө ыалдыттарым, эһирдэр! Бэрт сотору быһаныһыкпын ээ, көр! Миигин эһирдэр быһыахтара диэн дылҕалаабыттара ээ» [11, с. 121]	«Дорооболорун, күндү эһирдэр! Эһиги мин дьолбор кэлбиккитин сүрэхпинэн сэрэйн олоубун» [5, с. 36].

При описании трудовых будней в дворцовой кухне переводчик активно использует звукоподражательные слова, в результате которого достигается художественная, фоновая выразительность: *«Дыбарыас куукуната сүүрбэ оһох кэчигирээн турар киэн да киэн этэ. Оһохтор анныларыгар күнүстэри-түүннэри уот умайан күнсүйэрэ. Куукуна ортоугар улахан бассейн баара, онно балыктар уста сылдыллара. Эркини бата мрамор уонна мас ыскааптар кэккэлээн тураллара, долбуурдарыгар күндү таас иһит бөбө тобус-толору хааламмыт этэ. Куукунаны кэккэлэхэ уон улахан хоспоххо ас-үөл арааһа ыга симиллэн турара. Ас астааччылар, иһит сууяаччылар бары үлэлээн түбүгүрэ сылдыллара, иһит-хомуос биир кэм ланкыныыра, атаһ тыаһа тилигириирэ. Киирэн кэлээттэрин кытта сонно тутта тыас-уус ньам барбыта. Арай билиитэ уота чачыгырыыра, бассейн уута чалымныра»* [5, с. 59].

Н. Снегирь умело использует стилистические приемы в виде восклицательных и вопросительных предложений, что придает тексту особую синтаксическую стройность:

Градация: «Уол соһуйбута бэрдиттэн муннун харбанан көрдө. Бу алдыархайы! Аата сүрүн!! Били абааны эмээхсинэ кэрэ дьүһүнүн кэбилээбит эбит буолбаат!!! Ийэтэ ол иһин билбэтэх буоллаҕа дии» [5, с. 54].

Смешение вопросительных и восклицательных предложений: «Абааны эмээхсинин көрөн кыйаханан, сиилээбитин-одуулаабытын билигин кэлэн кэмсинэн тугу гыныа баарай? Уһун токур мунна, бакыр тарбаҕа, туллан түһүө диэн күлбүт моонньо – барыта кэлбит!» [5, с. 55]; «Оо, үлүгэр да буолар эбит! Бу иэдээни көрбөккүөт?! Ап-чарай күүһэ кинилэртэн өһүллүбэт буолла» [5, с. 33]; «Манньык дьүһүннээх куоракка төннөр сатаммат. Ким итэбэйиэй? Багдаат тойоно эһир буолбут! Дьоно-норуота тоҕо ханнык эрэ эһир көтөр бүтүн дойдуну салайыан баҕарыахтарай? Дьэ, сор диэтэҕин» [5, с. 34].

Риторические вопросы: «Аччык уол эрэйдээх куоска аһын сириэ баара дуо? Мантан ордук аһы киниэхэ ким тосхойуой?» [5, с. 12]; «Ону мин акаары өйдөөмүнэ киирэн биэрбиттин буолбаат?!» [5, с. 34]; «Дьэ хайдах буолар? Хайдах айаҕын булунар? Хоргуйуох муна дуу?» [5, с. 57].

Умолчание: «Дьэ иккиэн хонтобор муннуларын бороһуокка даҕайаат сынгсырыйдылар ... уонна иккиэн “мутабор!” диэн хаһытаатылар» [5, с. 31]; «Буруо улам хойдон-хойдон ... уол мэйиитэ эргийдэ» [5, с. 48]; «Дьэ онтон... бачча тухары сордообут улахан муннун сибэки отугар батары биэрээт, күүскэ эҕирийэн сыттаан ылбыта. Эчи-ии!» [5, с. 69].

Сложносочиненные предложения: «Куорат таһыгар тахсаат көрбүттэрэ: биир эһир төттөрү-таары хааман тыранньыра, бадараан быһыгар баҕаны көрдөөн түбүгүрэрэ, уһун сытыы тумсун өрө хантатан тангалыйын чангырҕатара» [5, с. 31]; «Эт-этэ, ингиир-ингиирэ быһыта баран ээр курдук тыас тыаһаабыта: лыкыгыр моонньо уһаан тахсыбыта, мунна улам кыччаан-кыччаан киһи муннун саҕа буолбута, илиитэ-атаҕа уһулу ойбута, көхсө, түһэ орун-онугар түспүтэ. Уруккутун курдук уол да уол буола түспүтэ!» [5, с. 69].

Безличные предложения (обрывистые фразы): «Оо, бу иэдээни! Эмээхсин мань биллэҕин өлөрөрө чаччы. Куотуохха наада. Түргэнник! Уол хос иһин кэриччи көрө туран, хараҕа мунукка турар улахан тумустаах түүппүлэҕэ хатаммыта. Өйдүү-саныы сылдыар курдук мань ылбыт киһи! Бу түүппүлэ улахан да буоллар, туюх буолуой? < ... > Ылым хата!» [5, с. 14].

Цепочка вопросительных предложений (внутренний монолог): «Бэйэтин чиччик дьүһүнүн харчыга көрдөрөн аһыан баҕарбата: киһи элэгэр киирэр туюх үчүгэйдээх буолуой?! Ол олон түргэнник сүүрэр кыахтаммытын саныы биэрдэ. Баҕар онон айаҕын булунаарай? Хоруолга быһыы атаһа, сорук-боллур үлэһит наада буолаарай?» [5, с. 15].

Заключение

Сказки В. Гауфа и по сей день остаются таинственными, неповторимыми и притягательными для детей и взрослых разных лингвокультур. Однако нельзя забывать, что сказки его доступны благодаря переводчикам, посредникам, умеющим излагать содержание оригинала на новом другом языке, сохраняя при этом мысли и чувства писателя.

Старшее поколение якутских переводчиков Н. Н. Павлов-Тыасыт, И. Д. Винокуров-Чагылган выполнили ту миссию, которая стояла перед ними в эпоху становления якутской советской литературы: они обогатили фонд детской литературы, подарили юным читателям новые произведения, произведения зарубежного писателя, жившего сто лет назад, на своем родном языке. Справедливо было бы признать их талантливыми переводчиками, прошедшими хорошую школу, мастерами художественного слова, работавшими в разгар жестоких репрессий. Отрадно, что переводческое дело не стоит

на одном месте. Спустя многие годы появление нового, уже современного перевода сказок В. Гауфа говорит о том, что есть продолжатели добрых традиций, заложенных еще в далекие 1930-е гг. П. А. Ойунским. И этими продолжателями являются наши современники, преподаватели, филологи, переводчики. Переводы Надежды Снегирь доказывают, что есть своего рода преемственность в литературно-переводческой жизни Якутии.

В заключении приводим слова армянского писателя, критика, теоретика художественного перевода Л. М. Мкртчяна: «Переводчики работают внутри времени. И вечно дискутируемая проблема верности оригиналу – это верность времени. Оригинал – это время. Писатели и переводчики переводят время на язык литературы. Много пишется книг, но переводится лишь то, что созвучно времени».

Л и т е р а т у р а

1. Башарина З. К. Содружество литератур: монография. – М.: Academia, 2002. – С. 226.
2. Вильгельм Гауф. Кырачаан Муук: [оскуолаҕа киирэ илик уонна кыра саастаах оҕолорго остуоруйа] / Б. Гааупп; Баабылап тылб.; Мульгааупт ойуулар. – Москуба; Лиэньингирээт: Ыччат бүтүн Сојууустааҕы Лиэниннии коммуууустуу сојууһун киин кэммитиэтэ, оҕо литэрэтиирэтин пэчээтэ, 1937. – 26 с.
3. Вильгельм Гауф. Маленький Мук и другие сказки. Перевод с немецкого. – Нижний Новгород: Арника, 1992. – С. 159.
4. Вильгельм Гауф. Маленький Мук: сказки [для младшего школьного возраста] / В. Гауф; [перевод с немецкого Н. Касаткиной, И. Татариновой]; художник С. Бордюг. - Москва: Стрекоза, 2000. – 125 с.
5. Вильгельм Гауф. Остуоруйалар; Чаадай Бас; Эһир-калииф туһунан остуоруйа; Бээгэй Мурун / Вильгельм Гауф; нууччалыыттан сахалыы тылбаастаата Н. А. Ефремова-Снегирь; [Аита Шапошникова кирири тыла]; М. К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни бэдэрээлинэй үнүбэрситиэт, АБ Хотугулуу-Илинни норуоттарын тылларын уонна культуураларын үнүстүүтэ. – Дьокуускай : СӨ НБ, 2022. – 72 с.
6. Гауф В. Собрание сказок / Перевод с немецкого. – М.: Алгоритм, 1999. – С. 9.
7. Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь в 2-х частях. Ч.1. А-Л / Под ред. Н. П. Михальской. – М.: Просвещение: Учебная литература, 1997. – С. 168.
8. Илларионова И. О. Особенности передачи индивидуального авторского стиля при переводе // Евразийский Союз Ученых. – № 4-4 (49). – 2018. – С. 47.
9. Модестов В. С. Искусство художественного перевода. Учебное пособие / В. С. Модестов. – М.: Литературный институт А. М. Горького, 2021. – С. 580.
10. Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания. Сборник научных трудов / П. А. Слепцов. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 501-509.
11. Чабылҕан. Хоһооннор, остуоруйалар, кэпсээн, тылбаас: орто саастаах оскуола оҕолоругар / Чабылҕан; [хомуйан онордулар А. И. Винокуров, Л. М. Сабарайкина; кирири тылы суруйда Н. Н. Тобуруокап]. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 128 с.
12. Ямпольская М. Л., Петров Н. Е. Краткий очерк истории якутской детской литературы. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1959. – С. 23.

References

1. Basharina Z. K. Sodruzhestvo literatur: monografija. – M.: Academia, 2002. – S. 226.
2. Vil'gel'm Gauф. Кырачаан Муук: [oskuolaҕа kiirje ilik uonna kyra saastaah oҕolorго ostuoruja] / В. Гааупп; Ваабылап тылб.; Мул'гааупт ојуулар. – Москуба; Lijen'ingirjejet: Ychchat бүтүн Сојууустааҕы Lijeninnii kommun'uustuu сојууһун киин kjemitijetje, oco litjerjetiirjetin pjechjetje, 1937. – 26 s.
3. Vil'gel'm Gauф. Malen'kij Muk i drugie skazki. Pervod s nemeckogo. – Nizhnij Novgorod: Arnika, 1992. – S. 159.

4. Vil'gel'm Gauf. Malen'kij Muk: skazki [dlja mladshogo shkol'nogo vozrasta] / V. Gauf; [perevod s nemeckogo N. Kasatkinoj, I. Tatarinovoj]; hudozhnik S. Bordjug. - Moskva: Strekoza, 2000. – 125 s.
5. Vil'gel'm Gauf. Ostuorujalar; Chaadaj Bas; Jehir-kaliif tuhunan ostuoruja; Bjejegjej Murun / Vil'gel'm Gauf; nuuchchalyyttan sahalyy tylbaastaata N. A. Efremova-Snegir'; [Aita Shaposhnikova kiirii tyla]; M. K. Ammosov aatynan Hotuguluu-Илһи бједјерјелинјей җыбјерјетјет, AB Hotuguluu-Илһи noruottaryn tyllaryn uonna kultuuralaryn җыстыҗтыје. – D'okuuskaj: SӨ NB, 2022. – 72 s.
6. Gauf V. Sbranie skazok / Perevod s nemeckogo. – M.: Algoritm, 1999. – S. 9.
7. Zarubezhnye pisateli. Biobibliograficheskij slovar' v 2-h chastjah. Ch.1. A-L / Pod red. N. P. Mihal'skoj. – M.: Prosveshhenie: Uchebnaja literatura, 1997. – S. 168.
8. Ilarionova I. O. Osobennosti peredachi individual'nogo avtorskogo stilja pri perevode // Evrazijskij Sojuz Uchenyh. – № 4-4 (49). – 2018. – S. 47.
9. Modestov V. S. Iskusstvo hudozhestvennogo perevoda. Uchebnoe posobie / V. S. Modestov. – M: Literaturnyj institut A. M. Gor'kogo, 2021. – С. 580.
10. Slepcev P. A. Stupeni i problemy jakutskogo jazykoznanija. Sbornik nauchnyh trudov / P. A. Slepcev. – Jakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2008. – S. 501-509.
11. Чаһуһан. Нoһoһнoһ, oһтуoһујaлар, кјeпсјeјeн, тyлбаaс: oрто саaстааһ oһкуoла oһoлoруғар / Чаһуһан; [һoмujан oһoрдular A. I. Vinokurov, L. M. Sabarajkina; kiirii тyлы surujda N. N. Toburuokap]. – D'okuuskaj: Bichik, 2008. – 128 s.
12. Jampol'skaja M. L., Petrov N. E. Kratkij ocherk istorii jakutskoj detskoj literatury. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izd-vo, 1959. – S. 23.

Б. С. Зулумян

Роль пассионариев в истории национальной культуры: от Месропа Маштоца (V в.) к Хачатуре Абовяну (XIX в.)

ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье речь идет о двух выдающихся представителях армянского народа – создателе алфавита, родоначальнике армянской литературы в V веке Месропе Маштоце и основоположнике армянской литературы Нового времени, ученом и поэте Хачатуре Абовяне – оставивших неизгладимый след в истории и национальной культуре Армении. Культурный взрыв, последовавший вслед за созданием армянского алфавита Месропом Маштоцем и его сподвижниками в 405 г., по сей день остается одной из дискутируемых проблем в арменоведении. Миссионер, поэт и переводчик Маштоц за жизненный подвиг был причислен к лику святых.

Просветитель и педагог Хачатур Абовян сыграл особую роль в деле демократизации образования и перехода на новый литературный язык. Он автор романа «Раны Армении» – первого произведения армянской литературы на ашхарабаре, заложившем основы национальной школы нового типа. Его творчество дало импульс к развитию новой литературы, основанной на европейских идеях просветительства, возрождению естественного человека и народа-созидателя.

Ключевые слова: пассионарии, миссионерская деятельность, агванская письменность, араратский диалект, армянский алфавит, ашхарабар, народный язык.

B. S. Zulumyan

The role of passionaries in the history of national culture: from Mesrop Mashtots (5th century) to Khachatur Abovyan (19th century)

Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article is about two outstanding representatives of the Armenian people: Mesrop Mashtots, the creator of the alphabet, the founder of Armenian literature in the 5th century, and Khachatur Abovyan, the founder of Armenian literature of Modern times, scholar and poet, who left an indelible mark on the history and national culture of Armenia. The cultural explosion that followed the creation of the Armenian alphabet by Mesrop Mashtots and his associates in 405 remains one of the debated problems in Armenian studies to this day. The missionary, poet and translator Mashtots was canonized for his life's feat.

ЗУЛУМЯН Бурастан Сергеевна – к. филол. н., старший научный сотрудник Отдела литератур народов Российской Федерации и СНГ ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.

E-mail: lalazulum@mail.ru

ZULUMYAN Burastan Sergeevna – Candidate of Philology, Senior Researcher, Section on the Literatures of the Russian Federation and CIS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Educator and teacher Khachatur Abovyan played a special role in the democratization of education and the transition to the new literary language. He is the author of the novel "Wounds of Armenia", the first work of Armenian literature in Ashkharabar, which laid the foundations of a new type of national school. His work gave impetus to the development of a new literature based on European ideas of enlightenment, the revival of the natural man and the creative people.

Keywords: passionaries, missionary activity, Aghvan script, Ararat dialect, Armenian alphabet, Ashkharabar, folk language.

В каждой национальной культуре есть деятели, с именами которых связаны судьбоносные этапы жизни народа, они вносят пассионарный порыв, поднимают на новую ступень национальное самосознание, указывают пути в мир: от «бытия в себе» этнос выходит к «бытию в мире», на столбовые дороги истории. Такую роль, к примеру, в жизни своего народа сыграли создатель армянского алфавита и родоначальник армянской литературы в V в. Месроп Маштоц, а в XIX в. основоположник армянской литературы Нового времени Хачатур Абовян (1809-1848).

Армянский поэт Паруйр Севак говорил: «Великие приходят редко, но всегда вовремя». Сказано как нельзя точно. То ли великие эпохи потрясений вызывают к жизни сильные личности, то ли гении приходят, чтобы открыть новые горизонты. Часто отсутствие таких личностей приводит к необратимым катастрофам в жизни народа или просто к стагнации. В вечном споре о роли личности в истории очевидно, не будь Месропа Маштоца, Григора Нарекаци, Хачатура Абовяна у армян, национальная культура была бы беднее и, что самое важное, качественно другая.

Такую же основополагающую роль в жизни своего народа сыграл зачинатель якутской письменной литературы Алексей Елисеевич Кулаковский (1877-1926).

Жизнь Кулаковского пришлась на эпоху великих потрясений, революций, коренного переустройства общества. Он неустанно осмыслял пути развития для своего народа, искал выходы в сложившейся исторической ситуации: временное правительство, большевики, советская власть, со всеми ее парадоксами – от беспрецедентного культурного развития для народов России до гримас тоталитаризма. При всем этом, каковы бы ни были личные взгляды и предпочтения, творческая энергия Кулаковского была направлена на созидание национального бытия в новых реалиях: организация школ, театра, литературной жизни, издание учебников, книг, художественное творчество и т.п.

Если обратиться к опыту армянской литературы, то таких фигур на протяжении многотысячелетней ее истории несколько. Выделим две.

Время формирования письменной литературы относится к V в., эпохе, когда Византия и Персия вели противоборство за господство над Великой Арменией (официально она была разделена в 387 г.), которая должна была сохранить свою духовную самостоятельность, отстоять христианство, объявленное государственной религией еще в 301 г. царем Трдатом.

Инициатором и автором создания армянского алфавита стал Месроп Маштоц – армянский просветитель, миссионер, поэт, переводчик, причисленный к лику святых. Родился он в 361 (362) г., в селении Хацик, провинции Тарон Западной (византийской) Армении, в семье крестьянина, некоего «благочестивого Вардана», по другим сведениям – небогатого дворянина [4; 5; 7, с. 302-323]. Учился в местной школе, где в то

время преподавание велось на греческом языке. С 385 г. состоял на военной службе у армянского царя Хосрова III в Вагаршапате, затем служил писцом и секретарем в царской канцелярии. Знал сирийский (арамейский), персидский и греческий языки, т.к. без этого он не справлялся бы со своими обязанностями [2, 6, 8]. Еще при дворе увлекся чтением священных книг, в 392–393 гг. обратился в христианство. Вскоре, в 395 г., покинув царский двор, принял монашеский постриг и начал проповедовать христианство.

Еще в годы своей проповеднической деятельности Маштоц столкнулся с трудностями: простой народ не понимал ни греческого, ни сирийского, на которых велась служба. Приходилось разъяснять, параллельно переводить священные тексты. Персия все больше стремилась распространить свое влияние, насильственно насаждала маздеизм. Общая ситуация в стране, понимание конфессиональных нужд, стремление сохранить политическую и культурную самобытность армянского народа побудили Маштоца начать работу по созданию армянского алфавита. Начинание встретило поддержку католикаса Саака Партева (387–439), царя Врамшапуха Аршакуни (400 (или с 389) – 414) и было одобрено решением Вагаршапатского церковного собора.

Сначала Маштоц и Саак Партев попытались возродить и приспособить для современного армянского языка так называемые Данииловы письма – обнаруженный в конце IV в. или в начале V в. сирийским епископом Даниилом древний алфавит (по некоторым данным, алфавит армянского языка более ранней эпохи). Царь Врамшапук, узнав о существовании этого алфавита, снарядил гонца, и к 404 г. письма привезли в Армению. Два года Саак и Маштоц (в 404 был возведен в сан вардапета (архимандрита) в преподавании использовали этот алфавит, однако в конце концов отказались от его применения, так как он не в полной мере отражал фонетику армянского языка V в. Было решено отправить Маштоца вместе с группой учеников в Северную Месопотамию, где им предстояло работать в книгохранилище крупнейшего центра образования и науки Эдессы, изучать алфавиты различных языков и принципы письма.

В 405–406 гг., после долгих изысканий Маштоц создал оригинальный армянский алфавит. «Бог заговорил по-армянски», – писал его ученик и автор «Жития Маштоца» Корюн. Позднее Маштоц отправился в г. Самосата, где при участии греческого писца и каллиграфа Ропаноса (Руфина) придал буквам окончательную графическую форму. Был создан совершенный алфавит из 36 букв, по своему строю и составу максимально соответствующий родному языку, применяется без изменений по сей день, добавилось лишь три буквы.

Маштоцу пришлось решить сложнейшие задачи: из множества диалектов выбрать один – араратский, чья фонетическая система легла в основу алфавита; избрать направление письма слева направо (как в греческом языке), порядок букв и, самое главное, привести в соответствие звуки и буквы, абсолютно точно отражающие фонетический строй армянского языка [8].

Группа Маштоца с триумфом вернулась на родину, где их встречали царь, духовенство. Начался беспрецедентный государственного масштаба процесс перехода образования, делопроизводства, богослужения на армянский язык.

В 406 г. при поддержке Саака Партева Маштоц основал в Вагаршапате семинарию – первую высшую школу христианской Армении, устроенную по образцу греческих школ. Маштоц определил орфографические нормы древнеармянского письменного-литературного языка.

30-летняя подвижническая миссионерская деятельность Маштоца охватила не только Западную и Восточную Армению, но и вышла далеко за ее пределы, в соседние государства. Она сочетала в себе евангельскую проповедь, обучение грамоте и организацию образования на местах.

Саак Партев возглавил обучение царского двора, Маштоц занимался созданием национальных школ во всех областях Древней Армении. Все расходы оплачивала казна.

Был создан духовный институт, который стал основой культуры нации, спасительным оплотом в последующие века потери государственности, постоянной угрозы физического уничтожения. Как говорил Паруйр Севак, народ избрал «вместо крови – чернила, вместо меча – перо».

В 10-е гг. V в. армянский алфавит был распространен уже в большей части Восточной Армении. Маштоц проповедовал христианство и основывал школы также и в сопредельных с Арменией Грузии (409) и Кавказской Албании (с 423/424); по свидетельству тех же армянских источников, Маштоц создал грузинскую (408) и агванскую (422/423) письменности. Предположительно в марте-апреле 420 г. он был принят римским императором Феодосием II и получил от него разрешение на просветительскую деятельность в Западной Армении, поддержанное также архиепископом Константинопольским Атикком (406–425). Первые армянские школы в Западной Армении были созданы в 420–422 гг.

В период 406–435 гг. вместе с учениками и при участии католикоса Саака Партева Маштоц осуществил перевод Библии на армянский язык, используя новый алфавит. Созданная на основе сирийского текста (Пешитта) и впоследствии сверенная с греческим вариантом (Септуагинта), Библия была признана французским востоковедом-арменоведом В. де Ла-Крозом «царицей переводов» и заложила основы армянского литературного языка. Совместно с Сааком Партевом составил первые литургии, служебник и часослов *Армянской апостольской церкви*. В последние годы занимался преимущественно переводами богослужебных текстов, древнегреческих богословов, философов, грамматиков, писал духовную поэзию, богословские трактаты. Признан основоположником армянской литературы и патристики, автор сборника духовных наставлений «Многovesщательные речи» («Ахчапатум»), «Покаянного канона» и церковных песнопений на армянском языке – кцурдов. В поэзии Маштоца представлены первые образцы армянских стихотворных размеров, начатки рифмы.

Маштоц оставил после себя плеяду блистательных учеников, продолживших его дело, среди них крупнейшие богословы и философы, историографы и ученые V в.: Езник Кохбаци, Овсеп Вайоцдзореци, Иоанн Екехецаци, Иоанн Пахнаци, Тирайр Хордзенаци, Мушэ Таронаци, Абраам Зенанкаци и др.

Умер Маштоц 17 февраля 440 г. в Вагаршапате, похоронен в селении Ошакан близ Еревана. Почитается как святой Армянской апостольской церкви.

Культурный взрыв, последовавший вслед за созданием армянского алфавита Месропом Маштоцем и его сподвижниками в 405 г., по сей день остается одной из дискутируемых проблем в арменоведении. Кажется почти неправдоподобным создание такого количества переводной и оригинальной литературы в столь короткий срок – сто лет. Этот феномен по-разному объясняется в научной литературе. За V в. (впоследствии его назвали золотым) была переведена Библия с греческого, написано большое количество сочинений богословами Ефремом Сириным, Василием Кесарийским, Григорием Назианзиным, Иоанном Златоустом и др.; трудов античных философов (Аристотель, Платон, Порфирий и др.) и грамматиков (Дионисий Фракийский, Филон Александрийский и др.). Ряд произведений античности и раннехристианского периода сохранились только благодаря армянским переводам, поэтому эти тексты имеют исключительное значение для мировой науки и литературы. К ним относятся «Определения» Гермеса Трисмегиста, «О природе» Зенона, труды Филона Александрийского, речи и богословские сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, «Апология» Аристида, «Толкование «Категорий» Аристотеля» Ямвлиха и др.

Наряду с большим количеством переводов и формированием переводческой школы создавалась оригинальная литература, разрабатывались различные жанры церковной литературы – каноны, послания, речи, виды песнопений (таги, мегеди, шараканы). Выдающиеся произведения агиографической литературы «Житие св. Григора

«Просветителя», «Мученичество апостола Фаддея и девы Сандухт», «Мученичество Шушаник Вардени» и др. являются первыми образцами ранней художественной прозы.

Историография V в. – труды Агатангехоса (Агафангела), Павстоса Бюзанда, Егише, Казара Парбеци, Мовсеса Хоренци – имеет мировое значение как источник сведений по истории армянского народа, всего Ближнего Востока и как художественная летопись народа.

Создавалась также богословская, житийная, научная литература, таких авторов как Езник Кохбацци (V в.), Давид Анахт (V–VI вв.), Ананий Ширакаци (VII в.). Вершиной национальной литературы стало творчество Григора Нарекаци (X в.), поэта, философа, музыканта, его духовные песнопения, поэма «Книга скорбных песнопений» сегодня входят в сокровищницу мировой литературы.

С X по XIV вв. набирал силу язык, более близкий к разговорному. Это период так называемого среднеармянского языка. Наряду с грабаром – письменным церковным языком – в качестве литературного функционировал разговорный народный.

Литературное развитие средневековой Армении дает выразительную картину секуляризации, ее жанрового и тематического разнообразия. К наиболее ярким именам этого периода относятся Григор Магистрос (990–1059), Аристакес Ластивертци (XI в.), Ованес Имастасер (1045 (1050)–1129), известный так же как Иоанн Саркаваг. Поэт и богослов, ритор, композитор, католикос Киликии Нерсес Шнорали (1101–1173) придал новое поэтическое качество церковным песнопениям, обогатил их новыми образами. Продолжили эти начинания Григор Тга (1133–1198), основное его произведение – поэма «Плач о Иерусалиме» и Нерсес Ламбронаци (1153–1198). Видным баснописцем был родоначальник армянской авторской басни Мхитар Гош (1130–1213), в его творчестве она стала самостоятельным жанром художественной словесности. Другой видный армянский баснописец – Вардан Айгекци, создатель множества басен, вошедшие в сборник «Лисья книга», впоследствии туда были включены многие другие народные и переводные басни, общее количество которых достигает пятисот. Фрик (1230 (1240 г. – начало XIV в.) заложил основы поэзии с выраженными социальными мотивами. Выдающиеся представители армянской поэзии XIV в. Ованес Ерзнкаци и Костандин Ерзнкаци, Мкртич Нагаша (XV в.), Григор Ахтамарци (XVI в.), Нерсес Мокаци наряду с традиционными религиозными темами развивали философско-медитативную лирику, вводили чисто любовные мотивы.

В народных айренах отобразился внутренний мир человека, для которого высшей ценностью является любовь.

С XIV в. Армения, находящаяся под османским и персидским игом, окончательно теряет государственность и какие-либо формы самоуправления. Однако даже иноземное господство не нарушало сцементированную веками модель национальной жизни. Начиная с XVI в., литература большей частью развивается вне пределов исторической Армении. Формируются центры образования и книгопечатания в Венеции, Константинополе, Риме, Амстердаме, Мадрасе, Калькутте и др. местах, где существовали армянские колонии. В XVIII в. огромную роль в деле сохранения и развития армянской культуры, литературы, книгопечатания, образования и науки сыграла Конгрегация святых отцов мхитаристов на острове св. Лазаря в Венеции. Она подарила таких выдающихся поэтов как Мхитар Себастици – основатель Конгрегации (1712), представитель классицистического направления Арсен Багратуни (1790-1866), романтик Гевонд Алишан (1820-1901), впервые написавший цикл стихотворений «Песни Наапета» на новоармянском языке.

Синтезом национального (классического и народного) стиха и восточного стихотворства, вершиной средневековой лирики и переходом к мышлению нового времени явилась поэзия ашуга Саят-Новы (1712-1795). В его творчестве сошлись

традиции армянского стиха и восточной (арабо-персидской) поэзии, он писал также на грузинском и тюркском языках.

Начиная с XVII в. в письменную речь стали активно проникать элементы, на базе которых сформировался светский ашхарабар – будущий нормативный язык восточных армян. На западноармянском языке, несколько отличном от восточного, развивалась западноармянская литература.

К XIX в. грабар уже доживал свой век, оставаясь языком церковнослужения и сугубо научных трудов. Народ с трудом понимал его, поскольку новый, разговорный язык успел упрочиться и даже разветвиться на сильно отличающиеся друг от друга диалекты: тифлиссский, константинопольский, ереванский, нахичеванский, арцахский.

Особую роль в деле демократизации образования и перехода на новый литературный язык сыграл просветитель-демократ Хачатур Абовян – поэт, писатель, педагог [1]. Его роману «Раны Армении» – первому произведению армянской литературы на ашхарабаре – было суждено стать одним из символов армянского духа наряду с «Книгой скорбных песнопений» Григора Нарекаци, «Ануш» Ованеса Туманяна.

Будущий писатель родился в 1805 г. в с. Канакер, ныне находящемся в черте Еревана, в семье Артема Абовяна, происходящего из старинного рода Абовенц. С десяти лет его отдали в школу при Эчмиадзинской патриархии (Католикосат), для того чтобы он получил образование и принял духовный сан. После пяти лет учебы в монастырской школе продолжил образование в армянской гимназии «Нерсисян» – одном из главных очагов просвещения в Закавказье, воспитавшем целую плеяду деятелей науки и культуры. После русско-персидской войны и подписания Туркманчайского договора в 1828 г. Восточная Армения освободилась от многовекового персидского ига и вошла в состав Российской империи – Абовян горячо приветствовал это событие.

Хачатур вернулся в Эчмиадзин и был назначен на должность переводчика и секретаря Католикоса и Синода. В 1829 г., уже после окончания войны, в Эчмиадзин из эстонского города Дерпта (Тарту) приехал ректор местного университета, профессор физики Фридрих Паррот, намеревавшийся подняться на Арарат в поисках Ноева ковчега. Абовян как переводчик присоединился к экспедиции. В полдень 27 сентября путешественники оказались на вершине. В «Путешествии на Арарат» Паррот описывает, как отчаянный Хачатур устанавливал крест с надписью на латыни [9].

Будущий писатель поделился с Парротом сокровенным желанием учиться в Европе. Через полгода тот прислал Хачатуру официальное приглашение на обучение в университете с государственной стипендией. С трудом добившись согласия Синода, Абовян покинул Эчмиадзин. Пять с половиной лет Абовян изучал психологию, логику, экономику, математику, историю, западноевропейскую литературу, языки. Паррот познакомил его с многими представителями интеллигенции Дерпта. Хачатур был вхож в дом Делей, в то время живших в Дерпте [3, с. 331-337]. Иоганн Даль, отец В.И. Даля дружил с армянином Федором Ахвердовым, служившим в том же полку, поэтому семья радушно приняла молодого армянского юношу. Юлия, жена Иоганна, знала языки, любила искусство, умело играть на фортепиано, а ее сыновья хорошо рисовали. Она помогала неординарному юноше в освоении иностранных языков, атмосфера ее дома во многом образовала его, привила вкус. Хачатур овладел латынью, французским, эстонским, совершенствовался в немецком.

В это же время юноша сочинял стихи и прозу, сочетая грабар с народным армянским. К окончанию курса Абовян владел 11 языками. Ему предложили остаться в Дерпте и преподавать восточные языки в университете, но он отказался, в 1836 г. вернулся на родину.

В Армению Абовян вернулся литератором и педагогом европейского уровня. Поступил на службу штатным смотрителем уездного училища и сам же преподавал здесь французский и русский. В своей педагогической деятельности Абовян прежде

всего ставил проблему всеобщей грамотности. По его проекту, обучение необходимо совмещать с трудовой деятельностью, поэтому он предлагал создавать при школах опытные мастерские, чтобы начинающие самостоятельную жизнь выпускники могли получить профессию.

Однако церковным ретроgrадам и российскому чиновничеству были не по вкусу такие новшества, они всячески противостояли его инициативам и, в конце концов, Абовян вынужден был оставить службу и отказаться от церковного сана. В то же время он активно занимался творческой деятельностью: составил учебник современного армянского языка и пособие «Новая русская теоретическая и практическая грамматика для армян», писал стихи, басни, пьесы, поэмы, рассказы, публицистику, занимался этнографическими исследованиями. Его учебные и художественные произведения ходили в списках, широко использовались в учебном процессе: практическое пособие для школ «Предтропье» (1837-1840), «Сборник арифметических задач» (1838), «Новая теоретическая и практическая грамматика русского языка для армян» (1839), «Учебник грамоты для армянской школы» (Ч. 1 – 1862; Ч. 2 – 1950), цикл «Баяти» (1864), сборник басен «Развлечения на досуге» (опубликован 1864). Также перу Абовяна принадлежат переводы на армянский язык Гомера, В. Гете, Ф. Шиллера, Н. Карамзина, И. Крылова и др.

Круг его интересов выходил далеко за пределы педагогики. Ученый открыл при Эриванской гимназии первую в Армении метеостанцию, разрабатывал методику исследования национальной фольклористики и этнографии, изучал способы подъема промышленности и сельского хозяйства.

Однако основным делом его жизни стало написание произведения, который был призван выразить патриотический дух и свободолюбивые устремления народа, – роман «Раны Армении», созданный в 1840-1841 гг. (впервые опубликован в 1858 г.). Обнаруженный в его архиве после смерти писателя в 1844 г., он разошелся в десятках списков и сразу же обрел всенародную любовь и популярность. Роман не только был написан на понятном народу языке – ашхарабаре, но и впервые избирал своим героем простого человека, реальным прототипом которого был народный мститель Агаси, участник русско-персидской войны.

Жанр произведения определить однозначно сложно. Эпическое повествование, романтически приподнятое, с героизацией главного персонажа, сочетается с лирическими отступлениями, где в полную силу звучит голос автора. Это монологи, обращенные к родине. Таким образом, персонажами романа становятся и сам автор, и Родина как постоянно действующее лицо, к которому обращаются, которое незримо присутствует на протяжении всего действия. В произведении много бытовых сцен, описаний обычаев, нравов, придающих реалистический колорит повествованию. Это первое реалистическое произведение армянской прозы Нового времени.

Эстетические представления Абовяна о новой литературе непосредственно связаны с идеей укрепления посредством слова национального самосознания, возрождения страны и нравственного образования народа, пробуждения чувства гражданской ответственности в униженных многовековым иностранным господством массах.

В начале 1848 г. Католикос Нерсес V Аштаракци предложил ему должность ректора гимназии «Нерсисян» в Тифлисе. Но на рассвете 2 апреля 1848 г. Абовян вышел из дома и больше его не видели.

Таинственная смерть великого писателя и патриота в расцвете творческой деятельности по сей день остается одной из загадочных страниц армянской истории. Однако то, что он успел сделать, нельзя переоценить: он заложил основы национальной школы нового типа, его творчество дало импульс к развитию новой литературы, основанной на европейских идеях просветительства, возрождению естественного человека и народа-созидателя, свободного в борьбе за право жить, не унижая своего достоинства.

Обозначив две фигуры – Маштоца и Абовяна – на осевых точках национальной культуры, дающих мощный импульс развития, необходимо акцентировать еще раз внимание на роли личности, аккумулирующей в себе чаяния и нужды людей, обладающей пассионарной энергией и желанием жить и творить во имя собственного народа и потому способной созидать историю, национальное бытие в лучших ее проявлениях.

Л и т е р а т у р а

1. Акопян П. О. Хачатур Абовян. Жизнь. Творчество. Время. – Ереван, 1967.
2. Ачарян Г. Армянские письма. — Ереван, 1968. (На арм. яз.)
3. Владимир Даль в счастливом доме на Пресне: Сб. ст. – М., 2010.
4. Корюн. Жизнь Маштоца / Текст с разночтениями рукописей, пер., предисл. и коммент. М. Абеяна. – Ереван, 1941.
5. Корюн. Житие Маштоца / П. Ш. В. Смбабяна и К. А. Мелик-Оганджяна. — Ереван, 1962.
6. Месроп Маштоц. Сб. ст. – Ереван, 1963. (На арм. яз.)
7. Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм., введ., примеч. Г. Х. Саркисяна. – Ереван: Айастан, 1990.
8. Севак Г. Месроп Маштоц и создание армянских писем и словесности. — Ереван, 1962. (На арм. яз.)
9. Parrot F. Reise zum Ararat. – Berlin, 1834.

R e f e r e n c e s

1. Akopyan P. O. Hachatur Abovyan. Zhizn'. Tvorchestvo. Vremya. – Erevan, 1967.
2. Acharyan G. Armyanskie pis'mena. — Erevan, 1968. (Na arm. yaz.).
3. Vladimir Dal' v schastlivom dome na Presne: Sb. st. – M., 2010.
4. Koryun. Zhizn' Mashtoca / Tekst s raznochteniyami rukopisej, per., predisl. i komment. M. Abegyana. – Erevan, 1941.
5. Koryun. Zhitie Mashtoca / P. Sh. V.Smbatyana i K.A. Melik-Ogandzhanyana. — Erevan, 1962.
6. Mesrop Mashtoc. Sb. st. — Erevan, 1963. (Na arm. yaz.).
7. Movses Horenaci. Istoriya Armenii / Per. s drevnearm., vved., primech. G.H. Sarkisyana. – Erevan: Ajastan, 1990.
8. Sevak G. Mesrop Mashtoc i sozdanie armyanskih pis'men i slovesnosti. — Erevan, 1962. (Na arm. yaz.).
9. Parrot F. Reise zum Ararat. – Berlin, 1834.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 821.512.157.06

*П. В. Сивцева-Максимова***Г. М. Васильев, литературовед и литературный критик**

СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия, Якутск

Аннотация. В статье рассматривается творческое и научное наследие Г. М. Васильева (1908-1981), профессионального переводчика, исследователя истории литературы и фольклора. Определяются направления его деятельности: переводы на русский язык текстов сказителей-современников, публицистики, эпических произведений; переводы с русского на якутский язык художественных, научных текстов. Значительное внимание уделяется литературно-критическим работам Васильева, отражающим идеологическую обстановку середины XX в. В аналитическом плане раскрываются работы ученого, посвященные спорным вопросам в изучении наследия классиков якутской литературы. Раскрывается значение стиховедческих трудов Васильева. С современных позиций освещается литературно-общественная деятельность по сохранению уникальных рукописей художественного и научного характера. Методологической базой исследования выступают теоретические положения о литературном процессе и истории литературы в работах Г. Н. Пospelова, В. В. Кожина, В. Е. Хализева. Основные итоги работы заключаются в подтверждении интереса современных исследователей к основным трудам Васильева как источнику научных знаний и перспективных идей, оставленных незаурядным человеком, испытавшим в своей творческой судьбе многие перипетии сложного периода становления литературоведческой науки в Якутии. Он находил яркое применение своему таланту, эрудиции, пылливому уму через поиски путей научного самовыражения. Статья выполняет функцию вводной части к публикации работы Г. М. Васильева «А. Е. Кулаковский и аллитерационная система в якутской поэзии», опубликованной в 1965 г.

Ключевые слова: художественный перевод, литературная критика, эпический стих, якутское стихосложение, аллитерация и строфика, фольклор и литература, творчество Кулаковского.

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., профессор, главный научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ имени М.К. Аммосова.

E-mail: smpv50@mail.ru

SIVTSEVA Praskovia Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Principal Researcher of the A. E. Kulakovskiy Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

P. V. Sivtseva-Maksimova

G. M. Vasilyev, literary scholar and critic

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia, Yakutsk

Abstract. The article examines the creative and scholarly heritage of G. M. Vasilyev (1908 – 1981), a professional translator, researcher of the history of literature and folklore. The directions of his activity are outlined: translations into Russian of texts of contemporary storytellers, journalism, epic works; translations from Russian into Yakut of fiction and academic texts. Considerable attention is paid to Vasilyev's literary and critical works reflecting the ideological situation of the mid-twentieth century. In analytical terms, the works of the scholar devoted to controversial issues in the study of the heritage of the classics of Yakut literature are revealed. The significance of Vasilyev's poetic works is revealed. From a modern perspective, literary and social activities for the preservation of unique manuscripts of an artistic and scholarly nature are highlighted. The methodological basis of the research is the theoretical provisions on the literary process and the history of literature in the works of G. N. Pospelov, V. V. Kozhinov, V. E. Khalizev. The main results of the work are to confirm the interest of modern researchers in the main works of Vasilyev as a source of scholarly knowledge and promising ideas left by an outstanding man who experienced in his creative destiny many twists and turns of the difficult period of the formation of literary science in Yakutia. He found a vivid use for his talent, erudition, and inquisitive mind through the search for ways of scientific self-expression. The article serves as an introductory part to the publication of Vasilyev's work "A. E. Kulakovsky and the alliteration system in Yakut poetry", published in 1965.

Keywords: literary translation, literary criticism, epic verse, Yakut versification, alliteration and stanzas, folklore and literature, Kulakovsky's creativity.

Введение

История якутской литературной критики берет свое начало с 1920-х гг., и в первой трети XX в. критика становится значимым направлением литературного процесса. В 1940-50-е гг. споры о творчестве писателей дореволюционного периода представляют критику одним из видов социальной публицистики. Начиная с 1960-х гг., наступает «время ... критического обзора и научного исследования с обновленных методологических позиций всего духовно-эстетического опыта якутской литературы» [13, с. 190]. В этом ракурсе филологические труды Георгия Митрофановича Васильева (1908–1981) приравниваются значимым явлениям регионального литературоведения.

На сегодняшний день ценным источником (кроме справочных изданий и материалов конференций), где можно найти сведения о жизни и творчестве ученого, может считаться сборник статей «Очарованный волшебством живого слова» [14], выпущенный под редакцией Н. В. Емельянова, Н. Н. Ефремова, С. Д. Мухоплевой, В. М. Никифорова. Составитель сборника Н. А. Дьяконова отмечает, что «данный коллективный труд – первая попытка изучить научное наследие Г. М. Васильева» [14, с. 8]. В издание включены 24 статьи и 2 приложения, в т.ч.: кроме двух вступительных статей, 8 статей посвящено исследованиям научного наследия Васильева по фольклористике, 6 – различным вопросам литературоведения, терминологии якутского языка и переводческой практике, 8 – воспоминания современников.

В приложении введена ранее не опубликованная статья Г. М. Васильева «К вопросу об издании поэмы А. Е. Кулаковского «Сон шамана» и составленный Н. А. Дьяконовой и В. П. Еремеевым библиографический указатель, включающий 183 названия, где представлены научные труды, статьи, учебные программы, работы по редактированию и переводу художественной и специальной литературы. Раздел библиографии «О Г. М. Васильеве» (26 публикаций) составляют рецензии и 5 статей к юбилейным датам.

О литературном наследии

Свою научную деятельность Г. М. Васильев начал в 1939 г., когда поступил на работу в сектор фольклора и литературы Института языка и культуры СНК ЯАССР. К этому времени он успешно окончил Московский государственный институт истории, философии и литературы. В автобиографии он определяет три направления своей творческой и научной работы: художественный перевод, фольклористика, литературоведение и литературная критика [14, с. 84]. Но в его интеллектуальном наследии следует выделить четыре основных направления: 1. Работа в области художественного и научного перевода, насчитывающая около 80 оригинальных текстов фольклорных и литературных произведений, учебных и научных изданий. 2. Теоретические и методические исследования по фольклористике, около 20 работ. 3. Исследования по проблемам литературоведения и литературной критики, более 60 работ, в том числе монографии, главы в «Очерках истории якутской литературы», статьи и рецензии, предисловия и комментарии в сборниках и в периодической печати по проблемам русской, якутской литератур и литератур народов Севера. 4. Научное и художественное редактирование текстов 20 изданий [14, с. 130-146].

В художественных переводах Г. М. Васильева раскрывается его незаурядный поэтический дар, тонкое образное мышление, безупречное владение якутским и русским языками. Как талантливый переводчик он передает в оригинальных образах авторскую концепцию на основе текста первоисточника, учитывая генетические истоки образов, формы произведений и их индивидуальные модусы эстетической завершенности. Н. В. Покатилова в статье «О филологическом наследии Г. М. Васильева» указывает на следующие профессиональные особенности, отраженные в его переводах: это «последовательно осуществленный научный подход к тексту чужой культуры, что находит выражение в стремлении эквивалентно передать «чужой» текст, при этом зная и владея закономерностями построения «своего» стиха; во-вторых, к принципиальным особенностям его переводов следует отнести умение переводчика сохранять эстетическое целое текста». В качестве примера приводится работа над переводом стихотворения А. С. Пушкина «Памятник», где «воссозданный переводчиком на своем языке текст хранит отсвет как пушкинского оригинала, так и далекого – горациевского» [14, с.11-12].

В переводческой деятельности диапазон его обращения к различным жанрам от сказок или публицистики до трагедий и крупных эпических произведений подтверждает основательность его практической работы в этой области. Напомним такие произведения, переведенные на якутский язык, как «Песня о буревестнике» М. Горького (1928), «Демон» М. Ю. Лермонтова (1938, 1966), «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1950), «Слово о полку Игореве» (1955), «Отелло» У. Шекспира (1956) и др., а также переводы на русский язык фольклорного наследия якутских сказителей; переводы на якутский язык юридической и учебной литературы.

Редакторская и составительская работа Васильева насчитывает, не включая работ по фольклору, 8 литературно-художественных и научных изданий 1930-1950-х гг. В их число входит редактирование «Избранных произведений» произведений А. Е. Кулаковского (1957). Подготовил их к печати и написал вступительную статью и комментарии Н. П. Канаев. В это издание не включены поэма «Сон шамана» и стихотворение «Чабыргах», хронологическая систематизация заменяется тематической.

Изменено и авторское определение сборника произведений «Ырыа-хоһоон» на упрощенное название «Ырыалар, хоһооннор» с переводом на русский язык «Стихи и песни». Авторский вариант формулировки в исследованиях раннелитературной традиции определяется Н. В. Покатиловой показателем «переходной жанровой формы» на уровне «жанровых трансформаций», сигнализирующих «начало формирования стихотворной речи», в равной степени соединяющей в себе живые фольклорные традиции («ырыа») и новые литературные тенденции («стих») [16, с. 72-73].

Однако измененную формулировку названия можем объяснить следующим образом: а) как доказательство несоответствия данного издания по составу и по структуре с авторской концепцией, четко выраженной в двухтомном единственном прижизненном издании произведений А. Е. Кулаковского в 1924-1925 гг.; б) как стремление Н. П. Канаева и Г. М. Васильева «приблизить тексты» классика к своему времени. Исключение двух произведений («Сон шамана» и «Чабыргах»), можно полагать, вызвано у редактора издания не только вопросами идеологического характера, но и пониманием того, что редактирование авторского текста в форме изменения композиции поэмы, как в издании 1946 г., с его точки зрения, не допустимо. Впервые композиционная перестановка в тексте программного произведения основоположника якутской литературы была сделана во втором издании «Избранных произведений» поэта в 1946 г. Впоследствии данная концепция убедительно доказывается Г. М. Васильевым в статье «К вопросу об издании поэмы А. Е. Кулаковского «Сон шамана» [14, с.125-129]. Значительным фактом в издании «Избранных произведений» А. Е. Кулаковского в 1957 г. следует считать включение одного из самых задушевных лирическо-этнографических произведений поэта «Ырыаһыт» («Певец»), обнаруженного в 1946 г. в его архивах. Кроме этого, были включены произведения/этюды для детей, ранее опубликованные в книге «Новый путь» (1925) и в сборнике для младшего школьного возраста «Подснежник» (1944).

Научная деятельность Г. М. Васильева совпадает со сложным периодом в истории советского общества. Идеи «о партийности литературы» и время «вульгарного социологизма» не могли не отразиться в его отдельных концептуальных взглядах, касающихся проблем дореволюционной якутской литературы и литературного процесса 1930-1950-х гг. Но следует оговориться: в этом направлении его исследовательских поисков литературоведение и литературная критика представляют две разные области филологической науки. В 1970-х гг. известный теоретик литературы Г. Н. Пospelов доказывал, что «критика не является частью литературоведения», ибо «у нее есть свои и особые задачи» [17, с. 81]. В этом плане в современной теории литературной критики как одно из главных положений выводится «специфичность мышления критика», выражающаяся «в обобщении индивидуальной реакции человека определенного времени, общественной группы, кружка, партии на явления культуры» [23, с. 10]. Убедительные положения об особенностях литературной критики находим в работах В. В. Кожина. Не отрицая сочетания в ней «элементов научности и художественности», он делает вывод о том, что «вполне правомерно вообще определить критику как вид публицистики» [11, с. 259-260]. Далее в статье «Критика как часть литературы» интересно следующее заключение ученого: «Литературоведы часто выступают в качестве критиков, но для этого они как бы вынуждены выйти за пределы науки и включиться в литературу, в ее современное бытие, что ведет к многообразным последствиям. Критик действительно является критиком лишь тогда, когда он проявляет созидательную волю, утверждает (или отрицает) определенное течение, тенденцию в современном искусстве слова» [11, с. 266]. Данное положение можно подтвердить словами русского поэта и критика XIX в. А. В. Дружинина: «Участь знаменитых журналистов и критиков во многом сходствует с участью гениальных актеров. Истинный критик есть деятель своего поколения. Ему дано великое могущество, но срок этого могущества не долгов. В этом его сила и слабость, в этом все его существо, все его значение. Его поле

деятельности – умы современников, его оружие – идеи и стремления современного ему общества» [23, с. 168].

Таким образом, в критике – в отличие от индивидуальных положений и выводов, характеризующих виды и формы научных исследований – доминирует относительно авторского «я» выражение социальной идентичности. Именно в этом ракурсе особой оценки достойна литературно-общественная деятельность Г. М. Васильева, представляющая его отношения к рукописям художественного и научного характера. Это, во-первых, бережное сохранение и возвращение читателям творчества репрессированного якутского поэта Ивана Арбиты (1914-1941), стоявшего особняком в плеяде современной ему творческой интеллигенции как писатель транскультурной ориентации. Дружба с ним, высокая оценка его лирики, бесспорно, доказывают не только лучшие человеческие качества Г. М. Васильева, но и основательность его теоретических взглядов в анализе художественного слова. В этом плане характерен и период его работы в издании альманаха «Дабаан» в 1938 г., еще до начала его официальной литературоведческой деятельности. Его редакторская работа дала возможность сохранить статью Г. В. Ксенофонтова «Медный всадник революции» и передать ее в архивный фонд ученого в 1963 г. [14]. Также Васильевым была сохранена с 1939 г. и передана Сардане Платоновне Ойунской рукопись П. А. Ойунского – тетрадь в 72 страницах, представляющая автографические подлинники произведений поэта, относящихся к 1918-1922 гг. [4].

Спорным и трудным вопросом в литературной критике Васильева является его отношение к поэтическому миру основоположника якутской литературы, убедительно отраженное в «Очерках якутской советской литературы» [15] и подтвержденное архивными материалами, включенными в монографию Л. Р. Кулаковской [12, сс. 56, 59-65]. В критике политических взглядов А. Е. Кулаковского основным источником в первой и во второй главах «Очерков...» выступает письмо «Якутской интеллигенции». Также Васильев дает идейно-тематический анализ стихотворений «Пароход», «Благопожелание среднего поколения» и «Портреты якутских женщин» как произведений, отражающих идеи этого не опубликованного при жизни поэта обращения [15, с. 37-40]. В этом аспекте критически оценивается и книга «Три якутских реалиста-просветителя», где раскрываются «антимарксистские» взгляды Г. П. Башарина о «прогрессивном», «здоровом» национализме. Г. М. Васильев утверждает: «Якутская советская литература не могла иметь никакой преемственной связи с литературой Кулаковского и других писателей реакционного направления» [15, с. 41-42].

В этой работе «буржуазная ограниченность общественных взглядов А. И. Софронова» доказывается на примере драмы «Бедный Яков», а именно, в представлении автором образа «доброе» «просвещенного» тойона Михаила Яковлевича». Здесь же дополнительно называются четыре произведения Н. Д. Неустроева. В целом в «Очерках...» - в первой главе и в авторских главах – во второй и третьей – дается критическая оценка деятельности «Союза якутов», общества «Саха омук» и произведениям первых крупных якутских писателей [15]. Слабыми в художественном отношении называются отдельные рассказы Г. Бястинова, проза И. Никифорова, поэма Кюннюка Урастырова «Коммунист Семен», повесть Амма Аччыгыя «На отдыхе». Критически оцениваются драматические произведения «Күөх Көппө», «Күкүр Уус», «Айаал» Суоруна Омоллона. Основой таких выводов Васильева выступает не соответствие эстетики произведений Суоруна Омоллона идеологическим параметрам времени, одной из главных особенностей которого, с современной точки зрения, выступает противопоставление эстетизма эстетике.

По поводу этих фактических ошибок, имевших место не только в Якутии, современные исследователи подчеркивают следующее: «Если антиэстетизму XIX века было присуще некоторое жертвенное благородство, то в нашем столетии недоверие к эстетическому, распространившись еще более широко, обрело бездушный, казенный принудительный

характер. Понятие эстетического в атмосфере повседневной идеологизации культуры находилось под полузапретом, оно возродилось в общественном сознании лишь в пору «оттепели» - в середине 1950-х годов» [22, с. 31].

«Казенный принудительный характер» «Очерков якутской советской литературы» 1955 г. четко проступает в цитатах и отсылках авторов. В главах, написанных Г. М. Васильевым, ссылки, кроме работ классиков марксизма-ленинизма, имеются к таким источникам, как Постановление ЦК ВКП(б) «О якутской организации» от 9 августа 1928 г., Постановление бюро Якутского обкома ВКП(б) от 19 февраля 1952 г., статья в газете «Правда» от 28 января 1936 г. по оценке оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», известное выступление в «Правде» от 10 декабря 1951 г., работа А. Жданова «Советская литература – самая идейная, самая передовая литература в мире» (1953), сборник документов «О партийной советской печати» (1954).

Это не может не убедить современного исследователя в том, что содержание «Очерков...» идеологизировано официально, возможно, даже не независимо от личных авторских аргументаций.

В ракурсе положения о том, что «культура находилось под полузапретом» также следует уточнить отдельные концептуальные моменты в выводах Г. М. Васильева. Во-первых, в его оценках произведений обязательно находим противопоставление критике ценностных начал в наследии классиков, четко проходящее через все его авторские главы. Например, в заключении первой главы «Очерков...» (соавтор: Г. У. Эргис) читаем: «Кулаковский, Софронов и Неустроев, ограниченные узкоклассовыми рамками идеологии якутской буржуазии, не создали полноценных в идейно-художественном отношении произведений. Но несмотря на это, некоторые их произведения, изобличающие пережитки патриархальщины, не лишены известного познавательного и художественного значения» [15, с. 41]. Или в письме Г. М. Васильева комиссии правления Союза писателей СССР от 5 декабря 1950 г., представленной в монографии Л. Р. Кулаковской, читаем: «Место Кулаковского, Софронова, Неустроева в литературе, да и в истории развития общественной мысли весьма скромное, несмотря на всю их природную одаренность» [12, с. 62]. Во-вторых, свое несогласие Васильев обязательно подтверждает отсылкой или цитатой из текста авторов. Отдельные замечания из его аргументаций созвучны с идеями наших дней. Например, он пишет: «В стихотворении «Пароход» Кулаковский восторженно воспел технический прогресс как основу для развития торговли и экономики края. В другом стихотворении «Благопожелания среднего поколения» автор вывел свой идеал – образ просвещенного тойона, благодетеля, который должен иметь «несчетное количество скота», вести обширную торговлю и заниматься предпринимательской деятельностью» [15, с. 39]. Все это говорит о том, что как литературный критик, Г. М. Васильев в определенной степени объективен, именно поэтому его положения по отдельным вопросам, в научном ракурсе, правильны, ибо он исходит из того, что художественное наследие А. Е. Кулаковского намного шире по содержанию и идеям регламентированного эстетизма классово-культурной культуры.

Новаторская в 1960-е гг. положительная оценка творчества Кулаковского представлена в монографии Васильева «Якутское стихосложение». В этой работе он доказывает: «Большой своеобразный художник слова А. Е. Кулаковский не пассивно перенял народные традиции. Он упорядочил и развил дальше систему аллитерационного стиха, раскрыв его внутренние возможности, разработав основные правила и законы. Тем самым он довел технику аллитерационного стиха до уровня профессионального мастерства. ... Народный стих, систему которого впервые разработал и применил в литературе А. Е. Кулаковский, получил широкое признание и прочно вошел в творческую практику поэтов, соревнуясь с современными поэтическими формами» [3, с. 70-72].

Таким образом, названные виды и формы работы ученого: переводы, составительская и редакторская практика, литературная критика – выступают началом его главной

деятельности: а именно, литературоведческого наследия, которая ценна и значительна в нескольких аспектах.

Новаторским в свое время является его особое внимание к текстам. Именно на основе этой исходной точки он ставит современную методологическую проблему текстологии как направления научного характера почти в одно время с работами Тартуской школы Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц. В статье «К вопросу об издании поэмы А. Кулаковского «Сон шамана» [14, 125-129] Г. М. Васильев, исходя из положения о том, что «основной текст поэмы представляет собой ничем не заменимый, уникальный авторский подлинник произведения, достоверность которого не подлежит никаким сомнениям», каноническим текстом считает текст поэмы 1925 г. издания. Он однозначно утверждает, что канонический текст «должен быть освобожден от искажений», и «это большое сложное художественное произведение должно найти свое особое место и значение в истории якутской литературы» [14, с. 129].

В статье «Об одной тетради П. А. Ойунского» [4], написанной в начале 1970-х гг., он подчеркивает значимость автографа поэта как «первоисточника для разнообразной текстологической работы над произведениями писателя и представляет на практике главные направления такой работы. В этом плане, анализируя Тетрадь, уточняет даты создания переводов П. А. Ойунского басни И. А. Крылова «Кот и повар», стихотворения А. С. Пушкина «Тучи», дату написания стихотворения «К подруге Феклуше», периоды работы над «Красным шаманом», представленном в автографе в «Сергеляхской редакции». В анализе центрального произведения П. А. Ойунского он делает ряд новых заключений: а) о переключке «Красного шамана» с мотивами мировой демонической литературы; б) о необходимости «отличить истинную сущность художественного образа от внешней обманчивой видимости» и понять на этой основе «реальное художественное содержание образа», что состоит «в его социально-философских идеях, в его искании смысла жизни»; в) о условной романтической форме произведения, которая «не позволяет трактовать» идейные мотивы поэмы «применительно к истории какой-либо страны или какого-либо периода»; г) о значимости авторских ремарок в этом произведении [4, с. 171-172]. Все эти выводы не могут не удивить современных исследователей. Ибо выдвинутые им проблемы актуальны в наши дни.

Вопросы стиховедения

К наиболее значимым в плане исследовательской стратегии относятся стиховедческие работы Г. М. Васильева: «Якутское стихосложение» [3], «Стих А. Е. Кулаковского» [2], «Программа изучения якутского фольклорного стиха» [5], «Стих олонхо» [7] и др., явившиеся этапными исследованиями в области поэтики и убедительно проявляющие многогранную проблему «фольклор и художественная литература». В совокупности они не только внесли серьезный вклад в развитие науки о национальном стихе, но в целом ввели якутское стихосложение в круг фундаментальных исследований общероссийского литературоведения. По мнению В. М. Жирмунского, монография «Якутское стихосложение» достойно представила якутскую науку в области российской филологии в середине 1960-х гг. [9]. Основные выводы, доказывающие значимость трудов Васильева в области теоретической поэтики на материалах исследования якутского аллитерационного стиха, следующие: а) он является носителем и глубокоим исследователем якутского фольклора как создатель / соавтор песен-тойуков совместно с талантливыми якутскими певцами первой половины XX в.; б) является современником российских филологов, авторов научных открытий по поэтике как части теории литературы; в) фундаментальное изучение Васильевым особенностей национального стихосложения опирается на универсальные знания особенностей якутской словесности в устном бытовании и почитании уникального таланта поэта-мыслителя А. Е. Кулаковского.

О значимости стиховедческих работ Г. М. Васильева писала известный якутский литературовед М. Н. Дьячкова. Во-первых, она высоко оценила его исследования

по проблемам изучения фольклорного стиха, в первую очередь, стиха олонхо: «Если в 1960-1970-е гг. это вызывало отдельные нарекания, что им обойдены вниманием или недостаточно охарактеризованы особенности современного стихосложения, то сегодня необходимо сделать переакцентировку в этом вопросе. Так, в работах Н. Н. Тобурокова и его учеников достаточно полно разработаны концептуально значимые новаторские выводы о ходе исторического развития стиха литературной традиции и его современного состояния, но изучение фольклорного стиха по существу остается на том же уровне. Это лишает возможности точной классификации существующих версификаций в их ретроспективной динамике и выявления внутренней логики их эволюции в контексте развития национального поэтического искусства» [18, с. 96]. Во-вторых, выделила в работах Васильева изучение ритмической природы якутского эпического стиха, подтверждающее выводы В. М. Жирмунского о роли ритмико-синтаксического параллелизма и тирадных строк в стихах тюркоязычных эпосов. «Практические положения Васильева о двух основных тенденциях народного стиха: уравнивание количества слов и уравнивание количества слогов, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены, подтверждают взгляды ученого о тесной связи двух стилей пения с двумя видами стиха: «дыэрэтии» с его ладовым своеобразием и многообразием мелодий и «дэгэрэн» с более четкой ритмической организацией и силлабическим стихосложением. Они вполне соответствуют классическому положению Ю. Н. Тынянова о «динамическом принципе метра», постепенно вызревающего в историческом стиховом развитии и оказывающегося внутренне связанным с национальной языковой стихией [21, с. 31-71]. В этом аспекте монография и ряд значимых статей Г. М. Васильева [2, 3, 5, 7] являются единственным научным исследованием фольклорного стиха, не только не потерявшего своего теоретико-методологического значения, но и ставшего актуальным в настоящее время в связи с возрождением духовной культуры народа» [18, с. 97].

Основные положения первой части работы «Якутское стихосложение» цитируются в фундаментальном исследовании В. М. Жирмунского как убедительные выводы, определяющие типологические особенности стиха олонхо и его архаичной формы [10, сс. 646-681]. И якутские ученые [20, 19, 8, 16, 1] неоднократно подчеркивали перспективность идей Г. М. Васильева о многообразии форм народного стиха, художественной структуре малых жанров фольклора и значимости их стиха как клеточного строения устной поэтической речи; поддерживали его идею о возможности создания словаря олонхо на основе изучения языка фольклора, стиховых элементов в национальных прозаических жанрах; исследования процессов прозаизации стиха и ритмизации прозы, выводящие к фундаментальным проблемам изучения литературного текста как составной части определенной системы дискурсов, что представляет одно из ведущих направлений в современном стиховедении и прозоведении.

В изучении поэзии А. Е. Кулаковского и П. А. Ойунского достаточно глубоко и полно охарактеризована Г. М. Васильевым звуковая организация фольклорного стихосложения, где аллитерация рассмотрена как основной принцип стихосложения, наиболее отвечающий фонетическим требованиям и особенностям языка. Г. М. Васильевым впервые определены особенности стиха классиков с использованием статистического метода, раскрыта их роль в развитии якутского литературного стиха. Не менее показательны в этом отношении взгляды ученого о возможностях и перспективах дальнейшего усовершенствования народного стиха. Так в современной поэзии состоялось в целом возвращение к некоторым принципам национального стиха, где развитие идет в сторону освобожденных форм и большего сближения с разговорным языком.

Новаторским в свое время направлением в литературоведческом наследии Г. М. Васильева, не утратившим актуальности и в наше время, является его особое внимание к теоретическим вопросам литературы и обоснование их значимости в

систематизации поэтической терминологии на якутском языке. Мы говорим о «Русско-якутском поэтическом словаре» Г. М. Васильева [6], названном П. А. Слепцовым «лучшим из всех известных у нас работ подобного рода». По итогам анализа состава словаря, переводов и толкований терминов он делает вывод: «Современным терминологам есть чему поучиться, что брать на вооружение из этого примечательного явления якутской лексикографии и терминологии» [14, с. 51].

Заключение

Таким образом, обширное литературно-художественное и теоретическое наследие Г. М. Васильева не потеряло своей актуальности и в настоящее время. Его значение подтверждается живым интересом современных исследователей к его трудам как источнику научных знаний и перспективных идей, оставленных незаурядным человеком, испытавшим в своей творческой судьбе многие перипетии сложного периода становления литературоведческой науки в Якутии, но находившим яркое применение своему таланту, эрудиции, пылливому уму через поиски путей научного самовыражения. Но его работы в наше время становятся библиографической редкостью.

Редакционная коллегия нового журнала Северо-Восточного федерального университета решила представить одну главу монографии Г. М. Васильева, посвященную анализу поэзии А. Е. Кулаковского. Работа печатается адекватно опубликованной в 1965 г. монографии «Якутское стихосложение». Оригинальность ее, с современной точки зрения, заключается в отсутствии Списка литературы. Ссылки автора относятся только источникам: Кулаковской А. Е. Ырыалар, хоһооннор. (Стихи и песни). Якуткнигоиздат, Якутск, 1957. Софронов А. И. Талыллыбыт айымньылар. (Избранные произведения). Якутгосиздат, 1959. Госархив ЯАССР. Всего ссылок 18, из них по одной ссылке на Избранные А. И. Софронова и на Фонд Государственного архива. Остальные ссылки – на издание А. Е. Кулаковского, подготовленного Н. П. Канаевым и Г. М. Васильевым.

В ходе работы цитируются фрагменты работы А. Е. Кулаковского «Правила якутского стихосложения» и высказывание П. А. Ойунского без указания ссылок.

Статья «Правила якутского стихосложения» (1924) – первое научное обоснование вопросов теории якутской поэзии, а именно доказательство своеобразия аллитерационного стиха как самостоятельного вида стихосложения. При этом Кулаковский убедительно доказывает историческое присутствие аллитерации в поэтике в целом и ее естественную характерность для якутского языка. В систематизации правил якутского стихосложения Кулаковским подчеркиваются начальное созвучие как основа строфики; особенности аллитерации внутри строки, состоящей из двух или трех ритмических единиц (слов); функции повторов и вставных ритмических единиц. Особо выделяются два вида стиха как ритмической единицы: «длинный стих» – это собственно аллитерационный стих на основе вертикальных созвучий и «короткий стих», где ритмическая гармония основывается на горизонтальном созвучии преимущественно парных строк. Этим Кулаковский фактически доказывает наличие в якутской поэзии двух архитектурных форм на факультативных признаках строфы как макроединицы поэтической речи.

Молодые оппоненты не критиковали Кулаковского, но каждый автор доказывал превосходство метрической системы перед «народной формой» стихосложения, называя ее («народную форму») видом свободного или вольного стиха. Их работы были опубликованы после статьи «Правила якутского стихосложения»: Кюндэ. «Об якутском стихосложении» (Якутские зарницы. 1927. № 3. С. 48-54); Эллай. «Звукопись якутской поэзии» (Якутские зарницы. № 5. С. 40-48; Ойунский П. «О теории якутского стихосложения» (Бюллетень Наркомпросздрава ЯАССР. 1928. № 6-8. С. 42-45).

В конце главы о поэзии Кулаковского приводится со ссылкой на Фонд Государственного архива цитата из письма поэта, написанного им 21 марта 1915 г.

Н. Н. Грибановскому, секретарю Якутского филиала Русского географического общества. Это был ответ Кулаковского на письмо с предложением ему стать корреспондентом Общества и опубликовать работы по этнографии и фольклору. Кулаковский пишет, что «состоять корреспондентом» он не может, указывает о трудности переводов, собранных им материалов, на русский язык и далее сообщает: «Помимо этого считаю долгом чести, уведомить, что большинство моих материалов напечатал на русском языке, в виде отдельной брошюры, бывший мой коллега, некий Толоконский, в Иркутске...» [12, с. 186].

В работе Г. М. Васильева в качестве подтверждений аллитерационного стиха Кулаковского цитируются фрагменты из его стихотворений и поэм «Оттоку олул алгыһа» («Благословение среднего поколения»), «Сайын кэлиитэ» («Наступление лета»), «Өй, сүрэх икки мөккүөрэ» («Спор между умом и сердцем»), «Борокуот аал» («Пароход»), «Арыгы» («Оборотень»), «Саха дьахталларың мэтириэттэрэ» («Портреты якутских женщин»), «Кэччэгэй баай» («Скупой богач»), «Өрүс бэлэхтэрэ» («Дары реки»), «Абааһы андаҕара» («Клятва демона»). Названия произведений в работе не указываются.

Л и т е р а т у р а

1. Архипова Е. А. Хоһоонунан айымны тутулун ырытыы. – Якутск, 2006. – 42 с.
2. Васильев Г. М. Стих Кулаковского // Кулаковский: Сб. докл. к 85-летию со дня рождения А. Е. Кулаковского. – Якутск, 1964. – С. 58-67.
3. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск, 1965. – 126 с.
4. Васильев Г. М. Об одной тетради П. А. Ойунского // Основоположник якутской советской литературы. Сборник статей. – Якутск, 1974. – С. 168-173.
5. Васильев Г. М. Программа изучения якутского фольклорного стиха. 1976. (Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 18. Ед. хр. 69.)
6. Васильев Г. М. Нууччалыы-сахалыы поэтической тылдьыт. – Якутск, 1976. – 208 с.
7. Васильев Г. М. Стих олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: Материалы Всесоюзной конференции фольклористов. – Якутск, 1978. – С. 100-104.
8. Дьячковская М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации. – Новосибирск, 1998. – 152 с.
9. Жирмунский В. М. Рецензия // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. Т. XXVII. Вып. 4. – М., 1968. – С.354-355.
10. Жирмунский В. М. О тюркском народном стихе // Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – С. 728.
11. Кожин В. В. Размышления о русской литературе. – М., 1991. – 526 с.
12. Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского. Личность поэта и его время. – Новосибирск, 2008. – 296 с.
13. Литература Якутии XX века. Историко-литературные очерки. Под ред. В. Н. Иванова, П. В. Максимовой, М. Н. Дьячковой, Л. Н. Романовой. – Якутск, 2005. – С.190-235.
14. Очарованный волшебством живого слова. Сборник статей. Под ред. В. Н. Емельянова и др. – Якутск, 2008. – 156 с.
15. Очерки истории якутской советской литературы. Под ред. З. В. Гоголева, В. П. Дадыкина и др. – М., 1955. – 196 с.
16. Показилова Н. В. Якутская аллитерационная поэзия. Генезис литературного текста. – М., 1999. – 163 с.
17. Поспелов Г. Н. Литературоведение и литературная критика // Проблемы литературной критики. – М., 1980. – С. 70-91.
18. Сивцева-Максимова П. В., Дьячковская М. Н. Научное наследие Г. М. Васильева в аспектах проблем литературной критики и литературоведения 1950-1970-х годов // Вестник Якутского государственного университета. 2009, Т.6. № 2. С. 92-98.
19. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск, 1986. – 262 с.

20. Тобуроков Н. Н. Якутский стих. – Якутск, 1985. – 160 с.
21. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Литературная эволюция. Избранные труды. – М., 2002. – 496 с.
22. Хализев В. Е. Теория литературы. – М., 1999. – 398 с.
23. Штейнгольд А. М. Анатомия литературной критики. – СПб. 2003. – 202 с.

References

1. Arhipova E. A. Hohoonunan ajymn'y tutulun urytyu. – Yakutsk, 2006. – 42 s.
2. Vasil'ev G. M. Stih Kulakovskogo // Kulakovskij: Sb. dokl. k 85-letiyu so dnya rozhdeniya A. E. Kulakovskogo. – Yakutsk, 1964. – S. 58-67.
3. Vasil'ev G. M. Yakutskoe stihoslozhenie. – Yakutsk, 1965. – 126 s.
4. Vasil'ev G. M. Ob odnoj tetradi P. A. Ojunsckogo // Osnovopolozhnik yakutskoj sovetskoj literatury. Sbornik statej. – Yakutsk, 1974. – S. 168-173.
5. Vasil'ev G. M. Programma izucheniya yakutskogo fol'klornogo stiha. 1976. (Arhiv YANC SO RAN. F. 5. Op. 18. Ed. hr. 69.)
6. Vasil'ev G. M. Nuuchchalyy-sahalyy poeticheskaj tyld'yt. – Yakutsk, 1976. – 208 s.
7. Vasil'ev G. M. Stih olonho // Epicheskoe tvorcestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: Materialy Vsesoyuznoj konferencii fol'kloristov. – Yakutsk, 1978. – S. 100-104.
8. D'yachkovskaya M. N. Alliteraciya i rifma v yakutskoj poezii. Problemy evolyucii i klassifikacii. – Novosibirsk, 1998. – 152 s.
9. Zhirmunskij V. M. Recenziya // Izvestiya AN SSSR: Seriya literatury iazyka. T. XXVII. Vyp. 4. – M., 1968. – S.354-355.
10. Zhirmunskij V. M. O tyurkskom narodnom stihe // Tyurkskij geroicheskij epos. – L., 1974. – S. 728.
11. Kozhinov V. V. Razmyshleniya o russkoj literature. – M., 1991. – 526 s.
12. Kulakovskaya L. R. Nauchnaya biografiya A. E. Kulakovskogo. Lichnost' poeta i ego vremya. – Novosibirsk, 2008. – 296 s.
13. Literatura Yakutii HKH veka. Istoriko-literaturnye ocherki. Pod red. V. N. Ivanova, P. V. Maksimovoj, M. N. D'yachkovskoj, L. N. Romanovoj. – Yakutsk, 2005. – S.190-235.
14. Ocharovannyj volshebstvom zhivogo slova. Sbornik statej. Pod red. V. N. Emel'yanova i dr. – Yakutsk, 2008. – 156 s.
15. Ocherki istorii yakutskoj sovetskoj literatury. Pod red. Z. V. Gogoleva, V. P. Dadykina i dr. – M., 1955. – 196 s.
16. Pokatilova N. V. Yakutskaya alliteracionnaya poeziya. Genesis literaturnogo teksta. – M., 1999. – 163 s.
17. Pospelov G. N. Literaturovedenie i literaturnaya kritika // Problemy literaturnoj kritiki. – M., 1980. – S. 70-91.
18. Sivceva-Maksimova P. V., D'yachkovskaya M. N. Nauchnoe nasledie G. M. Vasil'eva v aspektah problem literaturnoj kritiki i literaturovedeniya 1950-1970-h godov // Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, T.6. № 2. S. 92-98.
19. Slepcev P. A. Yakutskij literaturnyj yazyk. Istoki. Stanovlenie norm. – Novosibirsk, 1986. – 262 s.
20. Toburokov N. N. Yakutskij stih. – Yakutsk, 1985. – 160 s.
21. Tyntyanov Yu. N. Problema stihotvornogo yazyka // Literaturnaya evolyuciya. Izbrannye trudy. – M., 2002. – 496 s.
22. Halizev V. E. Teoriya literatury. – M., 1999. – 398 s.
23. Shtejngol'd A. M. Anatomiya literaturnoj kritiki. – SPb. 2003. – 202 s.

УДК 821.512.157-1.09

Г. М. Васильев

А. Е. Кулаковский и аллитерационная система в якутской поэзии

(Из книги Васильев Г. М. Якутское стихосложение. Часть вторая. Развитие якутского стихосложения. Глава первая. – Якутск, 1965. – С. 57-73)

Аннотация. В работе раскрываются особенности поэтического стиля А. Е. Кулаковского. Доказывается, что он явился убежденным преемником фольклорной поэтики, в частности фольклорного стихосложения. Автор подчеркивает, что основные закономерности народного аллитерационного стиха Кулаковский развил и возвел в степень писанных правил. Обоснованием выступает его работа «Правила якутского стихосложения», которая приравнивается первому теоретическому исследованию. Анализируются виды и формы аллитерации на примерах произведений классика. В итоге подтверждается особая строгая организация аллитерационной системы Кулаковского и приводится статистическая таблица, представляющая картину функциональной и смысловой интеграции звуковых и строфических частей / составов стиха Кулаковского.

Ключевые слова: аллитерационный стих, строфа, строфема, группа строфической аллитерации, длинный стих, короткий стих, анафора, рифма, таблица аллитерационной системы А. Кулаковского.

G. M. Vasilyev

A. E. Kulakovsky and the alliteration system in Yakut poetry

(From the book Vasilyev G. M. Yakut versification. Part Two. The development of Yakut versification. Chapter one. – Yakutsk, 1965. – pp. 57-73)

Abstract. The work reveals the features of Alexei Kulakovsky's poetic style. It is proved that he was a convinced successor of folklore poetics, in particular folklore versification. The author emphasizes that Kulakovsky developed the basic laws of the folk alliterative verse and raised it to the degree of written rules. The justification is his work "The Rules of Yakut versification", which is equated with the first theoretical study. The types and forms of alliteration are analyzed using examples of classical works. As a result, the special strict organization of Kulakovsky's alliteration system is confirmed and a statistical table is given that presents a picture of the functional and semantic integration of the sound and strophic parts/compositions of Kulakovsky's verse.

Keywords: alliterative verse, stroph, stropheme, group of strophic alliteration, long verse, short verse, anaphora, rhyme, table of Kulakovsky's alliterative system.

Фольклор – самобытная национальная основа развития письменной литературы каждого народа. Многообразна связь литературы с устным народным творчеством.

Во всей истории своего развития, особенно на ее первых этапах, якутская литература была неразрывно связана с фольклорной поэтикой, с ее эстетическими традициями, системой художественных средств и стилистических приемов. Это особенно сильно сказалось в период зарождения литературы, когда она только что отпочковалась от устного творчества народа.

Первый якутский поэт, зачинатель национальной письменной литературы А. Е. Кулаковский в своем творчестве исходил из произведений родного фольклора. Многие его произведения имели характер обработки народных песен, фольклорных сюжетов и мотивов. Все его литературное творчество несет на себе глубокий отпечаток коренных свойств якутской народной поэзии.

А. Е. Кулаковский явился убежденным преемником фольклорной поэтики, в частности фольклорного стихосложения. Основные закономерности народного аллитерационного стиха поэт развил и возвел в степень писанных правил. Это он теоретически обосновал в известной статье «Правила якутского стихосложения».

А. Е. Кулаковский и в мысли не допускал возможность каких-либо систем и других путей развития якутского стиха, кроме народной аллитерационной системы, характерные черты которой нашли яркое и законченное выражение в его поэтической практике.

Согласно установленному Кулаковским правилу, якутский стих строился на основе закона гармонии гласных и аллитерации. Нередко он строил стихи при помощи одной гармонии гласных в параллельных строках.

Бэрт мэйиилээхтэри кытта	С умнейшими людьми
Тэҥнэһэн сэргэстэс...	Будь как равный друг...
Албастаах санаалаах	Хитрейшие люди
Алыс хаайбатын ¹	Пусть не перехитрят тебя.

Кулаковский применял разнообразные виды аллитерационного стиха. Чаще всего он пользовался сплошной, строфической аллитерацией, которая иногда простиралась на десятки стихотворных строк:

Күөкэллибит моонньоох,	С длинной красивой шеей,
Күөх баттахтаах,	С головкой фиолетово-синей,
Күндү үтүө түүлээх	С роскошными перьями,
Көбөнүктүүр куһум	Утка-крякушка,
Күндүл маҕан халлааны	Махая серебряными крыльями,
Күлэр таллан өрөһөтүнэн	По высокому сводами
Көмүс уйгуур табыталыгар	Сияющего неба прилетела,
Көтөхтөрөн кэлэн,	Спустилась и села
Көлүйэ күөлгэ	На зеркальной воде
Күөкэс гына түһэн,	Светлого озерочка
Көнүлүнэн көччүйэн эрэрин	И стала прихорашиваться –
Көрөөхтөөн бараммын,	Как увидел это,
Күтүр күбэ дьылбыт	Ободрился,
Күрэммит эбит диэн,	Я сразу понял,
Күл-көмөр буолбут санаам	Что страшная зима
Күүһүрэн тийиэн кэллэ.	Давно уже прошла.
Кытай сириҥ диэкилтэн	Прилетевшая по поднебесию
Кыырай манан халлааны	Со стороны далекой –
Кырынан айаннаан	

1 А.Кулаковской. Ырыалар, хоһооннор. (Стихи и песни). – Якуткнигоиздат, Якутск, 1957, стр. 91.

Кылбаарыйан кэлбит,	Земли китайской
Кырыылаах тумустаах,	Красавица пернатых,
Кылдыылаах харахтаах,	С граненым клювом,
Кынкынас ырыалаах,	С обрамленными глазами,
Кынтаҕар быһыылаах,	С звонкой песней,
Кылбаҕар дьүһүннээх,	С осанкой величавой,
Кынаттаах кыылым	Снежно-белая
Кырасыабай бэрдэ	Стерх-птица
Кыталыктыыра барахсан	Начала парить
Кытыл сирбин	Над берегом реки
Кырыя көтөн иһэн,	И спустилась, села
Кыырпаҕа суох кындалбар	На лучшей поляне
Кынтас гына түһэн,	Да запела звонко,
Кырымпалы кынкынаабытын	Словно скрипка,
Кыбычылаан истэн баран,	Как услышал это,
Кыдык хаан аргыстаах,	У меня то сразу
Кыһалҕа кыттыгастаах,	Улетела печаль,
Кыыдааннаах кыһын баҕады	Ведь я понял,
Кырыата, кыдыга	Что суровой зимы
Кыларыйбыт эбит диэн,	С ее морозом и нуждой,
Кыһарыллыбыт санаам	С ее болезнями и бедой
Кый-бырах кыйданна ²	Уже не стало.

Все строки приведенного большого отрывка связаны между собою сплошным единоначатием, т.е. строфической аллитерацией, если иметь в виду начинающий каждую строку согласный звук «К». Однако два законченных по смыслу периода в отрывке выделены в две своего рода самостоятельные «строфы», которые отличаются друг от друга также и в звуковом отношении, а именно в первой из них согласный звук «К» сочетается с гласными переднего ряда «ү» и «ө», образуя полную слоговую аллитерацию «кү» и «кө», а во второй – с гласным заднего ряда – «ы», образуя полную аллитерацию «кы». Такая тенденция расчленять стихотворный текст на смысловые группы – на строфемы, с однотипной для каждой группы строфической аллитерацией, очень характерна для Кулаковского. Например, в литературной обработке народной песни о наступлении лета, мы читаем:

Ким кимнээхтэн
 Кэскил эрэйдэ диэтэргит:
 Үс халлаан үрдүгэр олохтоох,
 Үрүн хара сурахтаах
 Үрүн Элкэнэй тойонно үнтэ:
 Хараҕын анныгар
 Хаппар саҕа
 Хара мэннээх
 Хара Дьаҕыл Тойонтон
 Хариһык тардыста;
 Уолугун төрдүгэр
 Улар саҕа урдаах,
 Уолуктуйан уһуктар
 Улуутуйар Улуу тойонно умсугуйда.³

2 А.Кулаковской. Ырыалар, хоһооннор., 1957, стр. 215, 216.

3 Там же, стр. 243.

Если спросите,
 От кого просил счастья:
 Взмолился он Тойону Белому Элкэнэй,
 Живущему на третьем небе,
 Имеющему грозную славу;
 Просил он защиту
 От Тойона Хара Джагыл,
 У которого под глазом
 Огромное чернеет
 Родимое пятно;
 Заклинал он
 Грозного Улуу Тойона,
 У которого под самым кадыком
 Зоб величиною с глухаря.

В этом примере все строфические группы не равны между собой по числу. Но Кулаковский обычно стремился выделять строфемы с одинаковым количеством строк. Чаще всего встречаются у него двестиштные, тристишные и четверостишные строфемы, а соответственно с этим двестиштные (парные), тристишные и четверостишные строфические аллитерации.

Пример первый (двестишная форма):

Бэрди кытта мэккиһиннэрэн
 Бэрт эрэйгэ тэбэҕин,
 Күүстээҕи кытта күрэтэһиннэрэн
 Көтүүн өлүүгэ түһэрэҕин⁴,

Заставляя спорить с тем, кого не перспоришь,
 Причиняешь большие неприятности.
 Заставляя состязаться с сильными,
 Втягиваешь в большую беду.

Пример второй (тристишная форма):

Бар дьоннор	Обществу своему
Баттанар күнүгэр	В дни притиснения
Баараҕай баҕана буол;	Будь надежной защитой;
Суон норуоккар	Родному народу
Солбонуйар күнүгэр	В дни тяжелых испытаний
Суон дурда буол ⁵ .	Будь прочной опорой.

Пример третий (четверостишная форма):

Оргулун иһинээҕи
 Олус модун олуурдарынан
 Омуннаах ууну охсуолаан,
 Олгуй курдук оргутта,
 Күүстээх күөнүнэн
 Күтүр сүүрүгү
 Көнгүтэ үтүрүйэн
 Күөстүү үлүһнэрдэ⁶,

4 А. Кулаковской. Ырыалар, хоһооннор, 1957, стр. 85

5 Там же, стр. 93

6 А. Кулаковской. Ырыалар, хоһооннор, 1957, стр. 81

Колесом громадным,
Находящимся над котлом,
Как начал вертеть,
Будто закипела вода речная
Могучей грудью -
Мощные волны
Как стал он резать,
Вода в реке вспенилась, словно в котле.

Все остальные формы эмбрионального образования строфики у Кулаковского можно рассматривать как разнообразные сочетания этих основных форм. Как видно из приведенных форм, строфическая или анафорическая аллитерация в стихах Кулаковского не только является ритмообразующим средством, указывающим на начало ритмического словоряда, но вместе с тем она цементирует стихи в строфы, т. е. выполняет организующую функцию в строфической композиции. В основе такого строфического членения стихотворного текста лежит смысловый принцип. В каждой строфической группе выделяется целая законченная фраза или период, заключающий в себе одну законченную поэтическую мысль, один сложный образ, одну целостную картину. Очень часто такая поэтическая фраза повторяется дважды или даже несколько раз, обычно, в однородной, почти тождественной в синтаксическом отношении форме. Подобные повторения или параллелизмы всегда представляют собою различные аллитерационные – сингармонические вариации одной и той же повторяющейся поэтической фразы. Так, аллитерации помогают держаться вместе одной мысли, одному развернутому периоду. Это можно видеть из следующего примера:

Дьоруо ат	Коню-иноходцу
Тобугунан охсуллар	Колено обивая
Нуолур күөх от	Бархатистая трава
Торолуйа үүннэ.	Цветет, растилается.
Хаамыылаах ат,	Коню-рысаку
Харытыгар хатыллар	Ноги обивая
Хампа ньяасын от	Шелковистая трава
Хамныы таҕыста,	Шелестит, зеленеется.
Сүүрүк ат	Коню-скакуну,
Сүһүөбэр сөрүөстэр	Суставы обивая,
Сүмэлээх күөх от	Сочная трава.
Сүүнэтиэй үүннэ ⁷ .	Шумит, колыхается

Подобные повторы, параллелизмы Кулаковский рассматривает не только как свойство, но и как эстетическое достоинство народной поэзии. В своих «Правилах якутского стихосложения», он писал, что стих красив «если грамматические обороты слов одного куплета будут совпадать с таковыми же второго и третьего куплета, и если однородные слова в куплетах будут поставлены в одинаковой последовательности и будут отвечать на одни и те же вопросы».

А. Кулаковский в своем поэтическом творчестве широко применял, кроме строфической, еще горизонтальную, т. е. внутрислоговую или междусловную аллитерацию. Когда аллитерация не связывает начала стихов анафорическим созвучием, то наличие ее внутри стиха, между словами в горизонтальном направлении становится обязательным правилом, например:

Бэрт да мэйиилээҕи бэтиннэрэр,
Үтүө да өйдөөбү үлтүрүтэр,

7 А. Кулаковский. Ырыалар, хоһооннор, 1957, стр. 226.

Сайаҕас да санаалааҕы сарбыйар⁸.

Умнейших уничтожает,
Разумнейших разоряет,
Самых смысленых сбивает с пути.

Внутристриховая аллитерация имеет различное сочетание в стихе, Если в стихе не все слова связаны гармонией звуков или аллитерациями, то хотя бы некоторая часть из них должна быть пронизана гармонией гласных или аллитерацией. Например, если в стихе стоят три слова, то могут быть аллитерированы первое слово со вторым или с третьим, или же второе – с третьим. Во всяком случае Кулаковский считал обязательным аллитерировать первое слово с последним. А если, говорил он, аллитерируются все три слова, то стих не оставляет желать ничего лучшего. Из этого он вывел правило: «стихи считаются красивыми тогда, когда имеется минимум неаллитерированных слов». Лучшим и наиболее распространенным стихом Кулаковский считал «короткий стих, когда каждая строка содержит в себе аллитерирующие слова», как например:

Хотоҕойдоох хоодуоттара,
Табыталаах талыылара,
Кынаттаах кытыгырастара,
Кырт кырбы икки.

Могучие из пернатых,
Избраннейшие из всех имеющих маховые перья,
Быстрейшие из крылатых
Сокол да ястреб.

Говоря о распространенности короткого стиха в народной поэзии, Кулаковский утверждал, что «красота стиха обратно пропорциональна длине строк».

В творчестве А. Е. Кулаковского аллитерационная система получила более высокую и строгую организацию. Вместе с тем в его практике выявились характерные черты и стороны народного аллитерационного стиха. Приведенная ниже статистическая таблица показывает интересную картину аллитерационной системы А. Е. Кулаковского.

Таблица аллитерационной системы составлена по последнему изданию поэта («Ырылар, хоһоннор», 1957). Как видно из нее, преобладающим видом аллитерации является у него строфическая, которой охвачено 63% из общего числа подсчитанных стихов (7242), остальные 37 % стихов построены на междусловной (внутристриховой) аллитерации. Строфическая аллитерация преимущественно связывает начала двух, трех и четырех стихов, создавая, как уже говорится, двустишные, тристишные и четверостишные формы. Только 120 стихов имеют сплошные начальные аллитерации, простирающиеся на пять и более строк.

Известно, что в якутском языке не все звуки являются словоначинающими, особенно часто встречаются в начале слов из согласных звуков: к, с, т, х, б, д. Таблица показывает, что с этих шести звуков начинается большинство, а именно 54% стихотворных строк. Из гласных звуков часто встречаются в начале слов – а, о, у, и, э, ү. Они начинают 33% стихотворных строк Кулаковского. Таким образом, 12 звуков, которые начинают огромное большинство стихов, а именно 87%, составляют основной звуковой материал якутской аллитерации.

Это показывает органическую связь аллитерационной системы с фонетическим строем языка. Вместе с тем видно, что эта система дает прекрасные возможности для стихотворной импровизации.. Сказителю-импровизатору или поэту не представляет

⁸ Там же, стр. 204.

особой трудности подобрать и привести в соответствующий строй слова, созвучные по закону гармонии гласных, а также аллитерирующиеся по начальным звукам, поскольку огромное большинство слов начинается с немногих звуков речи.

Об этом имеется весьма любопытное стихотворение известного якутского писателя А. И. Софронова, который часто импровизировал, т. е. писал свои поэтические произведения экспромтом, пользуясь аллитерационной системой. Это стихотворение носило характерное название «Х» (1927 г.).

Ыйыллыбыт санаабын
 Ыпсаран ыллыыр
 Ыарахан күннэрбэр,
 Тылы булбакка тыгыласты,
 Тыным-быарым ыксы,
 Тырыта тыгытына олорон.
 «Х» буукубаны.
 Хабан ылларбын эрэ,
 Хааттарбыт санаабын
 Хабдыгыраччы суруйабын...
 «Х» барахсан
 Хаһан даҕаны
 Хабааннаах тылы ханыылатар,
 Хохуйууну холбуур,
 Хохоону холлотор...
 «Х»-ны хайгыбын»⁹.

(В трудные минуты,
 Когда мыслей запутанные узлы
 Приходится с трудом распутывать
 И песни слагать,
 Напрасно напрягаешь силы,
 Волнуешься и спешишь,
 Чтоб нужные подобрать слова,
 Но как возьмешь букву «Х»,
 Так сами слова потекут
 Потоком, прорвавшим плотину...
 Хороша буква «Х»,
 Хвалю ее всегда,
 С тобою она ведет
 Слова любого смысла и значения,
 Свободно тогда текут
 Стих и мысль, сливаясь в одно).

В стихотворении своеобразно раскрыта тесная связь аллитерационной системы народного стихосложения со словарным фондом языка, с поэтической лексикой. Действительно, звук «х» начинает множество якутских слов. Следовательно, аллитерационные построения на этом звуке, несомненно, имеют большой лексический фонд. В приведенной выше таблице как раз и видно, что значительная часть стихов А. Е. Кулаковского начинается именно с этого звука.

Очевидно, аллитерации не безразличны к смыслу. В определенных условиях они могут носить смысловую нагрузку. Но, прежде всего, они являются средством инструментовки и ритмики. Выше мы отмечали роль аллитерации в строфической

⁹ А. И. Софронов. Талыллыбыт айымнылар. (Избранные произведения). Якутгосиздат, 1959, стр. 330

композиции. Вместе с тем строфическая аллитерация у А. Е. Кулаковского выполняет также и стихораздельную функцию. Каждый стих у него, как и в народной поэзии, представляет собой целую синтагму, компактную синтаксическую группу. Она звучит в интонационно-смысловом отношении как относительно самостоятельный, законченный отрезок речи. Начало такого стиха-синтагмы ритмически акцентируется строфической или анафорической аллитерацией, а конец его фиксируется синтагматическим ударением. Следовательно, аллитерация определенно помогает вполне четкому, отдельному звучанию каждого стиха, независимо от того, что синтагмостроки могут быть здесь самые различные по длине, т. е. по числу слогов, например:

Аан дойду (3)
 Албас үөрүүтэ (5)
 Албас санаа курдук (6)
 Аралдьыйа турар буолар эбит.¹⁰ (9)

(Этого мира
 Обманчивая радость,
 Словно мысль ошибочная, - .
 Все проходит, уходит, оказывается).

Аллитерация внутрислуховая или междусловная в известных условиях может иметь также некоторую, едва уловимую на слух словораздельную функцию, поскольку звуковые повторы в начале слов фиксируют внимание на словораздельные границы. Это можно видеть из следующего примера:

Көрүлүүр күммүт көһүннэ,
 Үнкүүлүүр үөрүүбүт үксээтэ.

Таким образом, поэтическая практика А. Е. Кулаковского показала высокую звукоритмическую стройность и слаженность якутского народного стиха. Многообразная звуковая организация стиха А. Е. Кулаковского вплотную подводила его к тому, чтобы концевые созвучия, т. е. рифмы стали существенным и вполне закономерным явлением. Вопреки теоретическим высказываниям самого поэта о рифме, как о чуждом и «случайном явлении» для якутской поэзии, его собственные стихи, как это ни парадоксально, зарифмованы почти наполовину. При подсчете из 1000 стихотворных строк оказались зарифмованными 493 строки. Рифмы Кулаковского, как и в народной поэзии, представляют собою созвучия одинаковых грамматических окончаний, возникающих вследствие обычного для аллитерационного стихосложения ритмо-синтаксического и морфологического параллелизма. В образовании подобных так называемых эмбриональных рифм доминируют различные глагольные формы, так как они, как правило, замыкают синтаксические группы, которые как раз и составляют стихотворные строки. В параллельных синтаксических рядах всегда предполагается возникновение тех или иных рифмующихся окончаний. Любые произведения народной поэзии, - начиная от пословиц и поговорок, кончая эпосом олонхо, - в большей или меньшей степени насыщены этими первоначальными рифмообразованиями. Они обычно связывают окончания двух или трех стихотворных строк, образуя тем самым парные или тройные рифмы, например,

парные:
 Туппутун эрэ умнар,
 Ылбытын эрэ ыһар,
 Анар уһугуттан астаах,
 Содуорус подругалаах¹¹.

¹⁰ А. Кулаковский. Ырыалар, хоһооннор, 1957, стр. 262.

¹¹ А. Кулаковский. Ырыалар, хоһооннор, 1957, стр. 57

(За что возьмется, все забывает,
 Что в руки попадет, все разбрасывает,
 Как попало пищу готовит,
 Как приходится дружбу заводит).

тройные:

Сыбаайбаға сырыттағына,
 Урууга угуйулуннағына,
 Ыңырыгыга ыадаһыннағына,
 Олоппоско олорбот,
 Кириэсилэбэ киирбэт,
 Кырабаат кыайбат¹².

(Когда на свадьбу пойдет,
 Когда на пирушку побредет,
 Когда на приглашение придет
 На стул не сядет,
 В кресло не влезет,
 Кровать не подымет).

Нередко встречаются также и перекрестные рифмы:

Аныгы быһыны
 Ааныттан ахсарбат,
 Сана майгыны
 Санардыан баҕарбат¹³.

(Современными порядками
 Совсем не интересуется,
 О новых порядках
 И слушать не хочет).

Или

«Аҕал» диэтэххэ
 Антах хайыһар,
 «Ыл» диэтэххэ
 Ымах гынар¹⁴.

(«Дай», - скажешь, -
 Спиной отвернется,
 «На», - скажешь, -
 С улыбкой повернется).

Однородные грамматические формы иногда могут связывать одинаковой рифмовкой несколько и даже целый ряд стихотворных строк. Так известное стихотворение Кулаковского «Скупой богач» в одной своей части, где дается длинный перечень того, чем питается герой этого произведения, оказывается многорифмичным:

Аҕарааны аһылыктамыт,
 Барчанан мааныламыт,

¹² Там же, стр. 55 – 56.

¹³ Там же, стр. 48.

¹⁴ Там же, стр. 36.

Сыманы сымсайбыт,
Сакааҕа салбаммыт,
Былаах эти ыстаабыт...¹⁵

(Сушеной рбой питается,
Вареной рыбой угощается,
Сырой рыбой сыт,
Вяленой рыбой лакомится
Дохлагиной доволен...)

Так перечень продолжается до двадцати пяти: стихотворных строк, которые все связаны однородными глагольными окончаниями.

Своеобразное расположение рифмующихся окончаний аллитерационных стихов получается при симметричном построении синтаксических периодов, повторяющих друг друга в смысловом отношении. Это явление А. Е. Кулаковский относил к числу эстетических достоинств народного стихосложения. Он писал: «Стих бывает красив, если грамматические обороты одного куплета будут совпадать с таковыми же второго и третьего куплета, и если однородные слова в куплетах будут поставлены в одинаковой последовательности и будут отвечать на одни и те же вопросы». В таких случаях первая, вторая, третья и т. д. строки одного куплета рифмуются с соответствующими строками следующих, второго и третьего куплетов или строф. Например:

Уруй-туску добуһуоллаах
Улаат-халаат бэйэлээх
Уолан ньургун дьонунан
Урусхалланан устуон этэ.
Айыбыт танара аһыннарылаах
Ала-дьикти бэйэлээх
Айгыр-дьаралык хатыттарынан
Талбааланан айанныан этэ.
Иэйэхсит танара эрэмньилээх
Илэ-дьикти бэйэкээннээх
Эдэр кыыс дьэрэликтэринэн
Энньэлэнэн-сэтиилэнэн кэлиэн этэ¹⁶.

(Удачей и счастьем избалованных,
Удальством отличающихся
Юношей достойных
Сплавить ко мне ты могла.
Белого божества защитой охраненных,
Достойных и благородных
Госпожей прекрасных
Принести в гостинец ты могла,
Светлого божества покровительством пользующих
Красавиц чудесных,
Девушек молоденьких
Принести в подарок ты могла).

В этих тождественных или аналогичных по грамматическому строю четверостишиях все соответствующие по порядковому номеру стихи оказываются зарифмованными

¹⁵ А. Кулаковский. Ырыалар, хоһооннор, Якуткнигоиздат, 1957, стр. 34.

¹⁶ Там же, стр. 75

между собою. И поскольку Кулаковский видел в этом красоту, благозвучие народного стиха – его утверждение о том, что «якутский слух» не обращает внимание на окончания строк, а «следит только за первыми слогами», нельзя принять без серьезных оговорок. Тем более сам поэт иной раз не отказывался воспользоваться вдруг приглянувшейся ему рифмой.

«Үрүмэ, түксү,
 Үөдэн үрүйэтэ,
 Үөнү көйүүрү үксү
 Үүрэ сылдыбын диэн»¹⁷.

Характеризуя якутские пословицы и поговорки (өс хоһооно) как «гармонии слов», Кулаковский то и дело признавал значение рифмы для этого жанра устной поэзии: «Большинство из них, – писал он, – облекается в поэтическую форму аллитерациями и рифмами, а потому ласкает наш слух и легко запоминается».

Рифма в народной поэзии, хотя еще и неосознанная в качестве специального художественного средства, уже заявила о своем законном месте и значении. Она выполняла уже довольно заметную композиционную, ритмообразующую функцию, помогая более четкому раздельному звучанию каждого стиха. И это не случайное, а вполне закономерное, следствие уже определенным образом сложившейся организации пародного стиха.

Большой, свозобразный художник слова А. Е. Кулаковский не пассивно перенял народные традиции в стихосложении. Он упорядочил и развил дальше систему аллитерационного стиха, раскрыв ее внутренние возможности, разработав основные правила и законы. Тем самым он довел технику аллитерационного стиха до уровня профессионального мастерства. Своей поэтической практикой он придал гораздо большую стройность синтаксическому членению, параллелизму ярче выявил организующие функции аллитерации в ритмике и строфической композиции стиха. Избегая сплошные аллитерации, поэт переходил «к сложной аллитерации, чередующейся через две, четыре строчки, нисходящей по вертикали каждого куплета» (П. А. Ойунский). Этим самым поэт несколько разгрузил и освободил аллитерационный стих от свойственных устной поэзии чрезмерно пышных тирад, цветистых тропов и громоздких фигурных повторений, сделав стих более динамичным и емким по сравнению с фольклорным.

Но Кулаковский недооценил существующего в народной поэзии силлабического стиха и его возможностей. По этому поводу П. А. Ойунский сделал правильные замечания: «Покойный Кулаковский, – писал он – хотя дожил до первых дней появления строго размеренного стихосложения на якутском языке, дал только правила простого народного стихосложения. Кулаковский отнесся отрицательно к возможностям не только размеренного рифмованного стихосложения, но даже к просто правильно размеренному стиху».

Этому помешала, конечно, приверженность Кулаковского к поэтике, духу и стилю, национально-самобытным традициям устной поэзии родного народа. Как известно, Кулаковский учился у русских классиков с целью стать «национально-самобытным поэтом». Еще в своем ученическом реферате «Главнейшие достоинства поэзии Пушкина» (1896) будущий поэт усиленно подчеркивал народность и национальную самобытность творчества А. С. Пушкина, его верность духу народа, совершенное знание им всех свойств народного языка. В этом смысле он и воспринял опыт развития русской литературы, вырабатывая самобытные национальные поэтические формы. Его стих остался глубоко и органически связанным со всей образной системой, художественными приемами фольклорной поэзии. Это нашло свое характерное выражение и в принципах его поэтического перевода.

17 А. Кулаковский. Ырыалар, хоһооннор, 1957, стр. 64.

В творчестве поэта имеется два художественных перевода из русской поэзии (отрывок из поэмы М. Лермонтова «Демон» и стихотворение Н. Цыганова «Реченька»). Переводы эти выполнены аллитерационными стихами, в народно-поэтическом стиле, с применением излюбленных им фольклорных средств (параллелизмы, повторения и т. п.). Вследствие этого переводы Кулаковского далеки от оригинала. И они, по существу стали его собственными стихами, со всеми их отличительными национальными особенностями. Переводчик обращается совсем свободно с оригиналом, произвольно увеличивая в переводе количество строк. Так небольшое стихотворение Цыганова «Реченька», состоящее всего из 12 строк, при переводе увеличено в объеме до 116 строк. В переводе небольшого отрывка из клятвы Демона иногда одна стихотворная строка оригинала развертывается в 3-4 строки. Например: «Клянусь небом я и адом» переводится четверостишием, так как каждое именное слово здесь украшено традиционными повторяющимися эпитетами («Сырдык сыдыай манан халлаанынан» — «светлым, сияющим, белым небом»). Из одного стиха «Клянусь блаженством и страданием» переводчик делает пять строк:

Андаҕайабын
 Дьол туоларынан, туску улаатарынан,
 Өрөгөй үрдүүрүнэн,
 Эрэй-буруй эгэлгэ бэрдинэн,
 Мун-сор мунутуур улаханынан.

(Клянусь
 Счастья полнотою, жребня удачей,
 Торжества вершиной,
 Страданий гибельной бедой,
 Мучений высшим пределом).

Как видно, здесь увеличение числа строк по сравнению с оригиналом получилось вследствие повторений и параллелизмов, которые очень любит якутский фольклорный стих.

Народный стих, систему которого впервые разработал и применил в литературе А. Е. Кулаковский, получил широкое признание и прочно вошел в творческую практику поэтов, соревнуясь с современными поэтическими формами.

В поэзии 20-х годов аллитерационная система занимала господствующее положение. Этой системой пользовался в своем поэтическом творчестве А. И. Софронов, который нередко сочетал аллитерации с силлабикой. Это видим в его песнях: «Оҕо оҕо эрдэххэ» (В годы детские), «Туллук тулук доҕоттор» (Друзья снежиречки), «Саргылардаах сахаларбыт» (Счастливые якуты) и др. Широко применил вольный аллитерационный стих П. А. Ойунский. Им написан этим стихом целый ряд крупных произведений: песня-олонхо в 4 действиях «Красный шаман», драматическая поэма «Туйаарыма Куо Светолицая», стихотворения «Железный конь», «Спор» и др. Для Ойунского характерно соединение аллитерационной инструментовки стиха с силлабическим строем. Оба этих крупных поэта еще больше усовершенствовали народный стих, освободив его от связи с фольклорной риторикой, которая мешала сближению языка поэзии с живой разговорной речью. Кулаковский допускал их как своеобразные «красоты языка». В одном своем письме поэт прямо указал на это: «Я как маленький поэт, лишь увлекался красотами языка, потому писал и собирал только художественные произведения. Всякая попытка (хоть и своя) перевода песен на русский язык страшно оскорбляла мое эстетическое чувство, ибо урало-алтайская семья языков также далека от романских и славянских языков, как небо от земли..., а язык поэзии якутов дальше отстоит от разговорного, чем древнеславянский от русского. Это заставляет меня побороть не каприз поэта,

а безысходность положения. Я сам дорого бы заплатил за перевод якутских песен на русский язык, – за перевод, который хоть сколько-нибудь приближался бы к оригиналу»¹⁸.

Аллитерационная система стиха в современной якутской поэзии, если не говорить о творчестве сказителей-импровизаторов, разрабатывается в направлении все большего сближения с разговорным языком народа. В этом и состоят большие возможности и перспективы дальнейшего усовершенствования народного стиха в современной литературе.

Таблица аллитерационной системы А. Кулаковского

Число строк	Начинают стих звуки																	Сумма стихов		
	Согласные									Гласные										
	К	С	Т	Д	Б	Х	М	Н	Л	Ч	А	Ы	О	У	И	Э	Ү			Ө
По 1 строке	303	279	245	138	224	136	143	57	15	48	182	76	220	117	124	115	116	74	2672	Стихи с внутр. аллитер. (37%)
По 2	130	97	73	26	70	72	18	5	-	8	75	24	55	57	45	45	40	20	1720	
По 3	53	42	29	2	23	21	4	1	-	1	46	5	9	11	11	18	18	3	891	Стихи со строфической аллитерацией (63%)
По 4	29	25	17	-	6	7	-	-	-	-	25	4	7	7	7	3	6	1	576	
По 5	11	7	9	5	5	6	-	-	-	-	10	-	3	3	1	-	3	-	315	
По 6	8	6	3	-	4	4	-	1	-	-	1	1	-	3	-	2	2	-	210	
По 7	7	2	5	-	-	2	-	-	-	-	5	1	-	-	-	1	2	-	175	
По 8	5	1	2	-	-	2	-	-	-	-	3	-	1	1	1	-	1	-	136	
По 9	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	1	1	-	-	81	
По 10	5	1	2	-	-	1	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	130	
Выше 10	7	4	-	-	-	1	-	-	-	-	4	-	-	-	2	1	1	-	326	
Всего на каждый звук	1234	886	680	221	514	480	221	76	15	57	814	168	408	393	322	310	336	127	7242	

18 Госархив ЯАССР, ст. 490, д. №22, лл. 116 – 118 (копия в архиве ЯФ СО АН СССР оп. 16/2, инв. 1290).

– ТЕКСТОЛОГИЯ. СТИХОВЕДЕНИЕ –

УДК 821.512.141.08

*Б. В. Орехов***Башкирский стих в системе сравнительного
тюркского стиховедения**

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные свойства башкирского стихосложения, установленные статистическими методами, в сопоставлении с описаниями других тюркских систем стихосложения, созданными в течение XX в. Речь идет о неравносложных формах силлабики, наиболее распространенных метрах и особенностях ритма. Из сопоставления можно сделать вывод, что башкирская форма *узун-кюй* имеет уникальный характер и не встречается в других тюркских поэтических традициях (за исключением татарской). Так же необычна для поэзии на других тюркских языках частотность башкирского 9-сложника. Общей чертой для разных тюркских систем стихосложения является предпочтение 8-сложника, который часто фигурирует в тексте вместе с 7-сложником, что оформляется в башкирской поэзии в виде формы *кыска-кюй*. Чтобы сделать вывод о том, распространяются ли на другие тюркские поэтические традиции особенности башкирского ритма, у нас по-прежнему недостаточно данных.

Ключевые слова: башкирский стих, тюркское стихосложение, силлабический стих.

*B. V. Orekhov***Bashkir verse in the system of comparative Turkic verse studies**

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), RAS, St. Petersburg, Russia

Abstract. Over the past century, the Bashkir system of versification has been based on the syllabic principle. The same principle, to all appearances, was the basis of the folklore song verse. Although the science of Turkic verse was not as intensive as the study of the Russian verse, it was still developing in the Soviet years. Russian verse scholarship set the coordinates which the researchers of Turkic verse systems were guided by. Now we can compare what is described for Bashkir verse and other Turkic systems of versification and discover similarities and differences. The key forms determining the shape of the Bashkir system of versification are two unequal forms of folklore origin, *uzun-kyu* and *kyska-kyu*. There are no parallels to the first in the Turkic linguistic and cultural area. The second has its analogues in other Turkic systems of versification.

Keywords: Bashkir verse, Turkic versification, syllabic verse.

ОРЕХОВ Борис Валерьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых исследований литературы и фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

OREKHOV Boris Valerievich – Candidate off Philological Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Digital Studies in Russian Literature and Folklore, Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences.

Введение

Башкирский язык принадлежит к тюркской семье языков, и его носители населяют территорию Поволжья и Южного Урала. Численность говорящих на этом языке в 2010-х гг. доходила до 1 млн. человек. Язык башкир генетически очень близок татарскому, но литературный вариант башкирского языка все же имеет ряд заметных отличий в области фонетики и лексики. Например, уникальные для региона фонемы /δ/и /θ/.

Активное культурное и языковое обособление башкир [42] началось после Революции. До 1920-х гг. у башкир и татар была общая книжная культура, основанная на литературном языке поволжских тюрков.

В культурном смысле эти народы, как и тюрки Средней Азии (узбеки, туркмены, киргизы и т. д.) начиная со Средних веков находились в сильной зависимости от арабо-персидского влияния. Это влияние проявило себя и в заимствовании жанровых и строфических форм традиционной восточной поэтики, и в формировании очень своеобразной системы стихосложения, которая называется «тюркский аруз» [47]. Проникшая в тюркский мир через староузбекскую литературу, она представляет собой вариант персидского аруза, то есть системы стихосложения, основанной на регулярном чередовании долгих и кратких слогов (первоначально эта система создана для арабского языка, но получило более широкое хождение благодаря арабской культурной экспансии). Интерес тюркского аруза в том, что староузбекский язык, в котором эта система сформировалась, не имеет фонологического противопоставления гласных по долготе и краткости. Этот удивительный факт опровергает подсказываемую здравым смыслом идею, что система стихосложения, основанная на том, чего нет в языке, невозможна. В основе тюркского аруза лежит несколько конвенциональных допущений: долгим считается закрытый слог, а также такой слог заимствованного из персидского языка слова, который является долгим в исходном языке.

Однако в 1920-х гг. в молодой башкирской литературе влияние аруза стремительно сокращается [16] и поэзия переходит на другую форму стихосложения, силлабическую. Аруз имел репутацию «реакционного» стиха, связанного с царским режимом. Аналогичные процессы, хотя и с разной скоростью, параллельно происходят и в других тюркских литературах, оказавшихся под культурным влиянием советского государства. Так, прочнее всего позиции аруза были в азербайджанской поэзии [9]. Последние сто лет башкирская система стихосложения основана на силлабическом принципе. Этот же принцип, по всей видимости, лежал в основе фольклорного песенного стиха. У нас свидетельства о нем благодаря записям польского тюрколога Т. Ковальски [46]. Они сделаны в среде казанских татар, но, по всей видимости, существенной разницы между башкирским и татарским стихом нет. Последнее справедливо как для фольклора, так и для авторской поэзии.

Далее мы предпримем последовательное сравнение особенностей башкирского стихосложения с другими тюркскими традициями. Возможность такого сравнения обеспечивается двумя обстоятельствами.

Во-первых, наука о тюркском стихе хотя и не была настолько активной, как изучение русского стихосложения, все же развивалась в советские годы. Русское стиховедение задавало координаты, на которые ориентировались исследователи тюркских систем стихосложения. Вопросами стиха на тюркских языках занимался такой видный ученый, как академик В. М. Жирмунский [11], [12]. Благодаря систематической работе стиховедов, начиная с 1950-х гг. у нас есть описание тенденций в казахском, уйгурском, туркменском, киргизском, чувашском, якутском, тувинском и др. стихосложениях. Ретроспективно из 1990-х гг. исследователи констатировали, что «тюркское стиховедение наибольший расцвет получило в 60-е годы» [30, с. 4]. Таким образом, у нас есть возможность сопоставить описания, которые сделали тюркологи для отдельных стиховых систем, с тем, что мы наблюдаем в башкирском стихе.

Во-вторых, башкирский стих сравнительно хорошо изучен. Есть справочная книга, посвященная именно башкирскому стихосложению [40], глава в монографии [36], несколько диссертаций [16], [17], [35]. Наконец, в 2019 г. вышла монография, использующая для описания всей силлабической башкирской традиции корпусные и статистические методы, развивающие идеи русского стиховедения [20].

Благодаря практике лингвистической типологии более привычным (если только речь не идет об исторической реконструкции) является сопоставление неродственных языков. За этим принципом формирования исследовательской выборки имплицитно присутствует соображение, что в близкородственных языках будет слишком много общих элементов, которые не позволят увидеть реально присутствующее в природе разнообразие. Однако и в лингвистике в ряде случаев прибегают к внутригенетической типологии [23], [45], [48], [49]. Нашей целью также не является реконструкция пратюркского стиха (попытки такой реконструкции есть, например, в статье [19]). В то же время, как будет видно из дальнейшего изложения, тюркские системы стихосложения при сопоставлении друг с другом способны показать высокую степень своеобразия.

Неравносложные формы в тюркском силлабическом стихе

Ключевыми формами, определяющими облик башкирской системы стихосложения, являются две неравносложные формы фольклорного происхождения, *узун-кюй* и *кыска-кюй* [21]. В татарском песенном фольклоре они также присутствуют [28]. Первая представляет собой регулярное чередование 10- и 9-сложных строк (ее название переводится как «протяжный напев»), вторая – чередование 8- и 7-сложных строк («короткий напев»). Вместе они покрывают около половины всего корпуса башкирской поэзии.

По всей видимости, наиболее привычным для силлабической поэзии является все же изосиллабический способ организации текста. Он настолько естественен, что в ряде случаев даже отождествляется с силлабической системой [22, с. 105], [39, с. 12]. Но на то, что сопоставимость и соизмеримость отдельных строк не означает равенство, уже указывали исследователи [15, с. 17]. Проследим, в каких тюркских системах стихосложения фиксируются такого рода формы. Будем двигаться от наиболее близких башкирам в культурном отношении поэтических традиций к более далеким. То есть сначала рассмотрим среднеазиатские тюркские народы, а затем дополним этот круг сибирскими тюрками, которые находились вне зоны влияния арабо-персидского культурного ареала. С первыми общность может быть продиктована прямым взаимодействием. Со вторыми может быть объяснена рефлексам пратюркского состояния или типологическими параллелями, вызванными структурной близостью языков.

Уже в 1960-е гг. было замечено, что «принцип изосиллабизма не ограничивается лишь установлением общей соизмеримости стихотворных строк друг с другом» [5, с. 25], а для казахского фольклора упоминается распространенное чередование строк 7- и 8-сложной длины, то есть аналог башкирской *кыска-кюй*. При этом в 1970-е гг., очевидно, под давлением упрощенного понимания силлабики был сделан шаг назад, и казахские стиховеды вопреки фактам пишут уже о строгом равносложии [34, с. 10]. Впрочем, возможно, что неизосиллабические тексты получают большее распространение в авторской поэзии, а неравносложные остаются в зоне народного творчества.

Практика киргизской поэзии также заставляет обратить внимание на необязательность равносложия в силлабике [27, с. 38], при этом сочетание 7- и 8-сложных строк даже осмысливается как отдельный стихотворный метр [27, с. 45]. На новом этапе описания, опираясь на осознанность подхода к материалу, заданную русским стиховедением, исследователи говорят об урегулированных метрах, составляющих 90,48 % строк [41, с. 39]. К таким метрам причисляется и сочетание 7- и 8-сложников, это весьма частотный случай в киргизской поэзии, охватывающий 29,13 % строк [41, с. 41].

О чередовании 7- и 8-сложников говорят и исследователи уйгурского стиха [37, с. 107].

При обозрении стихосложения сибирских тюркских народов также можно встретить упоминание неравносложия как естественного свойства силлабики. Так, в авторской хакасской поэзии неизосиллабических текстов насчитывается столько же, сколько и изосиллабических [32, с. 34], а «обычным становится чередование 7-ми и 8-мисложников в данном стихотворении» [33, с. 11].

Та же длина строк в 7 и 8 слогов является примером неравносложного стиха в тувинском фольклоре [31], [10, с. 6]. Правда, равносложные произведения доминируют и составляют 90 % от всех проанализированных.

В якутской поэзии к 1980-м гг. насчитывается от 67 % до 87 % текстов, написанных приблизительно равносложными стихами [29, с. 25]. Соответственно, остальные под это описание не подходят, то есть являются неравносложными.

Таким образом, неравносложие в тюркской силлабике давно замеченное и отрефлектированное свойство. При этом наиболее заметным проявлением этого свойства являются тексты, демонстрирующие сочетание 7- и 8-сложных строк. Такая поэтическая форма встречается в поэзии народов, удаленных друг от друга и географически, и культурно. Свои аналоги *кыска-кюй* мы видим у казахских, киргизских, уйгурских, хакасских и тувинских поэтов. Но никто из стиховедов не упоминает о формах, аналогичных башкирской *узун-кюй* (чередование 10- и 9-сложников). По всей видимости, эта форма представляет собой специфику именно башкирской системы стихосложения.

Метрика тюркского силлабического стиха

Наиболее частотные метры башкирской поэзии: 9-, 10-, 8-, 7-сложники. Вместе они представляют более 80 % всех строк корпуса [20, с. 94-95]. При этом доминирующим размером является 9-сложник (28,2 %). Такое его положение обеспечивается распространенностью формы *узун-кюй* и значительным числом изосиллабических стихотворений.

Надо сказать, что систематических подсчетов распространенности тех или иных метров в других тюркских поэтических традициях не проводилось, но некоторые тюркологи все же делились своим читательским опытом, выделяя наиболее частотные, по их мнению, метры.

В 1950-х гг. наиболее распространенным размером чувашской поэзии объявляется 7-сложник [13, с. 8]. Семантика этого метра имеет и социальное измерение: «Семисложник, имеющийся и в фольклорном метрическом репертуаре всех этнографических групп чувашей, был своеобразным символом консолидации, единения нации» [26, с. 146]. В целом система стиха складывается как противопоставление коротких строк в 7 или 8 слогов и длинных строк в 11 слогов [25, с. 13]. Примечательно, что занятая в башкирской поэзии зона в 9 и 10 слогов для чувашского стиха оказывается невостребованной. Как мы увидим далее, эта же ситуация характерна для большинства описанных тюркских поэтических систем.

Самыми распространенными в казахской поэзии специалисты называют 6-, 8- и 11-сложные метры [34]. Последний специально указывается как один из самых распространенных [5]. Ситуация аналогичная той, которую мы наблюдаем в чувашской поэзии, с поправкой на то, что 7-сложник меняется на 6-сложник.

В киргизской системе стихосложения обращают на себя внимание 7- и 11-сложники [27, с. 41, 50], при этом 8- и 9-сложники не встречаются в фольклоре, а в авторской поэзии появляются поздно [27, с. 46]. Позднее стиховеды уточняют, что освоение 11-сложника профессиональными поэтами относится к 1920-м гг., до этого в киргизской поэзии он не употреблялся [41, с. 32].

Относительно азербайджанского стиха у нас есть следующие наблюдения: в фольклоре был распространен 11-сложник [2], большинство лирических песен создано 7-, 8- и 11-сложниками [3, с. 12], при этом самым частотным является 7-сложник [4, с. 102].

Туркменский стих также характеризуется преобладанием 11-сложника [24, с. 57], [6, с. 3], заметное место в системе стихосложения занимает также 8-сложник [1, с. 21]. Третий по распространенности метр в стихотворениях центральной фигуры в туркменской поэтической культуре Махтумкули, это 7-сложник [7, с. 38]. Особенностью туркменской системы является также сравнительно частотная 14-сложная строка.

Уйгурский стих также повторяет схему, в которой наиболее распространенными являются 7-, 8- и 11-сложники [37, с. 107]. При этом в 1980-е гг. отмечается рост популярности 10-сложника [38, с. 60], который не выступает частотным ни в одной поэтической культуре, кроме башкирской.

В сибирском регионе ситуация несколько иная. В якутском стихе наиболее распространенным размером силлабического стиха является 7-сложник [8]. В алтайском к нему добавляется 8-сложник, отмечается также заметное место 9-, 10-, 11- и 12-сложников [18, с. 7]. Кроме того, указывается на новации в виде появления 13- и 14-сложников, которые не получили широкого распространения [18, с. 7]. В тувинском самый популярный размер – 8-сложник, его доля составляет от 32 до 75 % строк, а доля 12-сложника – от 22 до 38 % [10, с. 157].

Таким образом, тюркские народы, испытавшие влияние арабо-персидской культуры, противопоставлены сибирским тюркам в том, что гораздо активнее используют 11-сложные строки, мало популярные в Сибири. При этом не имеет региональных оснований деление поэтических традиций на те, которые предпочитают 7-сложник (киргизская, якутская) или 8-сложник (казахская, тувинская). Но большинство (чувакская, туркменская, алтайская) активно используют и 7-, и 8-сложники вместе.

Как мы видим, доминирование 9-сложника в башкирском стихе совершенно уникально. В других тюркских традициях этот метр либо отсутствует среди распространенных размеров, либо встречается реже других (алтайская, киргизская). Так же может быть описано и присутствие 10-сложника среди преобладающих метров башкирской поэзии. В какой-то мере заметны (но не являются лидерами по частотности) 10-сложники только в алтайском и уйгурском стихе. Такие показатели в башкирской поэзии напрямую связаны с частотностью формы *узун-кюй*, о которой говорилось в предыдущем разделе.

Особенности ритмики

Ритм башкирской силлабики обладает некоторыми особенностями, которые становятся видимыми глазу исследователя только благодаря подсчетам. Если метр силлабического стиха – это его длина, исчисляемая в слогах, то ритм – это конфигурация строки, которая складывается из длин составляющих ее слов. Интуиция, что составляющие строку слова являются важным параметром для описания тюркского силлабического стиха, давно известна, и выражена в стиховедческой терминологии: «турак» 'ритмическая группа', «вазн» 'вариант строки с определенной конфигурацией словоразделов' [37].

Одна из особенностей башкирского ритма является основанием для выдвижения *гипотезы паритивного счета* [20, с. 136-139]. Так, установлено, что в стихотворных текстах на башкирском языке статистически значимо больше слов четной длины, чем в прозаических текстах. Кроме того, в размерах четной длины формы, содержащие только слова с четным числом слогов, и содержащие также слова с нечетным числом слогов, распределены неравномерно: варианты, в которых есть слова нечетной длины, покрывают меньшее число строк корпуса. Наиболее частотные формы размеров четной длины всегда состоят только из слов с четным числом слогов. Вероятность появления двусложного слова в инициальной позиции в строке примерно соответствует вероятности его появления в поэтическом тексте вообще, но вероятность встретить в начальной позиции стиха трехсложное слово ниже вероятности встретить его в тексте. Слова нечетной длины

обычно следуют в строке друг за другом, образуя, таким образом, совокупно блоки четной длины. То есть распределение слов с нечетным числом слогов неслучайно и случаи, когда несколько слов нечетной длины распределены в стихе дистантно, редки.

Гипотеза паритивного счета гласит, что башкирский поэт, складывая стихотворную строку, использует в первую очередь слова четной длины (2 и 4 слога). И только если строка должна быть из набора нечетных метров (7-, 9-, 11-сложник и т. д.), то слово нечетной длины добавляется в самом конце, когда основная конструкция строки уже готова.

В целом предпочтительность для механизмов человеческого восприятия четных количеств по отношению к нечетным хорошо известна в психологии. В 1990-м г. открыт так называемый «эффект нечетного» [43]: оказалось, что испытуемым требуется больше времени, чтобы понять, с четным или нечетным числом они имеют дело, в том случае, если число нечетное. Кроме того, на нечетных числах испытуемые делают больше ошибок при идентификации класса числа. Сам автор работы связывал этот эффект с лингвистической составляющей процесса эксперимента: испытуемый должен был осмысливать класс числа в словах («четное» и «нечетное»), которые в английском, родном языке участвовавших в эксперименте, неравнозначно маркированы и нагружены дополнительными внечисловыми ассоциациями. Однако впоследствии появились работы, которые выдвигали альтернативные объяснения этого эффекта [50].

В целом психологи склоняются к версии, что дело не в самом количестве как таковом, а в эффекте *linguistic markedness of response codes* (MARC), что тоже проверялось экспериментально [44]. Но, возможно, существует и такой класс счетных задач, с которыми нашим когнитивным механизмам удобнее справляться, оперируя четными количествами. О фундаментальном различии четных и нечетных чисел много говорили во времена исследования асимметрии мозга, проецируя открытые эффекты на механизмы культуры [14].

Неизвестно, можем ли мы экстраполировать гипотезу паритивного счета на другие тюркские силлабические традиции. Отдельные наблюдения, сделанные тюркологами говорят в большей степени в пользу того, что мы имеем дело с уникальной особенностью именно башкирского стиха.

Туркменский поэтический текст состоит главным образом из односложных и двусложных слов. Трехсложные и четырехсложные слова появлялись в стихах редко, преимущественно как глагольные формы, которые, по мнению исследователя «в языке поэзии и песни малоупотребительны» [24, с. 56]. В древности 11-сложник представлял собой канонизированную форму 2+2+3+2+2 (каждая цифра обозначает слово соответствующей длины в слогах), но с течением времени стали возможны и иные его репрезентации: 4+3+4, 4+4+3, 3+4+4 или 3+3+3+2 [24, с. 58]. Таким образом, никакого значимого различия между словами четной и нечетной длины, а также между ритмом строки, оканчивающейся на слова четной и нечетной длины, в туркменском стихе нет.

Обзор стихотворного материала тюркских народов Сибири [30] также не показывает тех выраженных признаков, которые демонстрирует нам башкирский стих. Но тувинские данные все же демонстрируют преобладание четырехсложных слов над трехсложными [10, с. 69], не свойственное алтайским и хакасским текстам [30, с. 93]. В то же время в якутской поэзии «трехсложная лексическая единица является как бы основной ритмической единицей силлабического стиха Ойунского» [8, с. 85].

Ритм 9-сложного метра в башкирском стихе обладает особым свойством, которое мы называем *правилом Болотова*. Сергей Болотов первым обнаружил эту закономерность в башкирском материале и поделился своей находкой в устном сообщении. Оно формулируется так: в абсолютном большинстве строк длиной в 9 слогов мы обнаруживаем обязательный словораздел после 6-го слога, то есть 9-сложный стих имеет завершение строки вида «+3» либо «+1+2», либо «+2+1», где цифра означает длину слова в слогах. Это утверждение справедливо по отношению к 95,65 % всех 9-сложных

стихов. Самые частотные ритмические схемы 9-сложной строки в башкирском стихосложении выглядят так:

2+2+2+3 (*Ганап беззең аккан вақытты...* 'Считая наше утекшее время...' Шамил Анак «Таштар менән һөйләшеү»), 27,26 % от общего числа 9-сложных строк;

4+2+3 (*Юлдаштары бала сағымдың...* 'Спутники детства моего...' Рәми Ғарипов «Таныш күгәрсендәр»), 17,78 %;

1+3+2+3 (*Гин Ленинга биргән антыңды...* 'Обещание, которое ты дал Ленину...' Рәми Ғарипов «Мәңге бергә»), 10,48 %;

Из аналогичных наблюдений можно выделить только сделанное на казахском материале. Канонизированный как классик казахской поэзии Абай (1845-1904) в 11-сложнике пользовался таким его ритмическим вариантом, который имел 4-слоговое окончание. В советскую эпоху в употребление вошел другой вариант того размера с окончанием в три слога [5, с. 312]. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что сама по себе слоговая длина окончания строки выступает важным для носителей традиции параметром описания стиха. При этом нужно специально указать, что речь не идет о полном структурном аналоге клаузулы в европейских системах стихосложения, или об окончании строки после ударной константы: в тюркских языках силовое ударение крайне слабо выражено и практически всегда падает на последний слог.

Заключение

Исследователи тюркских систем стихосложения провели большую работу по описанию своего материала. Хотя они большей частью не пользовались статистическими методами, все же корпус стиховедческих исследований тюркологов дает возможность проследить, что есть общего и различного у тюркских народов на уровне метра и отчасти ритма.

Наиболее продуктивным оказывается сравнение полного статистического описания башкирского стиха с другими тюркскими системами стихосложения. Это сравнение демонстрирует уникальные особенности башкирской системы, которые заключаются, в частности, в использовании формы *узун-кюй*, подразумевающей регулярное чередование 10- и 9-сложных строк. Если другая традиционная башкирская форма *кыска-кюй* (правильное чередование 8- и 7-сложников) так или иначе замечена в других тюркских традициях, то *узун-кюй* нетипична для тюркского стиха. Нестандартной эта форма является и для силлабики в широком типологическом контексте, так как силлабический стих в целом предпочитает равносложие.

Из доминирующего характера формы *узун-кюй* следует и доминирующий характер 9-сложного метра. Этот метр редко встречается в тюркских стиховых системах среди часто используемых, и не является самым частотным ни в одной из описанных традиций. Наоборот, широко распространенный у других тюрков 11-сложник достаточно редок в башкирской поэзии.

Описание ритмики тюркского стиха гораздо беднее, и в этом направлении только предстоит сделать значимые шаги. Однако уже сейчас можно сказать, что такие свойства башкирского стиха, как *паритивный счет* и *правило Болотова*, по крайней мере, не являются заметными для других тюркских традиций, а возможно и вовсе в них отсутствуют.

Литература

1. Абдуллаев Д. Народные основы стихосложения в поэзии Махтумкули. – Ашхабад: Ылым, 1983. – 80 с.
2. Алиев С. Х. Формы классической азербайджанской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Баку, 1966. – 34 с.
3. Алиев М. И. Формы и виды азербайджанской народной поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Баку, 1976. – 26 с.

4. Аллахъяров К. Г. Генезис, становление и пути эволюции арзербайджанского стихосложения. – Киров, 2011. – 179 с.
5. Ахметов З. А. Казахское стихосложение (Проблемы развития стиха в дореволюционной и современной поэзии). – Алма-Ата: Наука, 1964. – 460 с.
6. Бекмурадов А. Основные тенденции развития стихосложения в туркменской советской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Ашхабад, 1980. – 33 с.
7. Бекмурадов А. Поэтическое мастерство Махтумкули Фраги. Автореферат ... доктора филологических наук. – Ашхабад, 1990. – 50 с.
8. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 128 с.
9. Джафар А. Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз (в сравнении с арабским, персидским, таджикским, турецким и узбекским арузами). Автореферат ... доктора филологических наук. – Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1968. – 198 с.
10. Донгак У. А. Тувинское стихосложение. Диссертация ... кандидата филологических наук. – Кызыл, 1999. – 158 с.
11. Жирмунский В. М. Ритмико-семантический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // *Вопр. языкозн.* 1964. № 4. С. 3–24.
12. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // *Вопр. языкозн.* 1968. № 1. С. 23–42.
13. Иванов Н. И. Чувашское стихосложение и его особенности. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Чебоксары, 1958. – 12 с.
14. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Советское радио, 1978. – 185 с.
15. Илюшин А. А. Русское стихосложение. – М.: Высш. шк., 2004. – 240 с.
16. Искандарова С. А. Эволюция метрического и силлабического стихосложения в башкирской поэзии начала XX века. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2013. – 23 с.
17. Каскинова Г. Н. Вопросы структурной поэтики в современной башкирской поэзии. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2007. – 22 с.
18. Каташев С. М. Основы алтайского стихосложения. Автореферат ... кандидата филологических наук. – М., 1972. – 24 с.
19. Коршъ Ѳ. Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племень // *Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго архологическаго общества.* Т. XIX. Вып. II–III. – СПб.: Типографія императорской академии наукъ, 1909. – С. 139–167.
20. Орехов Б. В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. – СПб.: Алетейя, 2019. – 344 с.
21. Орехов Б. В. Метр отрезков длиннее строки в башкирском силлабическом стихе // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* – 2019. – Т. 78. – № 2. – С. 41–50.
22. Поливанов Е. Д. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми факторами других «алтайских» народностей // *Проблемы восточного стихосложения.* – М., 1973. – С. 100–106.
23. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания.* 2013. № 2. С. 3–31.
24. Реджепов Р. Лирическое содержание и искусство стиха. Автореферат ... доктора филологических наук. – Ашхабад, 1969. – 88 с.
25. Родионов В. Г. Чувашское и тюркское стихосложение: Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд. Чуваш. ун-та, 1980. – 80 с.
26. Родионов В. Г. Чувашский стих. Проблемы становления и развития. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1992. – 224 с.
27. Рысалиев К. Киргизское стихосложение. Автореферат ... доктора филологических наук. – Фрунзе, 1965. – 132 с.
28. Смирнова Е. М. Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья. Автореферат ... доктора искусствоведения. – СПб., 2010. – 52 с.
29. Тобуроков Н. Н. Якутский стих. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1985. – 160 с.

30. Тобуроков Н. Н. Проблемы сравнительного стиховедения (на материале советской поэзии тюркоязычных народов Сибири). – Якутск: Наука, 1991. – 178 с.
31. Тогуй-оол А. С. Опыт исследования тувинского стихосложения // Учёные записки / Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1953. Вып. I. – С. 93–110.
32. Трояков П. А. К вопросу о хакасском стихосложении // Ученые записки / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. X. – Абакан, 1964. – С. 26–43.
33. Унгвицкая М. Хакасское стихосложение. Автореферат ... кандидата филологических наук. М., 1952. 15 с.
34. Утешева Е. А. Ритмико-интонационная структура кавказского лирического стиха (экспериментально-фонетическое исследование). – Алма-Ата, 1979. – 27 с.
35. Файзуллина А. Б. Традиции восточной литературы в башкирской поэзии XIX–начала XX века. Автореферат ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2010. – 28 с.
36. Фазылова Ф. С. Нравственно-этические проблемы в современной башкирской поэзии (II половина XX–начало XXI века). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2017. – 144 с.
37. Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения (На материале уйгурской классической и современной поэзии). – Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1963. – 216 с.
38. Хамраев М. Пламя жизни (о системе стихосложения тюркоязычных народов). – Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988. – 256 с.
39. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
40. Хөсәйенов Ф. Б. Башкорт шиғыры. Шигрият һүзлеге. – Өфө: Гилем, 2003. – 480 б.
41. Шаповалов В. Киргизская стихотворная культура и проблемы перевода. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 116 с.
42. Anderson, Benedict R. O'G. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. and extended ed. – London; New York: Verso, 1991.
43. Hines T. M. An odd effect: lengthened reaction times for judgments about odd digits // *Memory & Cognition*. 1990. Vol. 18. P. 40–46.
44. Huber S., Klein E., Graf M., Nuerk H.-Ch., Moeller K., Willmes K. Embodied markedness of parity? Examining handedness effects on parity judgments // *Psychological Research*. 2014. 79 (6). P. 963–977.
45. Koptjevskaja-Tamm M., Divjak D., Rakhilina E. V. Aquamotion verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical typology // *New Approaches to Slavic Verbs of Motion*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 315–341.
46. Kowalski T. *Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich*. - Krakow: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1921. – 184 s.
47. Köprülü M. F. La metrique 'aruz dans la poesie turque // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Vol. II. Wiesbaden, 1964. P. 252–266.
48. Majid A., Gullberg M., Staden van M., Bowerman M.. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // *Cognitive Linguistics*. 2007. Vol. 18. Iss. 2 [Special issue]. P. 179–194.
49. Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages // *Language Sciences*. 2015. Vol. 49. P. 1–18.
50. Nuerk H.-C., Iversen W., Willmes K. Notational modulation of the SNARC and the MARC (linguistic markedness of response codes) effect // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A: Human Experimental Psychology*. 2004. 57: 5. P. 835–863.

References

1. Abdullaev D. Narodnye osnovy stihoslozheniya v poezii Mahtumkuli. – Ashkhabad: Ylym, 1983. – 80 s.
2. Aliev S. H. Formy klassicheskoy azerbajdzhanskoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Baku, 1966. – 34 s.
3. Aliev M. I. Formy i vidy azerbajdzhanskoj narodnoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Baku, 1976. – 26 s.
4. Allahyarov K. G. Genesis, stanovlenie i puti evolyucii arzerbajdzhanskogo stihoslozheniya. – Kirov, 2011. – 179 s.
5. Ahmetov Z. A. Kazahskoe stihoslozhenie (Problemy razvitiya stiha v dorevolucionnoj i sovremennoj poezii). – Alma-Ata: Nauka, 1964. – 460 s.
6. Bekmuradov A. Osnovnye tendencii razvitiya stihoslozheniya v turkmenskoy sovetskoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ashkhabad, 1980. – 33 s.
7. Bekmuradov A. Poeticheskoe masterstvo Mahtumkuli Fragi. Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Ashkhabad, 1990. – 50 s.
8. Vasil'ev G. M. Yakutskoe stihoslozhenie. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 128 s.
9. Dzhafar A. Teoreticheskie osnovy aruzi i azerbajdzhanskij aruz (v sravnenii s arabskim, persidskim, tadzhikskim, tureckim i uzbekskim aruzami). Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR, 1968. – 198 s.
10. Dongak U. A. Tuvinskoe stihoslozhenie. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. – Kyzyl, 1999. – 158 s.
11. Zhirmunskij V. M. Ritmiko-semanticheskij parallelizm kak osnova drevnetyurkskogo narodnogo epicheskogo stiha // Vopr. yazykoz. 1964. № 4. S. 3–24.
12. Zhirmunskij V. M. O nekotoryh problemah teorii tyurkskogo narodnogo stiha // Vopr. yazykoz. 1968. № 1. S. 23–42.
13. Ivanov N. I. CHuvashskoe stihoslozhenie i ego osobennosti. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Cheboksary, 1958. – 12 s.
14. Ivanov Vyach. Vs. Chet i nechet: asimmetriya mozga i znakovyh sistem. – M.: Sovetskoe radio, 1978. – 185 s.
15. Ilyushin A. A. Russkoe stihoslozhenie. – M.: Vyssh. shk., 2004. – 240 s.
16. Iskandarova S. A. Evolyuciya metriceskogo i sillabicheskogo stihoslozheniya v bashkirskoj poezii nachala XX veka. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ufa, 2013. – 23 s.
17. Kaskinova G. N. Voprosy strukturnoj poetiki v sovremennoj bashkirskoj poezii. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ufa, 2007. – 22 s.
18. Katashev S. M. Osnovy altajskogo stihoslozheniya. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – M., 1972. – 24 s.
19. Korsh" Θ. Drevn'jšij narodnyj stih" tureckih" plemen" // Zapiski Vostochnago otděleniya Imperatorskago russkogo arhologicheskago obshchestva. T. XIX. Vyp. II–III. – SPb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk", 1909. – S. 139–167.
20. Orekhov B. V. Bashkirskij stih XX veka. Korpusnoe issledovanie. – SPb.: Aletejya, 2019. – 344 s.
21. Orekhov B. V. Metr otrezkov dlinnee stroki v bashkirskom sillabicheskom stihe // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2019. – T. 78. – № 2. – S. 41–50.
22. Polivanov E. D. O prieme alliteracii v kirgizskoj poezii v svyazi s poeticheskoy tekhnikoj i yazykovymi faktorami drugih «altajskih» narodnostej // Problemy vostochnogo stihoslozheniya. – M, 1973. – S. 100–106.
23. Rahilina E. V., Reznikova T. I. Frejmovyj podhod k leksicheskoy tipologii // Voprosy yazykoznanija. 2013. № 2. S. 3–31.
24. Redzhepov R. Liricheskoe sodержanie i iskusstvo stiha. Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Ashkhabad, 1969. – 88 s.
25. Rodionov V. G. Chuvashskoe i tyurkskoe stihoslozhenie: Ucheb. posobie. – Cheboksary: Izd. Chuvash. un-ta, 1980. – 80 s.

26. Rodionov V. G. Chuvashskij stih. Problemy stanovleniya i razvitiya. – Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. – 224 s.
27. Rysaliev K. Kirgizskoe stihoslozhenie. Avtoreferat ... doktora filologicheskikh nauk. – Frunze, 1965. – 132 s.
28. Smirnova E. M. Ritmicheskij stroj muzykal'no-poeticheskogo fol'klora tatar-musul'man Volgo-Ural'ya. Avtoreferat ... doktora iskusstvovedeniya. – Spb., 2010. – 52 s.
29. Toburokov N. N. Yakutskij stih. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 160 s.
30. Toburokov N. N. Problemy sravnitel'nogo stihovedeniya (na materiale sovetskoj poezii tyurkoyazychnyh narodov Sibiri). – Yakutsk: Nauka, 1991. – 178 s.
31. Toguj-ool A. S. Opyt issledovaniya tuvinskogo stihoslozheniya // Uchyonye zapiski / Tuvinskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii. – Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953. Vyp. I. – S. 93–110.
32. Troyakov P. A. K voprosu o hakasskom stihoslozhenii // Uchenye zapiski / Hakasskij nauchno-issledovatel'skij institut yazyka, literatury i istorii. Vyp. X. – Abakan, 1964. – S. 26–43.
33. Ungvickaya M. Hakasskoe stihoslozhenie. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. M., 1952. 15 s.
34. Utesheva E. A. Ritmiko-intonacionnaya struktura kavkazskogo liricheskogo stiha (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie). – Alma-Ata, 1979. – 27 s.
35. Fajzullina A. B. Tradicii vostochnoj literatury v bashkirskoj poezii XIX–nachala XX veka. Avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. – Ufa, 2010. – 28 s.
36. Fazylova F. S. Nравственно-этические проблемы в современной башкирской поэзии (II половина XX–начало XXI века). – Ufa: Bashkirskaya enciklopediya, 2017. – 144 s.
37. Hamraev M. K. Osnovy tyurkskogo stihoslozheniya (Na materiale ujugurskoj klassicheskoy i sovremennoj poezii). – Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii Nauk Kazahskoj SSR, 1963. – 216 s.
38. Hamraev M. Plamyazhizni (o sisteme stihoslozheniya tyurkoyazychnyh narodov). – Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyama, 1988. – 256 s.
39. Holshevnikov V. E. Osnovy stihovedeniya: Russkoe stihoslozhenie. – Spb: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. – 208 s.
40. Höşojenov F. B. Bashkort shiryry. Shirriät hýzlege. – Öfö: Filem, 2003. – 480 b.
41. Shapovalov V. Kirgizskaya stihotvornaya kul'tura i problemy perevoda. – Frunze: Kyrgyzstan, 1986. – 116 s.
42. Anderson, Benedict R. O'G. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. and extended ed. – London; New York: Verso, 1991.
43. Hines T. M. An odd effect: lengthened reaction times for judgments about odd digits // Memory & Cognition. 1990. Vol. 18. P. 40–46.
44. Huber S., Klein E., Graf M., Nuerk H.-Ch., Moeller K., Willmes K. Embodied markedness of parity? Examining handedness effects on parity judgments // Psychological Research. 2014. 79 (6). P. 963–977.
45. Koptjevskaja-Tamm M., Divjak D., Rakhilina E. V. Aquamotion verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical typology // New Approaches to Slavic Verbs of Motion. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 315–341.
46. Kowalski T. Ze studiów nad formą poezji ludów tureckich. – Krakow: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1921. – 184 s.
47. Köprülü M. F. La metrique 'aruz dans la poesie turque // Philologiae Turcicae Fundamenta. Vol. II. Wiesbaden, 1964. P. 252–266.
48. Majid A., Gullberg M., Staden van M., Bowerman M.. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 18. Iss. 2 [Special issue]. P. 179–194.
49. Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages // Language Sciences. 2015. Vol. 49. P. 1–18.
50. Nuerk H.-C., Iversen W., Willmes K. Notational modulation of the SNARC and the MARC (linguistic markedness of response codes) effect // The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A: Human Experimental Psychology. 2004. 57: 5. P. 835–863.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

С. Д. Дарбасова, Нь. И. Ильина

**Состоялся симпозиум
«Алексей Елисеевич Кулаковский – духовный лидер
Якутии», посвященный 145-летию А. Е. Кулаковского
и 110-летию послания “Якутской интеллигенции”**

Основными организаторами мероприятия выступили «Николаев – центр» – Библиотека-архив Первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева и СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

25-26 мая 2022 г. в с. Качикатцы Хангаласского улуса состоялся Республиканский симпозиум с международным участием “А. Е. Кулаковский – духовный лидер Якутии” посвященный 145-летию основоположника якутской литературы, просветителя и пророка Алексея Кулаковского и 110-летию письма «Якутской интеллигенции». В течение двух дней представители госорганов власти, госучреждений, муниципалитетов, общественности Якутии, в том числе научные сотрудники обсудили вопросы сохранения, популяризации богатого наследия великого мыслителя народа саха.

Место проведения симпозиума выбрано не случайно: именно здесь Кулаковским созданы «Письмо якутской интеллигенции», «Дары реки» и «Сновидение шамана», в которых заложена глубокая мысль о судьбе родного края, пути его развития и процветания.

Мероприятие проводилось по инициативе первого президента Якутии Михаила Ефимовича Николаева. Он отметил, что село Качикатцы должно быть одним из мест туристического маршрута «Путь Кулаковского», который в совокупности со всеми достопримечательностями района сможет привлечь к себе внимание любителей активного и культурного отдыха со всей республики и даже страны.

«Хангаласские товарищи должны принять это не только как напутствие. Они реально должны воссоздать образцовое хозяйство, основанное 100 лет назад Семеном Петровичем Барашковым при встрече с Кулаковским. Перенести тот дом, где они жили и который был одновременно школой. Это действительно сакральное место, которое подпитало Алексея Елисеевича к написанию его гениальных трудов. Не побоюсь сказать, что в творчестве Кулаковского это была вершина. Нужно здесь хотя бы построить

ДАРБАСОВА Светлана Дмитриевна – к. пед. н., старший научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: dars07@mail.ru

DARBASOVA Svetlana Dmitrievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Kulakovsky Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИЛЬИНА Ньургуйаана Ивановна – магистр филологии, младший научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: nurguu070787@mail.ru

ILYINA Nurguiaana Ivanovna – Master of Philology, Junior Researcher, Kulakovsky Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Дом творчества для писателей и людей искусства. Вы всегда будете черпать силы из воздуха, атмосферы, где создавал вершину своих трудов Алексей Кулаковский. Пусть эта земля поможет вам раскрыть свои таланты», — обратился к присутствующим Михаил Николаев.

Свое приветствие участникам симпозиума передал Глава Республики Саха (Якутия) Айсен Николаев. «Наша главная цель – это сбережение народа в условиях меняющегося мира и это приумножение цивилизационного потенциала Якутии как части российского государства. Мы должны с такой же уверенностью смотреть в будущее, с какой предвидел его Өксөкүлээх Өлөксөй! Духовное наследие Алексея Елисеевича Кулаковского будет давать нам все новые стимулы для развития родной Якутии!», – сказал глава Якутии.

Работа симпозиума проводилась по секциям: «Развитие сельского хозяйства Якутии. Создание проекта образцового хозяйства имени С. П. Барашкова в с. Качикатцы Хангаласского улуса», «Укрепление общественного здоровья – один из ключевых факторов народосбережения», «Творческое наследие А. Е. Кулаковского в контексте проблем современности», «Создание туристического маршрута «Путь Кулаковского». Также в рамках мероприятия состоялся конкурс ораторского искусства, организованы лекции и мастер-классы «История Письма якутской интеллигенции А. Е. Кулаковского», «Образ А. Е. Кулаковского в восприятии современных школьников», презентация книги «Сеймчанский дневник», выставки.

Институт А. Е. Кулаковского выступил соорганизатором данного мероприятия. Сотрудники Института П. В. Сивцева-Максимова, С. Д. Дарбасова, Н. И. Ильина приняли участие с докладами, были модераторами второй секции и презентации книги «Сеймчанский дневник».

В масштабном мероприятии приняли участие более 400 человек, в том числе делегации из Таттинского, Оймяконского, Нюрбинского и других районов. По итогам работы симпозиума подписан указ Главы Республики об установлении 16 марта Днем Алексея Елисеевича Кулаковского и об объявлении 2022-2027 гг. пятилетием Алексея Кулаковского.

Представляем программу секции «Творческое наследие А. Е. Кулаковского в контексте проблем современности».

Руководители секции: Голомарева Елена Христофоровна, председатель постоянного комитета Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия); Дарбасова Светлана Дмитриевна, к.пед.н., старший научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ.

По вопросам современного состояния изучения наследия А. Е. Кулаковского выступили: Сивцева-Максимова П. В., д. ф. н., профессор, г. н. с. Института А. Е. Кулаковского с докладом «Академическое издание наследия А. Е. Кулаковского»; Ильина Нь. И., магистр филологии, м. н. с. Института А. Е. Кулаковского с докладом «Труды А. Е. Кулаковского по якутскому фольклору». Колесов А. Г., первый заместитель генерального директора АУ РС (Я) «Дом дружбы народов им. А. Е. Кулаковского», представил о «Деятельности Дома дружбы народов имени А. Е. Кулаковского по сохранению и увековечению памяти философа-мыслителя, выдающегося писателя и общественного деятеля А. Е. Кулаковского».

Кинорежиссер «Сахафильма» Аржаков Н. И., рассказал о процессе создания полнометражного художественного фильма о А. Е. Кулаковском по заказу Правительства РС (Я). Доклад Халгаевой Н. В., магистра филологии, специалиста ГБУ РС (Я) «Якутский государственный литературный музей им. П. А. Ойунского» был посвящен представлению уникальных экспонатов, связанных с биографией Өксөкүлээх Өлөксөй. Эту тему продолжила Ноговицына Е. С., научный сотрудник того же музея.

Ноговицын А. П., магистр филологии, заведующий Музеем города Якутска, выступил с докладом: «О результатах работы подсекции «Наследие А. Е. Кулаковского»

Республиканской конференции «Шаг в будущее»». Петрова С. Е., заместитель директора по учебной работе МБОУ «Павловская СОШ им. В. Н. Оконешникова – “Педагогическое наследие А. Е. Кулаковского”». Иванова Д. Е., учитель биологии и географии МБОУ «Чычымахская СОШ им. С. Р. Кулачикова-Элляй» – “Виртуальное путешествие на родину А. Е. Кулаковского”.

Работа секции завершилась обсуждением представленных информации, обменом мнениями, о планах дальнейшей работы по наследию классика.

Далее работа секции продолжалась в форме интересных выступлений в рамках презентации книги «Сеймчанский дневник» А. Кулаковского под руководством старшей внучки классика, заслуженного деятеля культуры Раисы Реасовны Кулаковской. Во всех мероприятиях приняла активное участие Лариса Реасовна Кулаковская и ее коллеги из г. Белград Республики Сербия.

С. И. Иманова

О Р. Г. Кулиевой

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Рагиля Гусейн гызы Кулиева родилась 23 мая 1947 г. в городе Евлах Азербайджанской ССР. В 1965 г. окончила среднюю школу № 158 города Баку, а в 1970 г. – с отличием филологический факультет Бакинского государственного университета. В 1970-1973 гг. продолжила обучение в очной аспирантуре филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, где в 1973 г. защитила кандидатскую диссертацию «Реализм А. П. Чехова и проблема импрессионизма». С 1974 г. по направлению Министерства образования начала работать преподавателем в Азербайджанском педагогическом институте русского языка и литературы имени Мирзы Фатали Ахундова. В 1980 г. получила звание доцента. С 1984 г. по 1986 г. была в докторантуре МГУ в качестве старшего научного сотрудника. В 1989-1990 гг. работала Ученым секретарем Специализированного Совета по защите докторских диссертаций. В 1990 г. защитила докторскую диссертацию «Проза Чехова и художественные искания русской литературы рубежа веков». В 1992 г. по результатам конкурса стала профессором кафедры теории литературы АПИРЯИЛ имени М. Ф. Ахундова.

Р. Г. Кулиева читала лекции по истории русской литературы, введению в литературоведение, теории литературы, истории русской литературной критики, поэтике, «Литературные течения и направления», «Научный анализ художественного текста» и специальные курсы, семинары «Поэтика Чехова», «Поэтика романов Достоевского», «Поэты чистого искусства», «Поэтика современного английского романа», «Теория мифа и фольклора», «Использование мифологических элементов в мировой литературе». В 1997-2000 гг. назначена проректором по научной работе, и за это время организовала ряд научных конференций. Автор более 120 научных статей, опубликовала 3 программы, 2 монографии и 2 сборника, редактор 5 научных монографий.

За годы работы Рагиля Гусейн гызы подготовила 8 докторов философии. Она член Научно-координационного совета при Министерстве образования Азербайджанской Республики. С 2001 г. по 2019 г. руководила научно-исследовательской лабораторией «Тюрко-славянские связи». Член диссертационных советов, созданных при Академии наук Азербайджана, Председатель диссертационного совета D 02.071 при Бакинском славянском университете по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и доктора философии и председатель научной комиссии Большого ученого совета Бакинского славянского университета.

ИМАНОВА Севиндж Ингилаб гызы – к. филол. н., ведущий специалист отдела азербайджановедения и славистики Научно-исследовательской лаборатории Бакинского славянского университета.

E-mail: sevinc10@rambler.ru

IMANOVA Sevinj Ingilab – Candidate of Philological Sciences, Leading Specialist of the Department of Azerbaijan Studies and Slavic Studies, Research Laboratory, Baku Slavic University.

Рагиля Кулиева как ученый-филолог включена в число русских литературоведов («Кто есть кто в русском литературоведении: Справочник». Ч. I-III (Гл. ред. А. Н. Николюкин. Сост. А. В. Дранов, Т. М. Милионщикова, О. В. Михайлова и др., М., ИНИОН, 1991-1993).

Участник ряда республиканских и международных научных конференций (Израиль, Баку, Москва, Мелихово, Грузия, Казахстан, Туркменистан, Волгоград, Уфа, Брест, Казань, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия), Элиста, Астрахань, Ясная Поляна, Турция, Польша, Испания, Греция, Венгрия, Германия, Англия, Франция, Япония и др.), доклады нашли отражение в научных сборниках.

Распоряжением Правительства России от 13 декабря 2010 г. №1138 награждена памятной медалью “150-летие Антона Чехова”, а 29 апреля 2011 года в Большом научном совете Бакинского славянского университета посол России в Азербайджане В. Дорохин представил награду Рагиле Кулиевой.

В июне 2014 г. награждена Правительством Республики Саха (Якутия) почетным Указом за заслуги “В укреплении сотрудничества и дружбы между Азербайджаном и Республикой Саха”.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

Электронное научное периодическое издание

2 (06) 2022

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.06.2022

Формат 70×108/16.

Дата выхода в свет 30.06.2022